

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ РАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ
ИМ. С. И. ВАВИЛОВА РАН

А. М. СКВОРЦОВ, С. Г. КАРПЮК,
В. А. КОНОПАТКИН

АНТИЧНАЯ КЛАССИКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:

ОТ АПОЛОГИИ «СКИФСКОГО»
СОПРОТИВЛЕНИЯ К ГРЕКО-РИМСКОЙ
ЭСТЕТИКЕ СОВЕТСКИХ ТРИУМФОВ

Санкт-Петербург
НАУКА
2025

УДК 93/94
ББК 63.1
С42

Рецензенты:

акад. РАН Н.Н. Казанский
д-р филос. наук Л.Я. Жмудь
д-р ист. наук В.В. Тихонов
канд. ист. наук В.И. Мажуга

Скворцов А.М., Карпюк С.Г., Конопаткин В.А. Античная классика в годы Великой Отечественной войны: от апологии «скифского» сопротивления к греко-римской эстетике советских триумфов. — СПб.: Наука, 2025. — 239 с.

ISBN 978-5-02-041444-0

Монография посвящена влиянию Великой Отечественной войны на одну из историко-филологических дисциплин — антиковедение (классической филологии и древней истории). Задача авторов заключается в понимании того, как, казалось бы, далекая от советского человека классическая древность была мобилизована для решения задач военного времени. Для этого анализируются институциональные изменения, исследовательская и преподавательская деятельность ученых, характер нарративов об античности. Особое внимание уделяется подготовке кадров, адаптации вузовских и школьных учебных программ к военным условиям. Сообщество антиковедов предстает в этот период как элемент масштабного слаженного механизма, запущенного для достижения общей цели — Победы; при этом в творчестве антиковедов находилось место вполне традиционным научным занятиям, а не только агитационно-пропагандистской работе. Монография будет интересна историкам науки, специалистам по истории античности и Великой Отечественной войны, а также всем, кто интересуется историей советской науки и культуры.

© Скворцов А.М., Карпюк С.Г.,
Конопаткин В.А., 2025
© Издательство «Наука», 2025
© Палей П., оформление, 2025

ISBN 978-5-02-041444-0

ВВЕДЕНИЕ

Великая Отечественная война как период в истории России стала изучаться еще на начальном этапе самой войны: в декабре 1941 г. была создана специальная Комиссия по истории Отечественной войны при Академии наук СССР. С тех пор многие стороны жизни советского общества в 1941—1945 гг. исследованы довольно хорошо: политическое руководство, стратегия и тактика войск, военная экономика, повседневная жизнь, дипломатия и др. Интерес вызывала и деятельность ученых, в том числе и историков, которые не оставались в стороне от общего дела. Вообще, историческая наука в этот период приобретает характер одной из самых востребованных дисциплин гуманитарного цикла, а образы прошлого становятся неотъемлемой составляющей идеологических кампаний, направленных на патриотическое воспитание. В нашем распоряжении имеются публикации (журналы, брошюры, книги), визуальные материалы (агитационно-пропагандистские документы), делопроизводственные бумаги учебных и научных учреждений, переписка и воспоминания, которые не только свидетельствуют о самом факте вклада историков в достижение Победы, но и позволяют понять механизмы, способы и условия осуществления этого вклада. Нельзя сказать, что находящиеся в нашем распоряжении источники для изучения периода войны достаточно: ограничения тех лет сказались как на количестве, так и на качестве материальных носителей информации. Однако у современного исследователя все же имеется достаточно информационных ресурсов, чтобы попытаться проникнуть в «творческую лабораторию» советских ученых в те трудные годы.

Эта книга посвящена не исторической науке в целом и не всем историкам военного времени. Авторы избрали в качестве объекта изучения антиковедение — одну из исторических дисциплин, которая имеет отношение не только к историкам-античникам, но и к филологам-классикам. Нас будут интересовать

способы и формы мобилизации научного знания советскими учеными именно о греко-римской древности для исполнения важнейших культурных и общественных задач, главная из которых — идеологическое противостояние врагу. При этом, казалось бы, в условиях тяжелой борьбы советского народа с фашистскими захватчиками изучение классической древности не могло быть актуальным, а использование античных идей и образов в агитации и пропаганде не имело перспективы. Авторы постараются опровергнуть подобные воззрения.

В книге будет показано, как в тяжелых военных условиях (в прифронтовой Москве, в блокадном Ленинграде, в эвакуации) советские историки и филологи создавали научные и агитационные тексты, защищали диссертации, порой актуализируя их под нужды времени, обновляли под поставленные военным временем задачи учебные курсы, лекционные и практические занятия, методические рекомендации для учителей, преподававших историю древнего мира в школе.

Авторы книги рассмотрят новые интерпретации исторического материала древности, факторы, повлиявшие на специфику восприятия советскими учеными античной истории в годы войны. Именно тогда проходили важные институциональные трансформации, претерпевали изменения социальные коммуникации и многие сложившиеся за два предшествующих десятилетия практики; модифицировались проблематика исследований, стиль повествования, большое распространение получила популярная лекция как форма трансляции знаний. Даже известные латинские поговорки и простые латинские тексты о характере римлян, используемые на занятиях по древним языкам, приобретали в военное время особый смысл. И ученым, и студентам, и слушателям казалось, что они очень хорошо понимают, например, героических защитников Капитолия от вторжения галлов в 390 г. до н. э. Эмоциональное сопереживание сближало советского человека с Античностью; в результате древняя эпоха не представлялась такой уж далекой, традиции классической античности в советской архитектуре не казались чуждыми, а возведенные сооружения излишне помпезными.

Итак, цель настоящего исследования — постараться понять и объяснить, как наука о столь далекой от нас Античности оказалась приспособлена (и институционально, и коммуникационно, и стилистически) к новым военным условиям. Представленная книга — результат многолетних изысканий авторов, основанных

на большом корпусе документальных материалов из архивов Москвы и Санкт-Петербурга. Ее разделы были опубликованы в ведущих отечественных исторических журналах.

Авторы разделов:

Карпюк Сергей Георгиевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН: глава I (1.1 (совместно с А.М. Скворцовым), 1.2, 1.3, 1.5), глава II (2.2), глава III (3.2 (совместно с А.М. Скворцовым)), Заключение (совместно с А.М. Скворцовым), Приложение 1.

Скворцов Артем Михайлович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Отдела всеобщей истории Санкт-Петербургского института истории РАН: Введение, глава I (1.1 (совместно с С.Г. Карпюком), 1.4), глава II (Введение, 2.1, 2.3, 2.5), глава III (Введение, 3.1, 3.2 (совместно с С.Г. Карпюком), 3.4), Заключение (совместно с С.Г. Карпюком), Приложение 2.

Конопаткин Владислав Алексеевич, аспирант кафедры истории Древнего мира МГУ им. М.В. Ломоносова: глава II (2.4, 2.6), глава III (3.3).

Глава I

АКАДЕМИЧЕСКОЕ АНТИКОВЕДЕНИЕ МОСКВЫ И ЛЕНИНГРАДА

1.1. Изучение истории Древней Греции и Рима в институтах АН СССР перед войной

К июню 1941 г. «советская наука об античности» институционально оформилась: воссозданы исторические факультеты с кафедрами древней истории, открыты снова классические отделения в Ленинграде и Москве (в 1932 и 1934 гг. соответственно), в 1936 г. произошла реорганизация научно-исследовательских институтов, после чего возник Институт истории АН СССР с ленинградским отделением, в рамках которого функционировал Сектор древней истории. Наконец, в 1937 г. основан журнал «Вестник древней истории», выходивший четыре раза в год.

Можно говорить об активизации деятельности советских историков древности в последние месяцы перед началом войны. 21 января 1941 г. на заседании Президиума АН СССР был утвержден состав ученых советов как Института истории, так и Ленинградского отделения института. Ученый совет Института истории в Москве состоял из 29 членов (из них 8 академиков и 11 членов-корреспондентов АН СССР), при этом историков древнего мира было всего двое: академик С.А. Жебелев и кандидат исторических наук, старший научный сотрудник института Н.А. Машкин¹. Для сравнения: в ленинградском ученом совете специалистов по древней истории было существенно больше: из 17 членов совета (среди которых было 6 академиков) историю древнего мира представляли четверо: академики С.А. Жебелев, В.В. Струве и А.И. Тюменев, а также кандидат

---

¹ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1а-1941. Д. 20. Л. 27—28.

исторических наук, старший научный сотрудник института С.И. Ковалев².

В довоенный период потенциал Ленинграда для выполнения научно-исследовательских работ в области антиковедения, надо полагать, был выше. Институциональные «эксперименты» 1920-х, репрессии 1930-х гг. привели к невозможности сохранения преемственности в столичном городе по возвращению специалистов по древности, поэтому имелись кадровые проблемы³. Только к 1939 г. московский сектор окончательно оформился в следующем составе: зав. сектором А.В. Мишулин (до него — ленинградский востоковед В.В. Струве), В.С. Сергеев, А.Б. Ранович, Н.А. Машкин, К.К. Зельин и С.И. Протасова. В Ленинградском отделении Института истории АН СССР (далее — ЛОИИ) под руководством С.А. Жебелева была образована группа истории древнего мира в составе (на 1941 г.): А.И. Болтуновой, Д.П. Каллистова, С.И. Ковалева, М.А. Коростовцева, С.Я. Лурье, Ю.Я. Перепелкина. С.А. Жебелев в письме М.И. Максимовой от 17 октября 1940 г. отмечает уважительное отношение со стороны руководства Отделения к нему лично и к его группе, выразившееся, в частности, в том, что директор М.В. Левченко «отвел сектору [формально: группе. — *Авт.*] особое помещение, у каждого из сотрудников свой стол, и разговаривать можно громко, а не шепотом, как прежде»⁴. Отношения между двумя академическими центрами в целом можно назвать доброжелательными и даже приятельскими. «Теперь с Москвой <...> дружба, что и водой не разольешь», — так характеризовал эти отношения С.А. Жебелев в 1938 г. после одного из «симпозионов с едой» на квартире у В.С. Сергеева⁵. На этом вечере ленинградский академик, произнеся тост за уничтожение «демаркационной линии» между Москвой и Ленинградом, отдав должное Москве как столице, получил от хозяев ответ: «Да, Москва столица, но в области древней истории Ленинград как был, так и остается столицей, и мы москвичи будем ездить в эту столицу на поклон»⁶. Показательно, что в 1940 г. руководство Сектором древней истории Института истории после вынужденного ухода А.В. Мишулина по причине

² Там же. Л. 14—15.

³ Советская древность 2021, 399—400.

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 71.

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 171. Л. 176.

⁶ Там же. Л. 176—176 об.

получения им стипендии Сталина для написания докторской диссертации перешло (по рекомендации самого же Мишулина) именно С.А. Жебелеву⁷. Последние мирные годы, рубеж 1930—1940-х гг., многие историки-антиковеды вспоминали позже как «золотое время» совместной работы «ленинградцев» и «москвичей» на контрасте разобщенности сообщества после войны. 8 сентября 1945 г. А.И. Болтунова пишет следующие строки А.Б. Рановичу: «...слишком замкнулись [мы] в своих маленьких кружках. При жизни С.А. Жебелева не было “ленинградцев” и “москвичей”, а был один сектор. Помогал этому очень сильно также и ВДИ [«Вестник древней истории». — *Авт.*] и общая работа над “Всемирной историей”. А теперь слишком уж мы разобщены»⁸. О разобщенности антиковедов Советского Союза пишет и К.М. Колобова в письме тому же А.Б. Рановичу 22 июня 1946 г., отмечая, что «ленинградцы»-историки практически не знают «москвичей», за исключением четырех-пяти человек, и в целом имеют случайные сведения о тематике исследований в столице⁹.

Сообщество советских антиковедов включается в процесс конструирования памяти об отечественной науке. Усиливается линия на связь с дореволюционным прошлым через прежде всего историков старой школы. 21 января 1941 г. заместитель руководителя Сектора истории древнего мира Н.А. Машкин подает докладную записку академику-секретарю Отделения истории и философии АН СССР А.М. Деборину с просьбой утвердить издание сборника по древней истории и классической филологии в честь пятидесятилетия научной и педагогической деятельности академика С.А. Жебелева¹⁰. Об активности антиковедов свидетельствует то, что Н.А. Машкин и С.А. Жебелев были отмечены «за ударную работу по сектору древней истории» в приказе № 22 по Институту истории АН СССР от 30 января 1941 г.¹¹

В последние предвоенные месяцы научные журналы и сборники АН СССР обзаводятся редакционными коллегиями, которые утверждаются на заседании отделений Академии. 14 февраля 1941 г. датируется письмо ответственного редактора журнала

⁷ Советская древность 2021, 200.

⁸ Абрам Борисович Ранович 2018, 30.

⁹ Там же. С. 48.

¹⁰ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1а-1941. Д. 20. Л. 17.

¹¹ Там же. Л. 23.

«Вестник древней истории» А.В. Мишулина А.М. Деборину с просьбой прислать выписку из постановления Бюро Отделения с составом редколлегии журнала. В состав редколлегии вошли академики С.А. Жебелев и Ю.В. Готье, ответственным редактором и заместителем редактора были назначены соответственно А.В. Мишулин и А.Б. Ранович¹².

Почти с момента организации Института истории АН СССР его сотрудники сосредоточились на подготовке многотомных изданий «Всемирная история» и «История СССР», для чего необходимо было концептуально в русле марксистско-ленинского учения в изводе Сталина осмыслить исторический процесс и наполнить его богатым фактическим содержанием. Подобные издания должны были стать «витриной» достижений советской гуманитарной науки и вместе с этим продемонстрировать ведущие позиции в исторической науке Института истории. Его директор академик Н.М. Лукин стремился сделать институт структурообразующим учреждением, контролирующим планы и других академических институтов в области истории¹³. По разным причинам — организационного, финансового, личностного, теоретико-концептуального характера — издание «Всемирной истории» затянулось (и до войны так и не вышло) и приобрело неожиданный размах (изначально, например, задумывалось пять томов, через несколько лет речь шла уже о 26). Конечно, концептуальные обобщения невозможны были и без проведения отдельных «плановых» исследований. Хотя в 1937 г. на ученом совете института и в парткоме критиковался индивидуальный монографический характер работ как пережиток прошлого, все же эта форма отчетности сохранялась¹⁴. Более того, и в 1941 г. в группе древнего мира ЛОИИ под сомнение ее никто не ставил.

Охарактеризовать подходы к изучению античной истории позволяло обсуждение плана работы С.И. Ковалева над монографией «Социальный кризис III в. в Римской империи» 27 февраля 1941 г. в ЛОИИ. Выступавшие в дискуссии Д.П. Каллистов и С.А. Жебелев заявили о слишком объемном ее характере и посоветовали начать с частных вопросов. Ковалев на это предложение согласился, и в итоге его тема на 1941 г. была сформулирована как «Критические исследования к истории социального

¹² Там же. Л. 65.

¹³ «Центром исторической науки...» 2021, 72—73, 77—78.

¹⁴ Тихонов 2021, 148—149.

кризиса III в. в Римской империи», что подразумевало разработку ряда подтем источниковедческого и историографического плана¹⁵. Группа древнего мира ЛОИИ занималась в довоенное время вполне традиционными для науки исследованиями. Этому не помешало и то, что уже в 1936 г. руководство Института ставило в укор специалистам по древности и средневековью «неактуальную» исследовательскую проблематику, «непатриотизм» и нехватку национального сознания¹⁶. Такие заявления в данном случае имели, скорее, риторический и формальный характер: в условиях подготовки «больших нарративов» возникла востребованность специалистов «старой школы», а соответственно, и их подходов. В глазах высшего партийного руководства древняя история обрела свое значение как важный хронологический период в истории человеческого общества и истории общественных формаций.

В 1941 г. с подготовкой томов «Всемирной истории» руководство уже не торопило. Академик В.П. Волгин, главный редактор издания, настаивал, по словам С.А. Жебелева, не столько на соблюдении жестких сроков сдачи работы, сколько на ее высоком научном уровне, поскольку чрезмерная спешка в работе авторов и редакторов может привести к снижению качества¹⁷. А при обсуждении плановой темы на 1941 г. старшего научного сотрудника группы древнего мира ЛОИИ М.А. Коростовцева по выполнению переводов и написанию комментариев к египетским историческим текстам эпохи Среднего царства В.В. Струве высказался за то, чтобы подготовленное на этой основе издание не удовлетворяло лишь интересам университетского преподавания («Время заниматься такими делами в Академии наук прошло»): переводы, по его убеждению, должны стать систематической серией, с соответствующим научным аппаратом¹⁸. Очевидно, в качестве образцов подразумевались фундаментальные немецкие издания источников, осуществляемые с XIX в. Индивидуальные планы других сотрудников группы древнего мира ЛОИИ, помимо подготовки отдельных глав «Всемирной истории», включали работу над индивидуальными монографиями: ст. науч. сотр. Ю.Я. Перепелкин и С.Я. Лурье рассчитывали закончить и

¹⁵ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1655. Л. 59.

¹⁶ Шарова 2004, 340.

¹⁷ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1665. Л. 15.

¹⁸ Там же. Л. 57.

оформить к печати к концу года книги «Переворот Эхнатона» и «Афинско-Делосский морской союз» соответственно; ст. науч. сотр. С.И. Ковалев, как уже упоминалось, приступил к исследованию «Социального кризиса в Римской империи в III в.»; ст. науч. сотр. Д.П. Каллистов продолжал работать над темой «Боспор и Рим после смерти последнего Перисада до IV в. н. э.»; ст. науч. сотр. А.И. Болтунова исследовала «Колхиду в древности». Также при ЛОИИ докторантом состоял С.Л. Утченко, которому предстояло в ближайшие два года подготовить «Критические заметки к истории аграрного законодательства в Римской республике»¹⁹. В апреле 1941 г. С.А. Жебелев на заседании группы выступил с докладом о датировке т. н. «Киренской конституции», высказав предположение, что ее следует относить к 322/321 гг. до н. э., когда в начале правления Птолемея I пять номофетов по указу царя провели ревизию старых законов, итогом чего и стал этот документ. Ленинградский академик опровергал предположение ряда историков, датировавших источник захватом Кирены Магом, пасынком Птолемея I, 308/307 гг. до н. э.²⁰ В качестве основных направлений на ближайшие годы группа выдвинула довольно традиционные еще для дореволюционного антиковедения темы: «История Причерноморья в античную эпоху», «Античное государство (Восток, Древняя Греция и Рим)»²¹.

Наконец, о поступательном развитии науки о древности свидетельствуют и цифры. В Академии наук СССР в 1940 г. насчитывалось 10 282 сотрудника, из них 4324 научных работника. Численность ведущего института Отделения истории и философии АН СССР — Института истории — на 1 декабря 1939 г. составляла 194 сотрудника, к январю 1940 г. предполагалось увеличение до 204 человек, из них 141 — научный работник²². В 1939 г. на зарплату штатным и нештатным сотрудникам института было выделено 1 632 500 руб., согласно плану на 1940 г. должно было быть выделено 1 817 600 руб.²³

Подытоживая вводную часть, приведем слова А.В. Мишулина из статьи в газете «Правда» от 15 ноября 1940 г.: «...Институт истории Академии наук СССР стал всесоюзным центром

¹⁹ Там же. Л. 1—9.

²⁰ Там же. Л. 54—55.

²¹ Там же. Л. 47.

²² Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1940. Д. 44. Л. 7.

²³ Там же. Л. 42 = Л. 43.

подлинно-научной работы. Начавшаяся подготовка многотомных капитальных изданий “Всемирной истории” и “Истории СССР” покажет, в какой мере историки сумели выполнить все указания “Краткого курса” для марксистского построения всеобщей истории и истории нашей родины. Пройдут два-три года, эта работа будет завершена, и историки должны будут сдать экзамен на аттестат марксистско-ленинской зрелости²⁴. Статья называлась «На историческом фронте». Не прошло и года, и многие советские историки оказались на фронтах Великой Отечественной войны, другие — в эвакуации.

1.2. За год до войны: дискуссия о крито-микенском обществе

Накопление исторических знаний и прогресс исторической науки не идут равномерно; наряду с периодами постепенного, поступательного развития случаются и периоды быстрого роста, и знаковые события, отзвук которых слышится очень долго. Одним из подобных контрапунктов в изучении истории древнего мира в СССР стала дискуссия о характере крито-микенской цивилизации («эгейской культуры»), по выражению тех лет), которая случилась незадолго до войны в Москве в конце марта 1940 г.

Материалы дискуссии были опубликованы достаточно быстро, в том же 1940 г., подробный отчет — во втором номере ВДИ, более краткий — в седьмом, июльском номере «Исторического журнала». Поражает оперативность публикации материалов: дискуссия проходила 27 и 28 марта, а второй номер ВДИ был сдан в набор 31 марта. Впрочем, этот материал мог быть добавлен и позже: номер был подписан в печать с огромным опозданием, 5 сентября.

Дискуссия эта была настолько неординарным событием, что знаменитый советский востоковед И.М. Дьяконов вспоминал о своем присутствии на этой дискуссии почти четыре десятилетия спустя, 15 ноября 1979 г., в оппонентском отзыве на защите докторской диссертации Ю.В. Андреева: «Характеру крито-микенской цивилизации в советской науке была посвящена дискуссия 1940 г., в которой и мне довелось участвовать. Историки-маркси-

---

²⁴ Мишулин 1940, № 317.

сты согласились в том, что эта цивилизация была раннеклассовой»²⁵. Конечно же, эту дискуссию не обошли вниманием и авторы историографических трудов. Так, Э.Д. Фролов отмечал, что «...большинство советских ученых еще до войны, во время дискуссии, проходившей в Институте истории в 1940 г., отвергли тезис Б.Л. Богаевского о родовом, примитивно-коммунистическом характере крито-микенского общества»²⁶. Похожие положения содержатся и в позднесоветском учебнике по историографии²⁷, и в юбилейной статье А.И. Павловской²⁸, и в других трудах, которые рассматривали эту дискуссию исключительно с точки зрения проблемы формационной характеристики крито-микенской цивилизации. Между тем данная дискуссия, по нашему мнению, очень показательна для характеристики функционирования советской исторической науки в последние предвоенные годы и понимания ее общего уровня: в ней принимали участие многие ученые из Москвы и Ленинграда, причем не только историки-античники, она подробно освещалась в научной периодике.

Поэтому попробуем взглянуть на нее именно с «функционально-историографической» точки зрения, обращая внимание на институциональные детали. Значение дискуссии 1940 г. можно оценить, рассмотрев ее в контексте развития предвоенной советской историографии древности; для анализа важны как научные результаты дискуссии, так и ее характер. И то и другое в совокупности позволяет как провести анализ изменений в советской историографии, произошедших в конце 1930-х гг., так и оценить «рамки дозволенного»: границы свободы научного творчества советских историков.

Итак, напомним, что в середине 1930-х гг. в советской исторической науке происходят заметные перемены: в 1934 г. открываются исторические факультеты университетов, в том же году, после переезда президиума АН СССР в Москву, начинается создание головных академических институтов в Москве, и в их числе Института истории, с сектором истории древнего мира. В 1937 г. упраздняется ГАИМК, игравший столь важную роль в исторических дискуссиях конца 1920-х — первой половины 1930-х гг. Первоочередной задачей советских историков

---

²⁵ Андреев 2004, 445.

²⁶ Фролов 2006, 453.

²⁷ Историография 1980, 338.

²⁸ Павловская 1987, 3—17.

стало написание марксистских учебников для средней и высшей школы, а также многотомной «Всемирной истории», в которой исторический процесс должен был рассматриваться с марксистских позиций. В 1938 г. вышел «Краткий курс истории ВКП(б)», в котором в параграфе «О диалектическом и историческом материализме» (гл. IV, параграф 2) вся история рассматривалась как череда формаций, отличающихся одна от другой по способу производства (так называемая «пятичленка») ²⁹. Древний мир характеризовался как рабовладельческая формация, сменившая, в свою очередь, первобытно-общинный строй ³⁰. Подготовка первых томов многотомной «Всемирной истории» стояла на повестке дня (следует отметить, что на повестке дня она, по разным причинам, стояла очень долго, вплоть до первой половины 1950-х гг.). В ней формационная принадлежность того или иного исторического периода должна была иметь четкое обозначение, поэтому установление формационной принадлежности той или иной цивилизации имело для советских историков первостепенное значение.

Исследование сравнительно недавно открытой (раскопки А. Эванса в Кноссе начались в 1898 г.) крито-микенской цивилизации приковывало внимание ученых ³¹. Расшифровка линейного письма стояла на повестке дня (хотя ее задерживало нежелание А. Эванса предоставлять для всеобщего пользования открытые им тексты), приходили сведения о новых открытиях (знаменитый пилооский архив был обнаружен американскими учеными в 1939 г.). В библиотеки СССР поступала зарубежная литература по данной тематике, в «Вестнике древней истории» (1939, № 3) была опубликована статья Артура Эванса «Критское линейное письмо».

---

²⁹ «Истории известны пять основных типов производственных отношений: первобытно-общинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, социалистический» (История 1938, 119).

³⁰ История 1938, 119—120. Подчеркивалось также, что влияние географической среды не являлось определяющим для исторического развития (История 1938, 113).

³¹ Будущий главный редактор «Вестника древней истории» С.В. Киселев в 1940 г. критиковал, к примеру, коллегу-археолога А.В. Арциховского за невнимание к этой «крупнейшей цивилизации восточного Средиземноморья» и считал, что «такое невнимание к крито-микенской культуре невыгодно отразилось и на лекции о древностях Греции» (Киселев 1940, 133).

Написание главы о крито-микенской культуре было первоначально поручено ленинградскому историку Б.Л. Богаевскому, который считался ведущим в СССР специалистом по этой тематике. За 15 лет им было опубликовано немало работ по Криту и ранней Греции³²; именно Б.Л. Богаевский, как представитель ГАИМК, был командирован Главнаукой на VI Международный конгресс историков в Осло в 1928 г., где выступил с докладом «Боги гончарного искусства минойского Крита». Работа над главой «Всемирной истории» шла достаточно быстро: в конце 1938 г. Б.Л. Богаевский представил главу под названием «Население материковой и островной Греции на различных этапах развития первобытно-общинного строя в восточном Средиземноморье», а 15 декабря после обсуждения на бюро главной редакции «Всемирной истории» «при участии специалистов по истории первобытного общества и древней истории выяснилось, что глава совершенно неприемлема, во-первых, вследствие предвзятой точки зрения автора, пытающегося уложить разнообразную и яркую эгейскую культуру в прокрустово ложе первобытного общества, во-вторых, вследствие неудачной формы изложения, непригодной для “Всемирной истории”, рассчитанной на широкие круги советской интеллигенции»³³. Новый вариант был заказан заведующему кафедрой истории древнего мира МГУ В.С. Сергееву, который незадолго до этого опубликовал статью «Эгейский мир» в «Историческом журнале», а также соответствующий раздел в учебнике по истории Древней Греции³⁴. Именно его вариант и должны были обсудить участники дискуссии.

Как же проходила дискуссия 27 и 28 марта 1940 г.? Местом ее проведения было здание на улице Волхонка, дом 14 в Москве. Академия наук была переведена из Ленинграда в столицу в 1934 г., и к тому времени уже было сформировано и функционировало московское отделение Института истории, в котором был образован Сектор древней истории. После преобразования (а в сущности, ликвидации) ГАИМК в 1937 г. именно институты АН СССР стали, наряду с университетами, главными координирующими центрами развития гуманитарных наук в стране.

---

³² Первая обширная книга — Богаевский 1924. Последняя публикация — в «Вестнике древней истории» (Богаевский 1939).

³³ Шепунова 1940а, 205.

³⁴ Сергеев 1939а; Сергеев 1939б.

Дискуссию проводило Отделение истории и философии АН СССР на расширенном заседании своего бюро под председательством академиков Деборина и Грекова. Для обсуждения собрались ученые — историки, этнографы и археологи — из Москвы и Ленинграда. Присутствие на дискуссии никак не ограничивалось: было много сотрудников и аспирантов московских вузов, молодой тогда ученый И.М. Дьяконов приехал из Ленинграда, хотя и не выступал. Участники дискуссии сначала выслушали доклад В.С. Сергеева, а потом перешли к прениям, в которых выступило 12 участников. Итоги двухдневной дискуссии (если быть точным, она продолжалась два вечера) подвели А.В. Мишулин (заведующий Сектором древней истории) и Б.Д. Греков (директор Института истории АН СССР).

В.С. Сергеев был талантливым оратором (как и автором). «В своем докладе проф. Сергеев старался в ярких образах воссоздать жизнь крито-микенского общества, совершенно не касаясь многочисленных гипотез и не вводя всей черновой работы, в результате которой он пришел к своим выводам»³⁵. Он сосредоточил свое внимание на периоде расцвета критской цивилизации и на основании данных Артура Эванса утверждал о наличии государства на Крите, охарактеризовав его как раннерабовладельческое.

После выступил главный оппонент В.С. Сергеева, Б.Л. Богаевский, доклад которого был очень длинным, продолжался не менее двух часов и сопровождался показом многочисленных фотографий, причем «за недостатком времени» докладчику пришлось сократить свои объяснения. Богаевский считал, что Эванс стремился сознательно преувеличить размеры помещений Кносского дворца, которые в действительности функционально близки к родовым домам пуэбло, а не к царскому дворцу. Сама форма подачи материала (длинные комментарии к фотографиям), очевидно, не вызвала энтузиазма у большинства присутствующих. Докладчик защищал точку зрения, прямо противоположную взглядам В.С. Сергеева, рассматривая критское общество в качестве первобытно-общинного. Б.Л. Богаевский подчеркивал, что изучение крито-микенской культуры он вел не один, а в соста-

---

³⁵ Шепунова 1940а, 206. В своей главе для «Всемирной истории» он стремился «в ярких, запоминающихся образах дать увлекательную картину жизни критского общества. Это достоинство главы “Эгейский мир” было отмечено большинством выступавших, его признал и главный оппонент — проф. Б.Л. Богаевский» (Шепунова 1940б, 135).

ве группы исследователей, а В.С. Сергеев не знаком с работами ленинградских ученых. Действительно, в общих трудах ГАИМК (к примеру, в «Истории рабовладельческого общества» Тюменева — Известия ГАИМК. 1935. Т. 111) крито-микенская эпоха была представлена как последняя стадия бесклассового общества. Эту концепцию Тюменев заимствовал у Богаевского³⁶.

Дискуссия (которая проходила, очевидно, на следующий день) превратилась, по сути, в обсуждение концепции Б.Л. Богаевского. Его точка зрения была поддержана двумя другими ленинградскими учеными, его единомышленниками — академиком А.И. Тюменевым и профессором А.Н. Дальским. Оба они «предостерегали от увлечения Эвансом» и, исходя из своего понимания марксизма, отрицали возможность регресса Эгейского мира после падения критской цивилизации. «Проф. Дальский обвиняет далее проф. Сергеева в том, что он следует за буржуазным ученым Эвансом, возражая против “новой, несомненно передовой концепции проф. Богаевского”»³⁷.

«Все остальные участники обсуждения, критикуя работу проф. Сергеева в деталях, соглашались с ним по основным вопросам: во-первых, с оценкой крито-микенского общества как классового, с централизованной государственной властью, по типу своему приближающегося к древневосточному рабовладельческому обществу; во-вторых, с тезисом об упадке Крита после 1400 года до нашей эры и о наличии перерыва в истории Эгейского мира между эпохой Крита и примитивным гомеровским обществом»³⁸. Какие аргументы выдвигали сторонники существования государства на Крите? Проф. С.П. Толстов ссылался на «Краткий курс истории ВКП(б)» и решительно отвергал намеки Богаевского на «монархизм» его оппонентов³⁹. По его мнению, «...нельзя вести борьбу с буржуазными концепциями упрощенно, методом вульгаризации... Если Эванс говорит одно, неправильно думать, что все, сказанное наоборот, есть марксизм»⁴⁰. А.Б. Ранович подчеркивал, что «если проф. Богаевскому

³⁶ Raskolnikoff 1975, 146, прим. 145.

³⁷ Шепунова 1940а, 208. А.Н. Дальский был учеником и коллегой Богаевского; в своей работе о зрелищах на Крите рассматривал Кносс как родовое поселение (Дальский 1937, 14).

³⁸ Шепунова 1940б, 136.

³⁹ Там же. С. 213.

⁴⁰ Там же. С. 214.

в дальнейшем удастся доказать свою гипотезу, то во втором издании “Всемирной истории” глава эта будет пересмотрена⁴¹.

Одну из ведущих ролей в подготовке дискуссии сыграл, несомненно, А.В. Мишулин, ответственный редактор «Вестника древней истории», возглавлявший Сектор древней истории Института истории. К 1940 г. ВДИ стал уже органом АН СССР. Задача подготовки первых томов «Всемирной истории» была отражена в написанных А.В. Мишулиным передовых статьях ВДИ. А.В. Мишулин информировал собравшихся, что глава Б.Л. Богаевского не была утверждена ни сектором Института истории, ни бюро главной редакции «Всемирной истории», и считал, что «дискуссия прошла в основном нормально и плодотворно». А.В. Мишулин был не только главным редактором ВДИ, но и партийным функционером, что было видно из стилистики выступления и начальственно-покровительственного тона. Дискутируя о происхождении критского государства, он поучал коллегу: «Мы с проф. Артамоновым не должны торопиться. Нужно терпеливо ждать нового материала, который бы позволил по-научному разрешить этот вопрос»⁴².

Каковы же были «оргвыводы»? Возможно, отсылая к дискуссиям времен ГАИМК, А.В. Мишулин констатировал, что «5—6 лет назад было неоправданно сильное увлечение первобытной историей»⁴³, и признавал, что в изучении Крита много неясного. Однако, по его убеждению, для «Всемирной истории» дискуссионная постановка вопроса недопустима, посему «на современном уровне наших знаний правильной точкой зрения, разделяемой большинством специалистов, является точка зрения проф. Сергеева, которую и нужно принять». Далее А.В. Мишулин призвал московских и ленинградских ученых к совместной работе и предложил продолжить дискуссию на страницах «Вестника древней истории». Б.Л. Богаевскому было предложено работать дальше, рассматривая как вопросы «социологии Крита», так и конкретно-историческую проблематику⁴⁴.

Академик Б.Д. Греков при подведении итогов дискуссии четко разделил два момента дискуссии: «С одной стороны, обсуждение главы проф. Сергеева для “Всемирной истории”,

---

⁴¹ Там же. С. 215.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 216.

с другой — разрешение крупных научных вопросов». Первоначальный вариант главы был принят, и, после внесения В.С. Сергеевым исправлений, ее предполагалось обсудить вторично. Академик Б.Д. Греков предложил Б.Л. Богаевскому «продолжить разработку вопроса для того, чтобы представить аргументы, которые могли бы убедить также и тех, кто с проф. Богаевским до сих пор не согласен»⁴⁵.

Итак, дискуссия закончилась, большинство ее участников не поддержали точку зрения Б.Л. Богаевского и его сторонников. Последствия точки зрения В.С. Сергеева, отраженная в дискуссии и выраженная в учебнике 1939 г., была признана единственно правильной: «В учебнике убедительно показана ошибочность “теории” Б.Л. Богаевского о матриархате и доклассовом уровне крито-микенского общества, пользовавшейся популярностью до того времени и затормозившей марксистскую разработку этого важного раздела древнейшей истории бассейна Эгейского моря. Дальнейшая разработка этого круга проблем вплоть до настоящего времени идет по пути, предложенному В.С. Сергеевым»⁴⁶. Дешифровка линейного письма Б еще раз подтвердила факт существования государства на Крите. Конечно, против недооценки роли общины на Крите выступал позднее и Ю.В. Андреев, но, в целом, точка зрения В.С. Сергеева и сейчас не выглядит слишком уж несовременно.

Все, на первый взгляд, просто: научное сообщество в результате дискуссии поддержало правильную, глубоко научную точку зрения и отвергло ненаучную. Однако это только на первый взгляд. В.С. Сергеев никакой собственной научной аргументации не приводил, основывался на взглядах Эванса (что совершенно не скрывал); участников дискуссии подкупила легкость и доступность изложения, подходящая для «Всемирной истории» (об этом говорили многие выступавшие). Кстати, глава В.С. Сергеева не сохранилась⁴⁷ (о ней мы можем судить по главе Т.М. Шепуновой для опубликованной тиражом 200 экземпляров «Истории культуры» 1941 г.)⁴⁸.

---

⁴⁵ Шепунова 1940а, 218.

⁴⁶ Штаерман, Пикус 1951, 175.

⁴⁷ В первом томе многострадальной «Всемирной истории» автором соответствующей главы был Я.А. Ленцман: Всемирная история 1955, 401—421.

⁴⁸ История культуры 1941, 271—290.

Почему же советские историки не восприняли аргументы Б.Л. Богаевского? Следует отметить, что он, выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета, историком не был и себя таковым не считал. Его аргументация носила характер, скорее, этнографическо-фольклористический. Подобного рода аргументация, безусловно, пришлась ко двору в «социологизаторскую эпоху» 1920-х гг. Но после «реабилитации истории» в середине 1930-х гг. профессиональные историки не жаловали подобные околонучные рассуждения.

Б.Л. Богаевский в глазах властей был, несомненно, лицом доверенным. Как уже отмечалось, именно он «волею судеб и Главнауки» (выражение М.И. Максимовой)⁴⁹ представлял ГАИМК на VI Международном историческом конгрессе в Осло в 1928 г. М.И. Ростовцев упоминает характерный разговор с Б.Л. Богаевским: «“Вы меня презираете, Михаил Иванович?” Я ему ответил: “Не будем употреблять громких слов. Удивляюсь, как вы говорите такие марксистские глупости в ваших докладах”»⁵⁰. Б.Л. Богаевский, в числе некоторых других представителей старой профессуры, еще в 20-е годы согласился на роль «дипломированного лакея» новой власти, был автором работ «Ленин о первобытном коммунизме», «Археология на службе японского империализма», «Эгейская культура и фашистские фальсификаторы» (с предисловием Н.И. Бухарина) и т. п.⁵¹ Конечно, нечто подобное писали и другие ученые в эти годы. Но Б.Л. Богаевский явно стремился быть *первым* учеником.

Впрочем, его и опасались. Обвинения в монархизме, которыми он осыпал своих противников, конечно же, в 1940 г. были неактуальны, но участвовавший в дискуссии Д.П. Каллистов (тогда еще Калистов) именно по этому обвинению отбыл срок на Соловках и Волго-Балте⁵². Поэтому позиция хорошо информированных и занимавших видные должности А.В. Мишулина и Б.Д. Грекова была крайне осторожной (к тому же Д.П. Каллистов был сыном последнего)⁵³.

Может также показаться, что эта дискуссия продемонстрировала прежде всего расхождение между позициями москов-

⁴⁹ Тункина 1997, 99.

⁵⁰ Цит. по: Тункина 1997, 101.

⁵¹ Формозов 2006, 46—47.

⁵² Фролов 2013, 435.

⁵³ Там же. С. 434.

ских и ленинградских историков: специалист по Риму москвич Сергеев, используя свои номенклатурные возможности, добился утверждения своей точки зрения, оттеснив от написания главы для «Всемирной истории» ленинградского ученого Богаевского, который как раз был специалистом по данному периоду истории Греции. Конечно, В.С. Сергеева, завкафедрой истории древнего мира МГУ, знали и ценили в московской научной среде, но и Б.Л. Богаевский также занимал важные административные должности, пользовался поддержкой части ленинградских специалистов. В данной дискуссии они олицетворяли разные периоды развития советской науки о древности.

В.С. Сергеев, безусловно, признавал марксизм и был вполне лоялен к власти. Однако в его статье по социально-политической истории императорского Рима, опубликованной в том же номере ВДИ, что и хроника дискуссии, нет ни упоминания классиков марксизма-ленинизма, ни каких-то ссылок на их труды⁵⁴. Это уже принципиально другой стиль. Марксизм не воспринимается как поле для творчества, скорее — как необходимая догма.

В чем же заключалось значение данной дискуссии для исторического сообщества, почему ее спустя несколько десятилетий вспоминали советские историки? Очевидно, она отличалась от дискуссий конца 1920-х — начала 1930-х гг., в которых тон задавала (псевдо)марксистская риторика. В историографии (даже в советской) середина 30-х годов считалась переломным моментом. Современные исследователи точно определили смену «своеобразного марксистского плюрализма» 20-х «своеобразной марксистской ортодоксальностью» второй половины 30-х годов и более позднего времени⁵⁵.

Дискуссия о критской культуре стала маркером новой эпохи, когда «Краткий курс истории ВКП(б)» установил четкие правила игры для советских историков: признание существования рабовладельческой формации в древности давало возможность научного подхода в исследовании конкретно-исторической проблематики, учета и использования достижений «буржуазной» науки. Б.Л. Богаевский пытался дать интерпретацию среднеминойской фрески «в связи с недавно опубликованной рукописью Маркса», а А.Н. Дальский все еще предостерегал от «увлечения

---

⁵⁴ Сергеев 1940, 78—95.

⁵⁵ Крих, Метель 2014, 91 (вывод сделан на основании анализа учебников).

«старой» точкой зрения и поворота от передовой науки назад»⁵⁶. Эту новую степень свободы чеканно выразил участник дискуссии проф. Толстов: «Если Эванс говорит одно, неправильно думать, что все, сказанное наоборот, есть марксизм»⁵⁷.

Демагогические приемы Б.Л. Богаевского, собственные дискуссиям более раннего времени, не встретили понимания; обвинения оппонентов в «монархизме», следовании за взглядами зарубежных ученых были отвергнуты подавляющим большинством участников как неприемлемые для научной дискуссии. Напротив, подчеркивалась недостаточность сведений, предполагалась возможность пересмотра выводов в случае получения новых данных (надежды участников дискуссии были связаны прежде всего с дешифровкой критской письменности).

Следует также отметить абсолютно здравый характер «орговыводов»: глава В.С. Сергеева была утверждена в качестве первоначального варианта для «Всемирной истории». В сущности, точка зрения, выраженная в этой главе, имеет немного противоречий с современными представлениями о крито-микенской цивилизации. Однако взгляды Б.Л. Богаевского не подверглись огульному осуждению: ему было предложено писать статьи для ВДИ, т. е. продолжать научную дискуссию. Таким образом, во «Всемирной истории», которая предназначалась для «широких кругов интеллигенции», авторы должны были представлять согласованную, выверенную, «правильную» точку зрения, но внутрикорпоративные дискуссии на страницах научного журнала представлялись вполне допустимыми. Острые, открытые для общества и опасные для участников дискуссии 1920-х — первой половины 1930-х гг. окончательно ушли в прошлое. Принцип разделения на информацию для специалистов, для интеллектуальной элиты (интеллигенции) и для масс восторжествовал. Советские историки смогли вздохнуть с облегчением.

«Широким массам» стало проще усваивать выработанную для них «генеральную линию». Хорошо ли это для общества — вопрос, который подлежит обсуждению. Но академической науке такие перемены, безусловно, пошли на пользу. Принцип «марксизм — отдельно, конкретно-исторические исследования — отдельно» позволял ученым «старой школы» приспособиться к новым реалиям. Вернувшийся в 1941 г. из Риги в Москву

⁵⁶ Шепунова 1940а, 207—208.

⁵⁷ Там же. С. 214.

Р.Ю. Виппер, очевидно, не до конца понимал новые «правила игры» и говорил М.А. Алпатову, которого тогда курировал, что «старается подойти к марксизму и все тужил: у студента получается, а у меня, профессора, ни черта ни получается. Правда, студенту ничего не мешают, он мало знает, ему схему строить легко, мне труднее, но это люди, для которых история не то, что была для нас в свое время — мешок с фактами»⁵⁸.

Результаты дискуссии, посвященной обсуждению главы для «Всеобщей истории», можно было бы оценить по публикации этой главы. Однако взгляд советских историков на историю древнего мира нашел свое отражение в двух первых томах «Всемирной истории», вышедшей лишь через 15 лет после дискуссии, в 1955 г. В первом томе многострадальной «Всемирной истории» автором соответствующей главы XV «Ранние рабовладельческие государства в Эгейском бассейне» был Я.А. Ленцман, причем написана она была уже исходя из твердокаменных марксистских позиций⁵⁹. Следы рукописи главы под авторством В.С. Сергеева теряются⁶⁰.

К счастью, благодаря Т.М. Шепуновой сохранился другой уникальный источник — опубликованный перед началом войны тиражом 200 экземпляров первый том «Истории культуры»⁶¹. Это огромная (840 страниц большого формата) прекрасно иллюстрированная книга (много иллюстраций, включая цветные вклейки) была подписана к печати 10 марта 1941 г. Она прошла цензуру (в выходных данных есть номер уполномоченного Главлита), но была издана для обсуждения, на правах рукописи, причем все экземпляры пронумерованы.

Раздел «Эгейская культура»⁶² написан Т.М. Шепуновой, очевидно, по материалам В.С. Сергеева: Т.М. Шепунова, лаборант кафедры истории древнего мира МГУ в течение многих десятилетий, не имела самостоятельных научных трудов, но зато составила подробнейшие обзоры обсуждения главы В.С. Сергеева и для «Вестника древней истории», и для «Исторического журнала». В этом разделе эгейская культура рассматривается

⁵⁸ Цит. по: Сидорова 1997, 173.

⁵⁹ Всемирная история 1955, 401—421.

⁶⁰ По сообщению А.А. Вигасина, ее не было в архиве сотрудницы и почитательницы В.С. Сергеева Т.М. Шепуновой.

⁶¹ История культуры 1941.

⁶² Там же. С. 271—290.

как соединяющее звено между древнейшими цивилизациями и античным миром, там нет никаких упоминаний классиков марксизма и марксистских постулатов, разве что в одном месте, применительно к Микенам, упоминается о рабовладении, крупном землевладении и тяжелой эксплуатации населения⁶³.

Середина 1930-х гг. справедливо рассматривается историографами как период возрождения событийной истории в СССР, после более чем десятилетия марксистского социологизаторства⁶⁴. Дискуссия 1940 г. завершила формирование условий, необходимых для функционирования советской науки о древности. При этом марксистская методология внедрялась в учебники, но в «Вестнике древней истории» публиковались статьи по конкретно-исторической тематике, без отсылок к классикам марксизма. Передовицы совмещали «защитную» функцию с деловыми рекомендациями (например, специальное внимание к критике и библиографии). Показательный пример — ВДИ за 1940 г., № 2, в котором и был опубликован обзор дискуссии о характере критомикенской цивилизации. Классическая юбилейная передовица «Ленин и историческая наука» (ВДИ. 1940. № 2. С. 3—14) содержит множество цитат из Ленина и Сталина. Завершается она, как будто бы, вполне конкретной директивой: «От работ Ленина, от сталинского курса “Истории ВКП(б)” историк-марксист пойдет к конкретному материалу в своей области исторического знания. В эпоху Ленина—Сталина историки имеют в марксизме-ленинизме мощное идеологическое орудие в своей творческой работе» (с. 14).

Посмотрим, в какой степени авторы данного номера руководствовались означенной передовицей. Вслед за ней идет статья «Протоиндийские письма и их расшифровка» чешского ученого Б. Грозного (с. 15—34). Как ни относиться к достаточно фантастическим теориям Б. Грозного, ничего марксистского в них не наблюдается, как и в следующей статье Н.А. Шолпо «К вопросу о древнеегипетских заупокойных статуэтках, именуемых “ушебти”» (с. 35—44). Небольшая заметка С.Я. Лурье «Клифен и Писистратиды» (с. 45—51) — очень своевременный отклик на

---

⁶³ Там же. С. 285; подобный подход характерен и для других разделов — ср., например, главу о Финикии, написанную Е.М. Штаерман (с. 191—199). Ссылки на классиков встречаются в основном во вводных параграфах разделов.

⁶⁴ См., напр.: Крих, Метель 2014, 90—91.

публикацию в журнале «Hesperia» (1939. Vol. VIII) знаменитого фрагмента списка афинских архонтов — не содержит никаких ссылок на основоположников.

Статья «Художественное воспитание в древней Греции» Н.И. Новосадского (с. 52—64) завершается длинной цитатой из К. Маркса и ритуальной фразой: «Только в обществе, где уничтожена эксплуатация человека человеком, возможно свободное и гармоничное развитие всех трудящихся» (с. 64). В том же духе завершается статья Д.П. Каллистова «Политика Августа в Северном Причерноморье»: цитатой из сталинских «Вопросов ленинизма» и ссылкой на труды Энгельса. В статье В.С. Сергеева «Принципат Тиберия. К вопросу о социальной природе императорской власти в Риме» (с. 78—95) нет ни упоминаний, ни ссылок на труды основоположников, несмотря на включение в нее специального параграфа о классовой природе императорской власти (с. 82—84). Возможно, это объясняется тем, что автор не успел окончательно отредактировать статью: необходимые ссылки и ритуальные фразы вносились во время завершающего периода работы над статьей, когда творческий процесс был уже закончен. И только в последней статье номера, написанной молодой исследовательницей Е.М. Штаерман, «Гонения на христиан в III в.» (с. 96—105) содержатся многочисленные и вполне органичные цитаты из трудов Энгельса и одна цитата из Ленина. Таким образом, проникновение марксистских идей в советскую историческую науку шло, но его нельзя преувеличивать. Связано оно было, очевидно, с появлением нового поколения уже по-настоящему «советских» исследователей, сформировавшихся в новой идеологической парадигме.

Важно также отметить, что вплоть до кампании по борьбе с «низкопоклонством» 1948—1949 гг. советские исследователи древности оставались в контексте мировой науки, своевременно реагировали на новые открытия и концепции своих западных коллег. Развитие советской науки о древности было прервано войной, но уже к 1941 г. складывается *modus operandi* советских историков: признание «генеральной линии» давало возможность заниматься конкретно-историческими исследованиями.

Пространство академических диспутов не могло быть отгорожено непроницаемой стеной от событий современности. В сентябре 1939 г. началась Вторая мировая война; ее отзвуки можно обнаружить на страницах «Вестника древней истории»: редакция стремилась поддерживать баланс и публиковать

обзоры и английских, и французских, и немецких научных журналов. Был опубликован подробный отчет о VI Международном археологическом съезде в Берлине, который состоялся за несколько дней до начала войны в Европе при поддержке высшего руководства Германии и который бойкотировали американские, английские и французские археологи⁶⁵. Автором этого отчета был немецкий ученый Э. Диль из Митавы (ныне Елгава) в Латвии, которая вскоре после публикации обзора вошла в состав СССР.

Судьба главных участников дискуссии сложилась печально: В.С. Сергеев умер 8 января 1941 г. Его некролог был опубликован в ВДИ № 3—4 за 1940 г. (sic!)⁶⁶. В нем были специально упомянуты его «глава “Всемирной истории” о крито-микенской эпохе и исключительный по интересу доклад на эту тему в заседании Отделения истории и философии, вызвавший оживленную и плодотворную дискуссию, способствовавшую более правильной постановке этой важной исторической проблемы»⁶⁷ (с. 382). Жизнь Б.Л. Богаевского оборвалась в блокадном Ленинграде: он умер от голода в 1942 г.⁶⁸ Неоднократно упоминавшийся в дискуссии А. Эванс умер в Оксфордшире летом 1941 г., а еще раньше, весной, Дж. Пендлбери, один из его прежних сотрудников, умер от ран: его расстрелял немецкий «Юнкерс» во время «битвы за Крит» в мае 1941 г.

1.3. Институт истории АН СССР в Москве в годы войны

Эвакуация Института истории АН СССР из Москвы. В первые месяцы войны из Академии наук СССР ушло на фронт око-

---

⁶⁵ Советских археологов там тоже не было. Зато на съезде блистал отличавшийся крайне правыми взглядами знаменитый греческий археолог С. Маринатос. См.: Диль 1940, 214—216.

⁶⁶ По разным причинам, как технического, так и «идеологического» характера, процесс печатания номеров «Вестника древней истории» в тот период растягивался на 4 месяца, а то и больше. Этот единственный по сей день сдвоенный номер ВДИ был, судя по выходным данным, подписан в печать 31 декабря (!) 1940 г., что наводит на мысль об обычной в советское время «подгонке» отчетности.

⁶⁷ Некролог 1940, 382.

⁶⁸ Формозов 2006, 77; Тункина 2015.

ло 2 тыс. сотрудников. Число научных работников АН с 1941 по 1943 г. сократилось на 20 %, и только впоследствии начался приток новых сил: к 1945 г. количество научных сотрудников увеличилось до 4680 чел.⁶⁹ 16 июля 1941 г. было принято правительственное постановление об эвакуации учреждений АН СССР в Казань (первоначально основным местом эвакуации академических учреждений намечался Томск). Осенью 1941 г. было принято решение правительства о втором этапе эвакуации учреждений АН СССР, который продолжался с 15 октября до конца года. Учреждения геологического профиля были эвакуированы на Урал, гуманитарные и биологические — в республики Средней Азии⁷⁰. «В городах Средней Азии были размещены гуманитарные учреждения Академии наук СССР, насчитывающие 735 научных сотрудников, 13 академиков и 30 членов-корреспондентов. Часть сотрудников, в том числе 10 академиков и 34 члена-корреспондента Академии наук СССР, оставалась в Москве и Ленинграде»⁷¹.

В Москве гуманитарные институты АН СССР попали во вторую очередь эвакуации, которая началась сравнительно поздно, в октябре 1941 г. В отличие от эвакуации первой очереди ей сопутствовала спешка и неразбериха: к примеру, из сотрудников Московского отделения Института истории материальной культуры в специально выделенном вагоне смогли эвакуироваться в Ташкент только назначенный временный руководитель А.В. Збруева и бухгалтер Л.Н. Эсаулов, увезя с собой печать ИИМК⁷².

В папке, содержащей списки эвакуированных сотрудников (по институтам Академии наук), Институт истории вообще не представлен⁷³, что свидетельствует о неорганизованном характере эвакуации. Поскольку было распространено совместительство, многие сотрудники эвакуировались с другими организациями: так, заведующий Сектором древней истории Института истории А.В. Мишулин эвакуировался в октябре 1941 г. вместе с МГУ в Ашхабад⁷⁴.

---

⁶⁹ Козлов 2005, 391.

⁷⁰ Комков, Левшин, Семенов 1977, 166.

⁷¹ Там же. С. 168.

⁷² Архив РАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 37. Л. 43.

⁷³ Архив РАН. Ф. 464. Оп. 2. Д. 31.

⁷⁴ Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 198. Л. 12.

Процесс эвакуации не был простым, что подтверждает письмо Борису Тимофеевичу Горянову, датированное, вероятно, началом ноября 1941 г., уполномоченному по Институту истории⁷⁵, от В. Луцкого, застрявшего с вагонами, наполненными имуществом Института истории и Фундаментальной библиотеки по общественным наукам (ФБОН), на станции Перово: «Нам не раз предлагали двигать наш один вагон с сопровождающими, а оставить остальные 4. Если бы мы пошли на это, мы бы были далеко от Москвы. Мы отказались от этого, считая своим долгом сохранить материалы, а в Президиуме не понимают обстановки и считают наши мытарства чем-то вроде увеселительной прогулки»⁷⁶.

Московская паника. В начале октября 1941 г. фронт был прорван, и Москва из далекого тыла стремительно превращалась в прифронтовой город. 15 октября было принято решение об эвакуации из Москвы правительственных учреждений. Это привело к печально знаменитой «московской панике», которая неизбежно затронула и академические учреждения. Обстановку тех дней очень рельефно передает заявление на имя вице-президента АН СССР О.Ю. Шмидта от «докторанта-безотрывника» Лаборатории белка АН СССР В.А. Далматова:

Гор. Алма-Ата, 18/1-1942 г.

Заявление

16-го октября 1941 г., в 10 ч. утра т. Файланд вызвал директоров некоторых Институты и директора Лаборатории белка т. Перова и заявил им о срочной эвакуации из Москвы сотрудников учреждений, не останавливаясь перед выходом пешком. Тов. Перов позвонил в Лабораторию белка и просил поставить в известность всех сотрудников. Я немедленно созвал собрание и объявил о решении Уполномоченного Президиума АН Файланда...⁷⁷

Было около 1 ч. дня, т. е. то время, когда нам предложили из Академии Наук и Куйбышевского Р.К. эвакуироваться из Москвы. Тов. Перов С.С. и Далматов отправились пешком, оставив все лабо-

---

⁷⁵ Следует отметить, что институт уполномоченных (временных руководителей неэвакуированных академических учреждений) играл большую роль в годы Великой Отечественной войны.

⁷⁶ Архив РАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 5. Л. 9.

⁷⁷ На письме сохранилась написанная красным карандашом резолюция самого Файланда: «Никакого приказа об эвакуации тов. Далматову дано не было...»

раторное оборудование и свои личные вещи. Перед уходом т. Перов подписал чек на 20000 руб. для выдачи зарплаты оставшимся сотрудникам и назначил доктора наук Б.А. Иорданского ответственным за сохранность лабораторного имущества.

Оставшиеся после нашего ухода сотрудники Лаборатории эвакуировались из Москвы только 6-го ноября. По приезде в Алма-Ату они рассказали, что 17/X-41 г. т. Файланд вызвал из Лаборатории белка С.Н. Лутохина, беспартийного (кстати сказать, Лутохин был 10/X-41 уволен из Лаборатории) и назначил его Уполномоченным Лаборатории. Начало своей «деятельности» уполномоченный Лутохин ознаменовал тем, что уволил из числа сотрудников Лаборатории академика, директора т. Перова С.С.; уволил старшего научного сотрудника, докторанта-безотрывника Далматова и лаборантку Шахмейстер... Он принял на работу своих собутыльников: И.Ф. Леонтьева, б/п [беспартийного], уволенного из Лаборатории белка в 1938 г. за антисоветское выступление в печати, и Д.И. Потемкина...⁷⁸

В подразделениях, обслуживающих АН СССР, ситуацию использовали по-своему, о чем свидетельствует письмо С.М. Файланда начальнику московской милиции, отправленное, судя по контексту, 18 октября 1941 г.:

№ 62-3
__ октября 41
Начальнику Гормилиции г. Москвы
тов. Романченко

17/X Директор Автобазы Академии Наук СССР гр. ИЗРАЙЛЕВИЧ угнал по направлению на Казань три автомашины: автобус МВ 34-38 ГАЗ 2А; пикап ГАЗ А1 МВ 34-20 и М1 МА 37-93.

Согласно нашей договоренности по телефону прошу дать телеграфное распоряжение в Горький и по Чувашскому тракту, где сейчас, очевидно, находятся эти машины, задержать Израйлевича и вернуть угнанные автомашины.

Секретарь парторганизации
Ц[ентрального] а[ппарата] Академии Наук СССР

С.М. Файланд⁷⁹.

Сохранился документ о панике в самом Институте истории: письмо уполномоченного этого института Б.Т. Горянова С.М. Файланду, напечатанное на бланке Института истории

⁷⁸ Архив РАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 5. Л. 13—14 об.

⁷⁹ Там же. Л. 1.

АН СССР (Москва, Волхонка, 14) и датированное 24 октября 1941 г.:

Начальнику Административно-хозяйственного Управления АН СССР тов. Файланд[у]

Ученый секретарь Института истории тов. Алефиренко отказалась явиться на работу 18/Х-с. г., несмотря на Ваше распоряжение. Моим приказом по Институту тов. Алефиренко освобождена от работы за «самовольное оставление своего поста и за отказ явиться на работу, несмотря на распоряжение Начальника АХУ Академии наук СССР тов. Файланд[а]».

От старшего научного сотрудника тов. Петропавловского 23/Х получена следующая телеграмма из Шарьи, Северной ж. д. от 19/Х-41 г.: «Случайно удалось выехать направлении Новосибирск или Алма-Ата. Хлопочите эшелоне сотрудников Новосибирск или Алма-Ату. Петропавловский».

Т. Петропавловский — старший научный сотрудник Института и секретарь партийной организации Института с 16 сентября 1941 г. покинул Москву в 18 часов вечера. С ним вместе ушли старшие научные сотрудники — члены партбюро: Кучкин А.П., Эггерт З.К., Шелюбский А.П. и сотрудники Института, члены партии: Бронштейн В.С., Рубинштейн Е.И., Цунк Е.Ю., Ловецкий И.А. (военнообязанный), Баевский Д.А. (военнообязанный), Гуревич А.М. (военнообязанный), Ленчнер С.И., Матюгин (военнообязанный).

Рассматривая этих сотрудников Института, как покинувших самовольно свои трудовые посты, я тем не менее не могу принять о них решение без согласования с партийными органами.

Ввиду этого прошу Вас дать мне указания о мерах против перечисленных лиц.

Уполномоченный Президиума
по Институту Истории Б.Т. Горянов⁸⁰.

Дополняет характеристику обстановки тех дней акт от 10 ноября 1941 г. о сожжении секретных материалов в Институте истории (12 папок и 10 круглых печатей)⁸¹.

Создание института уполномоченных и решительные действия академического руководства (прежде всего С.М. Файланда) помогли восстановить управляемость академических учреж-

---

⁸⁰ Там же. Л. 6. Б.Т. Горянов — ленинградский византист, оказавшийся в эти дни в Москве и, очевидно, под «горячую руку» назначенный уполномоченным. Судя по всему, С.М. Файланд не стал пользоваться своей почти неограниченной властью и увольнять самовольно покинувших Москву сотрудников.

⁸¹ Там же. Л. 7.

дений в прифронтовой Москве (в их числе и Института истории АН СССР) в октябре—ноябре 1941 г.

Работа Института истории в Москве, 1941—1942 гг. Если московская паника и прервала работу в Институте истории в Москве, то ненадолго. Согласно приказу директора института, часть сотрудников не эвакуировалась. Сохранился список сотрудников Института истории АН СССР, оставленных в Москве, за подписью академика Б.Д. Грекова: Панкратова, Войтинский, Яковлев, Губер, Бережков, Крастынь, Баженов, Миллер, Зайцева, Рыковская, Лебедева, Ястребова, Фролова, Артюшина, Осипова, Иванов, Раимов, Черняков, Соколова, Трусова. Всего в списке 20 фамилий: 14 напечатанных и 6 написанных от руки (Панкратова, Иванов, Раимов, Черняков, Соколова, Трусова), т. е., вероятно, добавленных в последний момент⁸². Свидетельством этому служит сохранившийся и сокращенный вариант того же списка, очевидно более ранний, от Войтинского до Осиповой включительно. Этот список также подписан академиком Б.Д. Грековым, но в нем 14 фамилий⁸³.

О том, как протекала работа сотрудников Института истории осенью 1941 г. и зимой 1941/42 г., свидетельствует отчет сотрудника института Полины Осиповой:

В Президиум Академии наук
Отделение общественных наук
т. Кузнецову

С 23 января возобновила работу по подготовке брошюры по теме «Фашистская Германия и страны Латинской Америки». Работу по сбору материалов я начала еще в октябре, и тема была утверждена тов. Панкратовой А.М. ...⁸⁴

П. Осипова,
младший научный сотрудник
Института истории Академии наук СССР
26/I-1942⁸⁵.

Большинство оставшихся в Москве сотрудников Института принимали участие в «Московской летописи Отечественной

⁸² Архив РАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 30. Л. 47.

⁸³ Там же. Л. 50.

⁸⁴ Далее перечисляются подготовленные рецензии на актуальную тематику, в основном на англо-американскую научную литературу.

⁸⁵ Там же. Л. 52, приписка: «План брошюры могу предоставить недели через 2, т. к. часть ранее собранных материалов пропала в мое отсутствие, и я еще не выяснила наличной литературы».

войны» под руководством члена-корреспондента АН СССР И.И. Минца, но часть работала по индивидуальным темам, о чем свидетельствуют справочные материалы, подготовленные в начале января 1942 г.:

Справка

об Институте истории (для стенограммы от 14/1-42 г.)

Работают по «Московской летописи» (работа ведется без пере-
рыва с 1 июля 1941 года)

1. Миллер П.Н.
2. Бережков Н.Г.
3. Крастынь Я.П.
4. Осипова П.Е. (обрабатывает и распределяет по темам поступающий материал)

5. Фролова О.Л.

6. Зайцева М.М.

Кроме того, очень значительное место занимает работа над индивидуальными темами:

7. Войтинский Г.М.

8. Яковлев А.И.

9. Губер А.А.

10. Крастынь Я.П.

11. Осипова П.Е.

12. Зинич С.И. — работает в «Радио».

13. Черняков З.Е.

14. Соколова К.П.

15. Ястребова Р.Г. — ст. бухгалтер

16. Лебедева Г.В. — м.н.с. и завхоз.

17. Артюшина А.Д. — курьер и уборщица.

Ученая база — кроме выписанных газет и 16 журналов имеются доступные для сотрудников книгохранилища. Финансовая база — кредиты Института⁸⁶.

Возобновляется и публикационная деятельность АН СССР, в которой активное участие принимали сотрудники Института истории: сохранились планы издания АН СССР на первый квартал 1942 г. По Отделению истории и философии АН СССР наряду с «Историческими записками», т. XIII и XIV, и сборником статей «Из истории героического прошлого русского народа» (25 п. л., январь) в списке значится: «Всемирная история. Т. XIV. Канун Французской буржуазной революции. Сдана, верстка». В разделе «Оборонная и антифашистская литература» наряду

⁸⁶ Там же. Л. 48—49.

с брошюрами академика В.В. Струве («Фашистский антисемитизм», 1 л., гранки) и академика Варги («О “новом порядке” в Европе») упоминаются две книги сотрудника Института истории Крастьяня, посвященные Финляндии и Прибалтике. Любопытно, что и в это нелегкое время были найдены ресурсы для публикации «Истории римской литературы» академика М.М. Покровского («40 л. Сдана, матрицы») ⁸⁷.

К 25-й годовщине Октябрьской революции в Москве была издана книга, в которой дан обзор развития исторической науки в СССР в первую четверть века существования страны ⁸⁸. В предисловии к сборнику ответственные редакторы благодарили партию, правительство и лично товарища Сталина за руководящие указания, вследствие которых «было ликвидировано вредное влияние так называемой “школы Покровского” и советская историческая наука вышла на широкую творческую дорогу» ⁸⁹. В самой книге история древности, конечно же, не занимала ведущего места; тем не менее в разделе «История СССР» были помещены две главы, написанные египтологом В.И. Авдиевым: «Историко-археологическое изучение древнего Кавказа» и «Историко-археологическое изучение Средней Азии». Обе явно были написаны до войны и изобиловали описаниями результатов археологических раскопок советских ученых в 1937—1939 гг. или несколько ранее. В первой много говорилось о работах Н.Я. Марра и яфетической теории, которая противопоставлялась индоевропеистике, подвергались критике представления об «арийской расе» ⁹⁰; во второй из указанных глав было представлено обоснование изучения и преподавания именно истории народов СССР: «Если раньше историки обращали свое внимание почти исключительно на “русскую историю”, на историю русского народа, то теперь они значительно усилили свой кругозор, подвергая внимательному историческому исследованию историческое прошлое всех народов, населяющих обширную территорию Советского Союза» ⁹¹.

⁸⁷ Архив РАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 37. Л. 1—10.

⁸⁸ Двадцать пять лет 1942 (Подписано в печать 8 ноября 1942 г. Тираж 5000 экз. 1-я Образцовая типография ОГИЗ. Москва, Валовая, 28).

⁸⁹ Двадцать пять лет 1942, 1.

⁹⁰ Там же. С. 54.

⁹¹ Там же. С. 65.

Раздел «Всеобщая история» открывался главой М.А. Коростовцева «Изучение истории древнего мира за 25 лет». В ней также в положительном смысле рассматривается влияние идей Н.Я. Марра на египтологию⁹², а в качестве одного из достижений советской науки было представлено завершение работы и подготовка к печати части «Всемирной истории» под редакцией С.А. Жебелева, А.В. Мишулина и Н.А. Машкина. В главе отмечалось также, что «над монографиями и докторскими диссертациями продолжают работать ряд наших историков: Пиотровский, Матье, Мишулин, Коростовцев и другие»⁹³.

В издании «Двадцать пять лет исторической науки в СССР» проявилось новое, весьма позитивное отношение и советского руководства, и научной общественности к англо-американским союзникам. Не случайно контртитул книги был выполнен на английском языке, да и русское оглавление книги было дополнено оглавлением на английском⁹⁴. Точка зрения редактора книги М.А. Коростовцева была еще более определенной: «Наши ученые полностью разделяют чувства и взгляды английских историков, высказанные в ведущем английском журнале⁹⁵ о необходимости в тяжелых условиях военного времени усилить научную деятельность и остаться победителями на фронте науки и культуры»⁹⁶.

В этом издании проявились характерные черты советской науки о древности, которая не была единой и распадалась на школы, исследовательские традиции, и это отчетливо проявляется в тексте сборника: упоминаются «ближайшие ученики» академика С.А. Жебелева — Д.П. Каллистов и А.И. Болтунова, а также ученик востоковеда В.К. Шилейко А.П. Рифтин и, в свою очередь, ученик А.П. Рифтина И.М. Дьяконов⁹⁷. До войны о научных школах, особенно персоналистского характера, если и упоминали в печати, то только в негативном ключе: слово «школа» помещали в кавычки, а тезисы этого сообщества ученых подвергали ожесточенной критике.

---

⁹² Там же. С. 200.

⁹³ Там же. С. 208.

⁹⁴ Там же. С. 285—286.

⁹⁵ Речь идет о: *Journal of Egyptian Archaeology*. 1941. Vol. XXVII. P. 162.

⁹⁶ Двадцать пять лет 1942, 208.

⁹⁷ Там же. С. 195, 203.

Следует отдельно сказать о судьбе здания институтов Отделения истории и философии АН СССР по ул. Волхонка, д. 14, в котором с 1936 по 1960 г. помещался Институт истории: оно сильно пострадало от бомбежки 28 октября 1941 г. Очевидно, в ноябре 1941 г. был составлен «Акт о состоянии имущества Института истории и здания по ул. Волхонка 14»; в нем было высказано предложение перевезти мягкую мебель в отапливаемое помещение. В этом же акте предписывалось: «Уполномоченным Институтам — Экономике, Мирового хозяйства, Истории немедленно приступить к передаче книг в Фундаментальную Библиотеку, закончив передачу не позднее 20 декабря»⁹⁸.

23 декабря 1941 г. был составлен и подписан комиссией (председатель Д.Д. Иванов, среди членов комиссии был и тогдашний уполномоченный по Институту истории В.Н. Чернецов) «Акт о состоянии имущества Института истории АН СССР»:

Имущество Института, в большей своей части оставшееся в доме по Волхонке 14, в настоящее время хранится в условиях, не обеспечивающих его сохранности. Комиссия считает необходимым отметить, что дирекцией Института не было принято своевременных мер для охраны имущества Института. Необходимо ускорить ремонт помещения в нижнем этаже указанного здания, предназначенного для хранения жесткой мебели Института, и перевозку мягкой мебели в помещение Энергетического института.

Описи имущества Института в настоящее время не имеется. Комиссия обязывает Уполномоченного по институту составить опись в кратчайший срок. Библиотека в основном сосредоточена в помещении Энергетического института. До приведения в порядок имущества Института в новом помещении Комиссия не считает возможным принять имущество Института⁹⁹.

Сохранилась довоенная опись имущества Института истории: оно содержалось в комнатах 102, 103, 105, 203, 204, 206, 214. В описи фигурируют и многочисленные портреты «вождей», от Сталина до Ворошилова и Хрущева, и мебель («шкаф книжный красного дерева», «шкаф мореного дуба», «стол шведско-американский», «тумба фанерная под бюст Ленина, списана за негодностью» и т. п.), и пишущие машинки («Континенталь», «Ундервуд», «Ремингтон», «Смис-премьер», «Ленинград»), и многое другое («драпри из синего рапса», «украинская дорожка»,

⁹⁸ Архив РАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 5. Л. 11—12.

⁹⁹ Архив РАН. Ф. 464. Оп. 2. Д. 31. Л. 1 = Л. 2.

«ковёр казахский»). «Всего 962 предмета на 173 629-02 руб. Оказалось в наличии на 173 719-30 руб.»¹⁰⁰. В «Списке учреждений АН СССР в г. Москве, подготовленных к длительному хранению и принятых Комиссией с надлежющим оформлением приемо-сдаточных актов» Институт истории АН СССР фигурирует в числе других учреждений (январь 1942 г.)¹⁰¹.

Руководство АН СССР пыталось добиться восстановления здания на ул. Волхонка, д. 14. От имени С.М. Файланда в 1942 г. неоднократно посылались письма в Моссовет с просьбой отремонтировать это здание (строительные подразделения «Академстройа» были загружены оборонными заказами); до середины 1943 г. там размещался склад гидрографического управления Наркомвоенморфлота¹⁰². Однако эти усилия не возымели действия, и из материалов к собранию партийно-хозяйственного актива учреждений Академии наук, находящихся в Москве (оно состоялось 4 мая 1943 г.), вырисовывалась печальная картина: «Здание на Волхонке, 14 от бомбежек приведено в полную негодность, нуждается в капитальном восстановительном ремонте, оборудование и обстановка, которые могли быть сохранены, поломаны и исковерканы, а то, что не пострадало от бомбежек, роздано сторонним организациям»¹⁰³.

Комиссия по истории / Институт истории Отечественной войны. Для историков важнейшее значение в период осадного положения и неразберихи имела причастность к «Летописи Отечественной войны (оборона Москвы)», которую организовал член-корреспондент АН СССР И.И. Минц¹⁰⁴. Целью И.И. Минца было создание самостоятельного Института истории Отечественной войны под его собственным руководством, поэтому он развил активную деятельность, в которую были вовлечены десятки сотрудников московских академических институтов. И.И. Минц вел переписку с академиком А.М. Дебориным об организации Комиссии по истории Великой Отечественной войны. 15 января 1942 г. Деборин писал Минцу: «Можно было бы немедленно

¹⁰⁰ Там же. Л. 3—38.

¹⁰¹ Архив РАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 30. Л. 54.

¹⁰² Архив РАН. Ф. 4. Оп. 1-1943. Д. 11. Л. 3.

¹⁰³ Там же. Л. 17—18.

¹⁰⁴ Об этой комиссии существует обширная литература. Ограничимся ссылкой на фундаментальное исследование: Вклад историков 2015.

приступить к сбору материалов для составления специального труда, посвященного зверствам германских фашистов и проявлениям вандализма, выражающегося в уничтожении культурных памятников нашей страны...»¹⁰⁵

В результате появилось постановление Президиума АН СССР от 15 января 1942 г. «О работе по истории Отечественной Войны», в котором отдельными пунктами значилось:

...2. Возбудить ходатайство перед СНК СССР об учреждении в составе АН СССР Института Истории Отечественной Войны.

3. Определить штат Института в 33 чел. — за счет Отделения Общественных Наук с фондом заработной платы 21.015 рублей.

4. На расходы, связанные с организацией работ... выделить И.И. Минцу 50.000 рублей.

5. Считать необходимым немедленно приступить к изданию «Летописей отечественной войны» или другого издания этого типа¹⁰⁶.

Был подготовлен проект постановления Моссовета «О работе по Московской летописи Великой отечественной войны Советского народа»¹⁰⁷, а также составлено штатное расписание «Комиссии по собиранию материалов для истории Отечественной войны и составлению хроники обороны» г. Москвы на 1942 год. Научный персонал включал 41 единицу (с фондом заработной платы 30 925 руб. в месяц), административно-хозяйственный персонал — 8 единиц (с фондом заработной платы 3525 руб. в месяц). Председатель комиссии должен был получать 1500 руб. в месяц; зам. Председателя, ученый секретарь, руководители отделов — по 1200 руб. Документ был подписан заведующим финансовым отделом АН СССР П.Г. Шидловским¹⁰⁸. Неизвестно, было ли именно это постановление претворено в жизнь; архивные документы свидетельствуют о попытке создания Института истории Отечественной войны под руководством И.И. Минца со штатом 33 человека и фондом заработной платы 21 015 руб., с которым сотрудничали московские историки и археологи¹⁰⁹.

¹⁰⁵ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 19. Л. 18.

¹⁰⁶ Там же. Л. 19. Постановление было подписано двумя вице-президентами АН СССР: О.Ю. Шмидтом и Е.А. Чудаковым, которые находились в эвакуации в Казани.

¹⁰⁷ Архив РАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 2. Л. 1—2.

¹⁰⁸ Там же. Л. 5.

¹⁰⁹ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 19. Л. 19.

Для сотрудников Института истории участие в этой работе имело важное значение. Об этом свидетельствует письмо вице-президенту АН СССР О.Ю. Шмидту от старшего научного сотрудника Института истории АН СССР П.Н. Миллера от 9 марта 1942 г. (на письме сохранилась резолюция самого О.Ю. Шмидта от 10 марта: «переговорить с П.Н. Миллером»):

Глубокоуважаемый Отто Юльевич!

Вчера, 6 марта на Вашем докладе на открытом партийном собрании сотрудников АН СССР, на котором я, к сожалению, по совершенно исключительным обстоятельствам не смог быть, Вы не упомянули об Институте истории, к числу научных сотрудников которого я принадлежу.

Между тем, организованная Институтом Московская группа в лице научных сотрудников Н.Г. Бережкова, О.Л. Фроловой, М.М. Зайцевой и П.Н. Миллера очень интенсивно работала, не прерывая занятий ни на один час, несмотря ни на какие обстоятельства, по собиранию материала и его обработке для Московской летописи Великой отечественной войны.

Результаты этой работы в количестве более 18000 отдельных документов, пока печатных (газеты, журналы и т.п.) хранятся в помещении редакции «Истории гражданской войны» и продолжают пополняться.

Очень прошу Вас принять это во внимание и дать соответствующую оценку нашей работе.

С. н. с. Института истории АН СССР   П.Н. Миллер

9 марта 1942 г.¹¹⁰

К работе комиссии позже пытались подключиться и ленинградские историки: сохранилось письмо М.В. Левченко, который возглавлял казанскую группу ЛОИИ, Г.Ф. Александрову о привлечении сотрудников ЛОИИ к этому проекту¹¹¹. Несмотря на активность И.И. Минца, в длительной перспективе его усилия не увенчались успехом: прежняя академическая вертикаль сохранилась, новых институций не было создано. Не последнюю роль в этом сыграл тот факт, что руководство Казанского центра Академии наук было отстранено Сталиным как раз за проявление самостоятельных инициатив. Лишен руководящего поста деятельный вице-президент АН СССР О.Ю. Шмидт, и власть перешла к больному и малоактивному президенту

¹¹⁰ Архив РАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.

¹¹¹ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 19. Л. 22—22 об.

АН СССР В.Л. Комарову, который находился в Свердловске и интересовался прежде всего проблемами развития Уральского региона¹¹².

Эвакуация, Ташкент. Местом эвакуации большинства сотрудников Института истории и их коллег из Ленинградского отделения, которые смогли выехать из блокадного Ленинграда, стал Ташкент. Там, в Узбекском филиале АН СССР, проводились научные заседания. 31 января 1942 г. состоялось первое такое заседание, посвященное памяти умершего за месяц до этого в блокадном Ленинграде академика С.А. Жебелева. В нем приняли участие эвакуированные из Москвы и Ленинграда сотрудники Института истории, ИИМК, ИМЛИ, а также сотрудники Института языка, литературы и истории УзФАН¹¹³. В Ташкенте проводились регулярные заседания Ученого совета Института истории, проходили защиты диссертаций. 7 и 17 июня 1942 г. состоялись заседания, посвященные Ивану Грозному. Положение эвакуированных в Ташкенте было в целом лучше, чем тех, которые оказались на Урале и в Поволжье, тем не менее все ждали возвращения в Москву. В феврале 1942 г. академик Б.Д. Греков писал эвакуированному в Башкирию А.Б. Рановичу: «Мы тоже живем надеждами и уверены, что снова засияет над нами московское солнце»¹¹⁴.

Управленческим центром для институтов Академии наук в 1942—1943 гг. стал Свердловск. Решающее значение имело первое общее собрание Академии наук в условиях военного времени, которое состоялось 7 мая 1942 г. в Свердловске. Вице-президентом АН СССР и одновременно академиком-секретарем по Отделению истории и философии был назначен известный историк В.П. Волгин, что вызвало горячее одобрение директора Института истории Б.Д. Грекова¹¹⁵. О проекте И.И. Минца по созданию отдельного Института Отечественной войны, что могло привести к дроблению Института истории, можно было забыть. Решения Казанского центра Академии наук были дезавуированы, и эвакуированные сотрудники Института истории в Ташкенте оперативно реагировали на указания руководства АН СССР в Свердловске, о чем свидетельствует рукописный

¹¹² Афиани, Осипова 2010, 9; Савина 2005, 165—205.

¹¹³ См. подробно: Карпюк, Кулишова 2018, 88—112.

¹¹⁴ Абрам Борисович Ранович 2018, 39.

¹¹⁵ Греков 2019, 262. См. также: Гладышев 2006, 136—198.

листок, подшитый к протоколам заседаний Ученого совета Института истории АН СССР за 1942 г.:

15/V 42 г.

В Ученый совет
Института истории
Академии Наук СССР

В связи с сессией Академии Наук СССР в Свердловске в печати появились сведения об факте исключительного значения. Общему Собранию Академии сообщены «указания товарища Сталина о всемерном развертывании фронта Академии Наук, направленного на укрепление военной мощи Советского Союза». Академии Наук предстоит, согласно этим указаниям, возглавить «движение новаторов в области науки и производства». В ответ на призыв вождя, общее собрание Академии Наук обратилось к товарищу Сталину с письмом, в котором дает торжественное и нерушимое обещание «поднять безграничные силы современной, идущей вперед, переступающей пределы, передовой науки».

Мы убеждены, что выражаем настроение всего нашего Института, если предложим единодушно присоединить[ся] к этому обещанию. В первую очередь мы должны взять на себя обязательство на основе учения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина «всемерно разоблачать фашизм, враждебный жизни и свободе человечества, враждебный прогрессу, культуре и разуму», помня, что на нас лежит дело защиты общечеловеческой культуры от мрака фашистской инквизиции.

Вместе с тем мы призываем наших товарищей присоединиться к обращению Собрания Академии Наук СССР к ученым всего мира: «Еще настойчивее будем разоблачать и разбивать фашистскую лженауку и демагогию! ... Все силы мировой науки на помощь Красной Армии, на помощь антифашистскому фронту! Все силы науки и прогресса в наступление, в бой против фашизма!»

Таковы лозунги, на которых должна стоять (!) вся научная работа нашего Института.

Действительный член АН СССР Ю.В. Готье

Действительный член АН БССР, член-корреспондент АН СССР
В. Пичета

Член-корр. АН СССР С. Бахрушин

Чл.-кор. С. Веселовский

Чл.-кор. Е. Косминский

Чл.-кор. С. Богоявленский [подписи]¹¹⁶.

Резолюция. С начала 1942 г. в Москву стали возвращаться отдельные лаборатории академических институтов. Февралем 1943 г. датировано письмо президента АН СССР В.Л. Комарова

¹¹⁶ Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 56. Л. 2—2 об.

В.М. Молотову с просьбой разрешить перевод президиума АН СССР в Москву¹¹⁷. 13 марта 1943 г. было издано Постановление СНК СССР № 269 от «О переводе эвакуированных институтов и учреждений Академии Наук СССР в г. Москву», которое было подписано В.М. Молотовым¹¹⁸. В Москву вернулось 61 учреждение, в том числе 40 институтов и 3109 сотрудников. Реэвакуация осуществлялась в три этапа: 1-я очередь возвращения институтов АН СССР в Москву — май, 2-я — июнь—июль, 3-я — октябрь 1943 г. В списке реэвакуированных институтов АН СССР (ноябрь 1943 г.) значился Институт истории¹¹⁹.

Сотрудники различных гуманитарных институтов АН СССР, включая сотрудников Института истории, наряду с учеными-сейсмологами, вывозились из Ташкента в Москву с 15 по 20 мая 1943 г. На это было выделено: вагон-ресторан, 2 вагона СВ, 2 мягких и 10 жестких вагонов. Вывозились 560 сотрудников АН СССР и иждивенцев. Для перевозки имущества были выделены 7 крытых товарных вагонов. Станцией отправления значился Ташкент, конечный пункт — Канатчиково Московской окружной железной дороги¹²⁰. Из Ташкента прибыло 255 сотрудников АН СССР, 319 иждивенцев, всего 574 человека. С лета 1943 г. в Москве уже проходили защиты диссертаций¹²¹. Первая сессия Академии наук СССР прошла в Москве в конце ноября 1943 г., а 11 января 1944 г. руководство АН СССР докладывало В.М. Молотову, что реэвакуация в Москву завершена: всего было перевезено 3109 сотрудников академии и 5809 членов их семей¹²².

Институт истории АН СССР в Москве в полном объеме восстановил свою деятельность летом 1943 г. Дробления института не произошло: инициатива И.И. Минца о создании самостоятельного Института истории Отечественной войны не получила поддержки после того, как центр управления советской академической наукой был весной 1942 г. перенесен в Свердловск. Происходит гиперцентрализация, от которой Институт истории даже выиграл: под руководство историков перешел Институт истории материальной культуры (директорами ИИМК были последова-

¹¹⁷ Архив РАН. Ф. 4. Оп. 1-1943. Д. 11. Л. 1—1 об.

¹¹⁸ Там же. Л. 2.

¹¹⁹ Там же. Л. 50, 55.

¹²⁰ Там же. Л. 8, 9, 15.

¹²¹ О защите, напр., А.В. Мишулина см. далее.

¹²² Савина 2005, 197—198.

тельно Б.Д. Греков и А.Д. Удальцов, заместителем директора в завершающий период войны был А.В. Мишулин). И после окончания войны Институт истории АН СССР оставался влиятельным гуманитарным академическим институтом, который осуществлял координационную деятельность в сфере исторических исследований.

1.4. Ленинградское отделение Института истории АН СССР в годы войны

Общие сведения о работе сотрудников ЛОИИ в годы войны можно получить из опубликованной А.Н. Цамутали и А.Н. Чистиковым статьи Д.И. Петрикеева об истории ЛОИИ, подготовленной, вероятно, в 1986 г. в связи с 50-летним юбилеем учреждения¹²³. Анализ ее содержания позволяет утверждать, что автор выстраивал повествование на архивных материалах: делопроизводственных документах института, в частности ежегодных отчетах. Последовательно и скрупулезно восстанавливая историю научного учреждения, Д.И. Петрикеев обращал внимание на структурные изменения в нем, численный и поименный состав, плановые темы и публикации сотрудников. Вопросы организации работы ленинградских учреждений в годы войны рассмотрел А.В. Кольцов¹²⁴, но он не ставил своей задачей изучить специфику научного творчества представителей разных отраслей исторической науки, в частности истории древнего мира.

Начавшаяся война изменила привычный образ жизни. Судьба членов группы древнего мира ЛОИИ сложилась следующим образом. М.А. Коростовцев и С.Л. Утченко были мобилизованы. Коростовцев попал в Красную Армию, откуда был демобилизован в середине 1942 г. и распределен в Институт истории АН СССР в Москве на должность ученого секретаря¹²⁵, Утченко же как члена ВКП(б) (с 1931 г.) распределили в Военно-политическую академию, а после ее окончания направили в Сибирь, где он чуть не попал в штрафбат за то, что в 1920-е гг. жил и работал в типографии у своего дяди в Берлине, но в итоге ему удалось на два года устроиться преподавателем общественных

¹²³ Цамутали, Чистиков 2016.

¹²⁴ Кольцов 1997.

¹²⁵ Ладынин, Тимофеева 2014, 371.

дисциплин в Омскую школу военных поваров и скрыть «компрометирующие» его сведения¹²⁶. С.А. Жебелев умер 28 декабря 1941 г. С.Я. Лурье в августе 1941 г., написав заявление об увольнении, покинул Ленинград и уехал в Иркутск.

В течение первой половины 1942 г., до эвакуации, после отъезда М.В. Левченко и смерти С.А. Жебелева работой ЛОИИ в блокадном Ленинграде (с января по июль 1942 г.) руководил С.И. Ковалев. Он, имея большой пропагандистский опыт, полученный в годы Революции и Гражданской войны, занимался в это время составлением брошюр по линии Госполитиздата, написав «Ганнибал у ворот» и «Политические итоги года войны». Подобные брошюры (объемом примерно 2 п. л. и значительным тиражом, в среднем 23 тыс. экземпляров) имели большое хождение в годы войны¹²⁷. На их создание были брошены прежде всего научные кадры, однако не все ученые оказались способны исполнить поставленную задачу. Так, Е.В. Тарле заметил, что писать такие маленькие книжки трудно, «надо подбирать конкретные факты, с учетом того, что нынешние красноармейцы и краснофлотцы очень требовательный читатель. Им нельзя преподносить известные и избитые факты, их надо развлечь, дать им соответствующую зарядку и сообщить наименее известные подробности»¹²⁸. Уже в середине 1943 г. заместитель директора Института истории АН СССР А.Д. Удадьцов критиковал практику поголовного привлечения научных сотрудников, в том числе аспирантов, к написанию таких брошюр, сильно мешавших основной исследовательской работе, отмечая, что не у всех имеются соответствующие навыки, в результате чего 70 % брошюр оказываются забракованными¹²⁹.

А.И. Болтунова, Д.П. Каллистов и Ю.Я. Перепелкин продолжили работу в блокадном Ленинграде до середины 1942 г. в рамках уже единого для всех специалистов по истории зарубежных стран Сектора всеобщей истории ЛОИИ. Очевидно, что полноценную научную деятельность в блокадном городе вести было невозможно¹³⁰, особенно ставить новые исследовательские

---

¹²⁶ Рабинович [Электронный ресурс].

¹²⁷ Бурдей 1995, 5.

¹²⁸ Цит. по: Бурдей 1995, 11—12.

¹²⁹ Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 74. Л. 21 об.

¹³⁰ О работе ЛОИИ в блокадном Ленинграде сохранились воспоминания К.Н. Сербиной: [Сербина К.Н.] 2015, 552—562.

задачи, поэтому на 1942 г. были сформулированы темы, связанные в основном с редактированием или переработкой глав четвертого тома «Всемирной истории», посвященного эллинизму, закончить который планировалось отныне в декабре 1942 г. Главы были распределены следующим образом: за А.И. Болтуновой числились «Понтийское царство», «Греческие города западного побережья Малой Азии», «Источники»; за С.И. Ковалевым — «Введение. Общая характеристика эллинистического периода», «Религия и философия»; он же осуществлял общую редакцию; за Д.П. Каллистовым — «Северное и Западное Причерноморье», «Западное Средиземноморье и Сицилия», «Киренаика и островной мир». План Каллистова также включал главы для пятого тома — «Первая и Вторая Пунические войны», «Начало борьбы за Восточное Причерноморье и Третья Пуническая война», «История Рима между Первой и Второй Пуническими войнами», «Северное Причерноморье в Римскую эпоху», а Болтуновой следовало переработать написанные, но не принятые по разным причинам главы: «Царство Птолемеев» (К.К. Зельина), «История науки эллинистической эпохи» (С.Я. Лурье), «Месопотамия» (Н.В. Пигулевской), «Иудея под властью Сирии» (А.Б. Рановича)¹³¹. Предполагалась разработка ряда брошюр «антифашистской тематики». Лишь у Ю.Я. Перепелкина было запланировано продолжение работы над собственным монографическим исследованием «Перевоорот Эхнатона (историковедческое научное исследование¹³²)», которое, впрочем, ему необходимо было сдать в печать, по плану, еще в конце 1941 г. Заметим, что сроки выполнения каждого пункта плана выпадали в основном на вторую половину 1942 г. Научные сотрудники, вероятно, предчувствовали тяжелые условия жизни в Ленинграде в зимние месяцы 1942 г.

И действительно, в январе—феврале 1942 г. в блокадном городе, как следует из отчета, всяческая работа была прекращена из-за отсутствия света, отопления и общего истощенного физического состояния сотрудников¹³³. Только в марте этого года началось некоторое оживление: стал действовать Объединенный

---

¹³¹ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1942). Д. 1684. Л. 1.

¹³² Такой подзаголовок появился, видимо, с целью дистанцировать свое исследование от издававшихся в то время в большом количестве брошюр историко-политико-идеологического характера.

¹³³ Кольцов 1997, 119.

ученый совет оставшихся в Ленинграде академических институтов, на заседании которого, в частности, была защищена докторская диссертация М.Е. Сергеевко «Очерки по истории сельскохозяйственного быта Древней Италии (Очерки по истории италийской агрокультуры)» в июне 1942 г.¹³⁴ В этом же году на заседаниях Сектора всеобщей истории ЛОИИ С.И. Ковалев сделал доклад «Ганнибал у ворот Рима», а Д.П. Каллистов — «Сможет ли Муссолини восстановить Римскую империю». Весной несколько заседаний было посвящено обсуждению доклада Ковалева и содоклада Каллистова по вопросу о взаимоотношениях между методами науки и искусства «О некоторых особенностях истории как науки»¹³⁵. Очевидно, содержание выступлений не отличалось исследовательской новизной, но такие научные заседания нужны были для ученых как моральная и психологическая поддержка, возможность отвлечься от военного быта. А.И. Болтунова за первую половину года отчиталась следующей деятельностью: «1) обрабатывала и оформляла материалы к главе “Понт” 4 тома “Всемирной истории” (написано 1,5 п. л.); 2) собран и обработан материал для окончания этой главы; 3) просмотрен материал источников и литературы для редактирования главы 4 “Всемирной истории”: “[Иудея¹³⁶] под властью Сирии”»; Ю.Я. Перепелкиным был подготовлен к печати «Переворот Эхнатона»¹³⁷. Показательны глаголы, которые использует в отчете Болтунова, — обрабатывала, оформляла, собран, обработан, просмотрен. По смыслу они довольно абстрактные и не позволяют представить конкретный результат ее работы. В целом следует отметить ослабление контроля за деятельностью ученых в блокадном Ленинграде. Об этом свидетельствует, в частности, то, что С.И. Ковалев, являясь руководителем ЛОИИ, ввел в состав института своих друзей, не имеющих исторического образования, — неких Венедиктова и Новожилова. Их увольнение позже (в августе 1942 г.) добивался М.В. Левченко, указывая на то, что он не был поставлен в известность по данному вопросу¹³⁸.

¹³⁴ Басаргина 2021.

¹³⁵ Заметим, что отчет не содержал сведений о физическом истощении сотрудников: СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1942). Д. 1684. Л. 16.

¹³⁶ На месте названия государства в документе пропуск. Однако благодаря более поздним отчетам название темы полностью восстанавливается.

¹³⁷ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1942). Д. 3. Л. 5.

¹³⁸ Там же. Л. 29 об.

Эвакуация института 12 июля 1942 г., вероятно, происходила в спешке: сотрудники ЛОИИ разъехались по разным городам, практически не взяв с собой своих записей и черновики. Д.П. Каллистов оказался в Ташкенте, С.И. Ковалев, Ю.Я. Перепелкин, А.И. Болтунова в Казани, М.А. Коростовцев после демобилизации в Москве. Такое положение дел в известной степени привело к децентрализации в планировании научной деятельности, но способствовало самоорганизации ученых. После отъезда коллег оставшимся в Ленинграде сотрудникам института М.И. Стеблин-Каменской (в статусе уполномоченной; умерла 20 марта 1943 г.), К.Н. Сербиной (старшему научному сотруднику, ставшей уполномоченной после смерти Стеблин-Каменской) и А.К. Тумановой (техническому работнику) пришлось долго наводить порядок в помещениях: рукописи готовых книг, статей, переводов порой находились среди мусора¹³⁹. После прорыва блокадного кольца 18 января 1943 г. Сербина по запросу коллег, переданному телеграфным способом, стала высылать из Ленинграда требуемые источники и рукописи. Такие телеграммы сохранились в архивном деле под заглавием «Переписка по научным вопросам»¹⁴⁰. Так, 4 июля 1943 г. бандеролью в Ташкент отправлены статьи из «Византийского сборника» (готовился еще до войны), по просьбе С.Я. Лурье в Москву высланы подготовленные им главы для третьего тома «Всемирной истории»: «Афинская демократия в эпоху Перикла», «Религия», «Эпоха персидского преобладания», «Пелопоннесская война» и др.¹⁴¹ Активная переписка по пересылке разного рода источников и рукописей свидетельствует о том, что ученые на определенном этапе приспособились к условиям военного времени. К 1942 г. наступление немецкой армии было остановлено, благодаря чему оказалось возможным наладить работу ученых в новых условиях. Заметно их желание продолжить традиционные научные исследования и не посвящать себя исключительно чтению популярных лекций и агитационно-пропагандистской работе. С другой стороны, погружение в исторические источники

¹³⁹ Ананьев 2010, 473—474.

¹⁴⁰ Для примера приведем телеграмму С.Н. Валка: «ЕСЛИ ВОЗМОЖНО ПРОШУ ВАС РАЗЫСКАТЬ В ЦОКОЛЕ ВЯТКИНА ЗАХВАТИТЬ ПАПКУ МАТЕРИАЛОВ АЛЕКСАНДРЕ ТРЕТЬЕМ ВАЛК» (СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1944). Д. 6. Л. 5).

¹⁴¹ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1944). Д. 6. Л. 25, 28.

для ученых было своеобразной формой борьбы с «энтропией» войны¹⁴².

Заметим, что в соответствии с решением исполкома Ленгорсовета от 3 марта 1942 г. жилплощадь и имущество деятелей культуры и искусства сохранялись за ними до их возвращения в Ленинград, квартирная плата за занимаемые ими помещения должна была вноситься по месту их жительства. Здесь следует учесть, что это решение относилось только к квартирам сотрудников, имеющих ученые степени¹⁴³, но не всегда на практике соблюдалось (под особым контролем находились только квартиры академиков). Сохранились документы, связанные с освобождением незаконно заселенной квартиры Ю.Я. Перепелкина, где находилась «ценная библиотека и рукописные материалы, взятые под охрану (sic!) Академией Наук»: у управхоза не было сведений о наличии ученой степени у собственника¹⁴⁴.

Первое время в эвакуации ученые пребывали в растерянности относительно своей дальнейшей научной работы. М.В. Левченко, руководитель Ленинградского отделения в эвакуации, адресовал С.И. Ковалеву и А.И. Болтуновой, находящимся в Елабуге, настойчивые просьбы «выслать *ориентировочный* (курсив наш. — *Авт.*) план <...> работы», надеясь, что ящик с рукописями будет получен¹⁴⁵. В письме адресант подчеркивает шаткость положения самого отделения и стремление руководства АН СССР объединить его с головной организацией — Институтом истории. В этих условиях подробная роспись планов, которые бы отразили активную деятельность ленинградских историков, смогла бы способствовать сохранению автономности. Левченко ссылается и на неоднократные требования А.Д. Удальцова представить такие планы. Высокая требовательность в этом вопросе объясняется не только традиционной установкой

¹⁴² Басаргина 2021, 365.

¹⁴³ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1944). Д. 14. Л. 3, 11.

¹⁴⁴ Там же. Л. 95, 97.

¹⁴⁵ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1942). Д. 3. Л. 16. М.В. Левченко в письме от 17 августа 1942 г. ходатайствовал перед Президиумом АН СССР о вывозе из Ленинграда собрания Лихачева; 15 ящиков с копиями документов XV—XVI вв. (для С.Н. Валка); три ящика древнерусских грамот до XVI в.; подготовленные к изданию «Византийский сборник» (1-й и 2-й тома), «Русская Правда» (3-й том); «Всемирная история», отредактированная С.А. Жебелевым (4-й и 5-й тома); рукописи академика Державина (СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1942). Д. 3. Л. 31 об.—32).

советской науки на плановость, но и прежде всего дисперсным расположением ученых и отсюда сложностью контроля за их деятельностью. Заметим, что конкретные предписания по разработке тех или иных тем автором письма не направлялись. Показательным в связи с этим является конфликт середины 1944 г., произошедший между византинистом А.С. Степановым, пребывающим в Пензе, и М.В. Левченко, находящимся в Ташкенте. Последний требовал представить перевод (вероятно, частичный) «Византийской истории» Дуки в рамках плановой темы группы истории Византии «Известия византийских писателей о Скифии и Кавказе»¹⁴⁶, угрожая увольнением. Однако Степанов, ссылаясь на отсутствие необходимой литературы (только лишь источник, выписанный из Москвы, был у него на руках) в Пензе, отказывался от участия в коллективной работе. В качестве аргумента строптивый сотрудник сослался и на одно из писем Левченко к нему, составленное по случаю приема на работу, где кроме всего прочего были следующие строки: «Академия не потребует от Вас никакой иной работы, кроме работы над темой, которую Вы сами себе изберете»¹⁴⁷. Очевидно, ситуация в научной среде в 1944 г. отличалась от 1943 г., когда трудоустраивался А.С. Степанов, и более раннего времени — 1942 г. Временно ослабленные требования в начале войны стали ужесточаться уже в конце ее. Заметим также, что в том же деле, где хранится упомянутое письмо, имеются не только отчеты научных сотрудников, но и рецензии на отчеты; в документах фигурирует и годовой норматив научной продукции — 8 п. л.¹⁴⁸ Кроме того, из письма А.С. Степанова следует и то, что в годы войны действовал межбиблиотечный абонемент.

Общая тема по всеобщей истории в Институте истории АН СССР на 1943 г. соответствовала условиям военного времени — «Разоблачение германского фашизма». В рамках такой формулировки востребованными были не только специалисты по Новому времени и XX в., но и медиевисты, исследующие с целью разоблачения расистской теории вопросы этногенеза ев-

---

¹⁴⁶ Другое название темы, фигурировавшее в делопроизводственной документации, — «Известия византийских писателей о народах, населявших территорию СССР».

¹⁴⁷ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1944). Д. 7. Л. 48 об.

¹⁴⁸ Впрочем, установленная норма еще не означала, что написанные статьи и книги обязательно должны быть опубликованы.

ропейских народов и средневековую историю славянских народов в контексте борьбы с захватчиками, а также византилисты, в ведении которых были вопросы «Ромейской империи» и русско-византийские отношения¹⁴⁹. Но сформулированная общая тема не стала препятствием для разработки индивидуальных проектов. Очевидно, что специалистам по древности найти какие-либо проблемы в предложенном ракурсе представлялось затруднительным, поэтому руководство не препятствовало продолжению исследования «Переворота Эхнатона» Ю.Я. Перепелкиным, «Боспора Киммерийского» Д.П. Каллистовым. С.И. Ковалев избрал себе тему «Античность и европейская культура». Заметим, что Перепелкин писал свое исследование вторично, поскольку его переводы надписей оказались утрачены в ходе эвакуации, а первичный вариант книги так и не был вывезен из блокадного Ленинграда¹⁵⁰.

1943 год стал рубежным как для ученых, так и для страны: стали просматриваться перспективы победы. Руководство Института истории АН СССР откликнулось на это пятилетним перспективным планом (1944—1948 гг.). В нем большое значение получило исследование истории русской культуры с ракурсом выявления ее значимости в мировом масштабе, в связи с чем было обращено внимание на издание византийских источников по истории Руси (вероятно, здесь сыграл роль личный авторитет М.В. Левченко). В качестве важнейшего направления поставлено изучение истории славян и истории Ленинграда. В планах ЛОИИ значилось: издание своих «Записок», расширение штатов, прием новых аспирантов, увеличение числа издаваемых монографий. Вопросы военной истории по-прежнему являлись востребованными — именно в рамках этого направления Ю.Я. Перепелкин на перспективу избирает себе исследование «Египетский капкан (Палестина, Финикия, Сирия под властью фараонов Нового царства)», а Д.П. Каллистов — «Путь к мировому господству (о процессе эллинизации варваров и варваризации греков в Причерноморье)»¹⁵¹. Завлекательное название отнюдь не означало популярного характера самого издания и, вероятно, было сформулировано именно таким образом, чтобы «продвинуть» монографию в план института. Сохранившееся в документах при-

¹⁴⁹ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1942). Д. 3. Л. 93, 114, 117.

¹⁵⁰ Там же. Л. 55.

¹⁵¹ Там же. Л. 48—48 об.

мерное содержание книги Перепелкина — тому свидетельство. Предполагалось, что в первой главе будут разобраны египетские источники по теме, во второй — клинописные источники, в третьей — источники на сиро-палестинских языках, в четвертой — монеты и вещественные памятники, в пятой же осуществлен сводный обзор. Другими словами, задумывалось издание историко-этнографического профиля¹⁵².

Итак, на 1944 г. в ЛОИИ намечались три коллективных темы: «История Ленинграда», «Русская Правда», «Известия византийских писателей о народах, населявших территорию СССР»¹⁵³, среди которых исследовательских сюжетов для антиковедов опять же не находилось, поэтому сотрудники группы древнего мира выполняли индивидуальные работы. Приведем примеры из их отчетов за первое полугодие 1944 г. Сохранились, например, отчеты С.Я. Лурье, свидетельствующие о том, что он, находясь в Москве, снова стал штатным сотрудником ЛОИИ¹⁵⁴. Лурье продолжал тему «Делосско-Афинский морской союз», по которой написал четыре главы, сдал в печать две книги: «Архимед» и «Очерки по истории античной науки». А.И. Болтунова написала главу «Понт» для «Всемирной истории», собрала материалы для главы «Кирена» и для отдельной работы «Античная традиция о Колхиде», отрецензировала восемь глав четвертого тома «Всемирной истории»: «Александр Македонский», «Диадочи», «Месопотамия», «Искусство», «Литература», «Религия», «Философия», «Греция и Македония». Д.П. Каллистов готовил заключительную главу «Боспор во II—V вв.» для монографии «Боспор Киммерийский», составил рецензии на три главы четвертого тома «Всемирной истории», сверх плана сдал в печать три статьи по специальным вопросам истории Северного Причерноморья античной эпохи. Ю.Я. Перепелкин работал по теме «Египетский Ханаан», а конкретно над Эль-Амарнской клинописной перепиской, в особенности над ее географическими терминами, готовя к печати свою диссертацию «Последовательность надписей времени Эхнатона»¹⁵⁵.

¹⁵² Там же. Л. 48 об.

¹⁵³ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1944). Д. 4. Л. 1—1 об.

¹⁵⁴ С.Я. Лурье еще в декабре 1942 г. Президиумом Академии наук был вызван в Москву из Иркутска для написания статей в юбилейный сборник в честь Ньютона.

¹⁵⁵ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1944). Д. 4. Л. 2 об., 11, 14.

Если сравнить тематику исследований с довоенным временем, то можно заметить значительное сходство. «Стахановские» планы рубежа 1930—1940-х гг. по написанию монографий, думается, не были осуществлены не только по причине начавшейся войны, хотя, безусловно, она отвлекла много сил и энергии, но и вследствие невозможности за короткое время решить крупные проблемы античной истории. Приведем примеры объяснений невыполнения плана за 1944 г., которых было вполне достаточно для перенесения той или иной темы на следующий период: Лурье не закончил «Делосско-Афинский морской союз» ввиду утери в библиотеке необходимых книг; Болтунова не могла приступить к редактированию глав «Всемирной истории» из-за того, что они не прибыли из Москвы; Каллистов не завершил диссертацию о восточно-европейском варварстве, так как пребывал в Москве, а необходимые книги имелись лишь в Ленинграде¹⁵⁶. Фундаментальные работы зачастую замещались статьями на отдельные сюжеты.

Но даже, казалось бы, законченные в разгар войны монографии по плановым темам снова пересматривались в самом конце войны и после нее в связи с установившимся доступом к литературе. В итоге Лурье издал «Архимеда» в 1945 г., «Очерки по истории античной науки» в 1947 г., а монография по «Делосско-Афинскому морскому союзу» так и не вышла в свет; Каллистов опубликовал «Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи» в 1949 г., «Северное Причерноморье в античную эпоху» в 1952 г.; в библиографическом же списке Болтуновой монографии не значатся. Многострадальная «Всемирная история» («античные» тома), как видно из отчетов первого полугодия 1944 г., снова подлежала пересмотру. На уже отредактированные еще в 1941 г. главы сотрудники группы древнего мира писали рецензии¹⁵⁷. А.И. Болтунова в конце 1944 г. предлагала поставить перед руководством вопрос о целесообразности завершения работы над четвертым томом и его скорого печатания¹⁵⁸. Думается, она выражала общее желание научного коллектива уйти от прежде порученной работы, в которой авторы не видели для себя особого смысла, особенно когда часть надежных исполнителей (в том числе и редактор С.А. Жебелев) ушли из жизни.

¹⁵⁶ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1944). Д. 8. Л. 3.

¹⁵⁷ К сожалению, эти документы не сохранились.

¹⁵⁸ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1944). Д. 8. Л. 3.

Находясь в разных городах Советского Союза, сотрудники бывшей группы древнего мира ЛОИИ практически потеряли возможность совместного обсуждения плана и хода своих исследований. Руководство Академии наук стремилось воссоединить коллективы институтов, требуя, например, от историков ЛОИИ переместиться в Ташкент. Но столица Узбекской ССР, куда, напомним, был эвакуирован Институт истории АН СССР, не только была бедна на научную литературу, но и имела непривычно жаркий климат и недостаточную жилплощадь. Уже в августе 1942 г. М.В. Левченко ходатайствовал перед Президиумом Академии наук о возможности египтологам, антиковедам, византинистам и медиевистам, оказавшимся в Казани и Елабуге, там же и остаться, поскольку столица Татарской АССР располагала богатой университетской библиотекой, позволявшей вести научные занятия и, как говорил Левченко, не «девалифицироваться»¹⁵⁹. Имелись, вероятно, и личные мотивы: самому Левченко удалось в Казанском университете устроиться на должность заведующего кафедрой всеобщей истории. Следует учесть и то, что перемещение по стране вместе с семьями и имуществом было крайне тяжелым в тех условиях. В итоге вице-президент АН СССР Л.А. Орбели разрешил остаться в Казани и Елабуге только научным сотрудникам: Левченко же, как заведующему ЛОИИ, предписывалось переехать в Туркестан.

Блокада Ленинграда продолжалась, как известно, до конца января 1944 г. Практически сразу после снятия блокады, 10 февраля 1944 г., К.Н. Сербина писала М.В. Левченко, что медлить с возвращением в Ленинград нельзя, поскольку приводить в порядок помещения ЛОИИ и квартиры придется самим же сотрудникам, а для этого наиболее благоприятным является теплое время — весна и лето¹⁶⁰. Резэвакуация происходила летом 1944 г. С сентября этого же года постепенно возобновляется деятельность ЛОИИ и группы древнего мира. Антиковедами за сентябрь—декабрь были проведены четыре заседания, одно из которых имело статус организационного, остальные — научные. Показательна сама тематика докладов и их основные тезисы. С.Я. Лурье, излагая «Колониальную политику афинских политических партий», критиковал распространенную точку зрения, что афинская демократия бесчеловечно эксплуатировала союзников, а афинские олигархи боро-

¹⁵⁹ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1942). Д. 3. Л. 30.

¹⁶⁰ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1944). Д. 14. Л. 108.

лись против эксплуатации и угнетения колонистов-клерухов, добываясь их автономии. Обращая внимание на тенденциозность основных источников (Фукидида и псевдо-Ксенофонта) и неверное толкование Аристофана и Фриниха, привлекая материал надписей, ученый обращал внимание на выгоды союзных городов от их вхождения в Афинскую симмахию¹⁶¹ при доминировании в полисе демократов¹⁶². Обсуждение доклада происходило в научном ключе, практически все высказывавшиеся (за исключением Д.П. Каллистова) признали критику старой концепции аргументированной, причем никто не привлек в дискуссии высказывания классиков марксизма¹⁶³. Последнее является довольно симптоматичным, как и восторжение демократическим режимом в период нарастания победоносных настроений после перелома в войне, в чем нельзя не видеть надежду на либерализацию режима в послевоенное время¹⁶⁴. Другой показательный доклад, «Композиция “De agri cultura” Катона», сделала М.Е. Сергеенко. Опровергая методы разбора этого античного произведения немецкими историками, заключающиеся в отрицании изначального плана текста у римского автора, Сергеенко настаивает, что основным писательским приемом Катона было «зигзагообразное письмо» — в каждом из последующих отделов книги учитывалось сказанное в предыдущем¹⁶⁵. Обсуждение этого доклада происходило с привлечением аналогичных приемов из других произведений прежде всего греческой литературы. Вероятно, намеренно выбранный узкий частный сюжет позволил исключить какие-либо дискуссии в русле марксистской историографии¹⁶⁶. Д.П. Каллистов же в качестве несомненного преимущества доклада отметил поднятый вопрос о «своеобразии античного мышления»!¹⁶⁷

¹⁶¹ Афинская симмахия, или Первый Афинский морской, или Делосский, союз существовал в 478—404 гг. до н. э. и объединял сотни греческих городов-государств под началом Афин.

¹⁶² СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1944). Д. 8. Л. 18.

¹⁶³ Там же. Л. 16—17.

¹⁶⁴ Схожие выводы были представлены И.А. Ладыниным и М.Н. Кирилловой на конференции «Советская древность IX» 24 ноября 2023 г. в выступлении «Доклад С.Я. Лурье “Революция рабов в Этрурии” и его культурно-исторические штудии 1920-х гг.».

¹⁶⁵ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1944). Д. 8. Л. 20.

¹⁶⁶ Такого же стиля в выборе темы и написании статей М.Е. Сергеенко придерживалась и в 1930-е гг.: Жмудь 2013, 10—12.

¹⁶⁷ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1944). Д. 8. Л. 19—19 об.

В контексте сказанного символично и мемориальное заседание группы 28 декабря 1944 г., посвященное третьей годовщине со дня смерти С.А. Жебелева и собравшее разнообразные научные организации¹⁶⁸. Производственный план 1945 г. группы древней истории ЛОИИ свидетельствует об определенной нормализации научной жизни: вопрос издания «Всемирной истории» более не поднимается, А.И. Болтунова занимается темой эллинистической монархии, С.И. Ковалев готовит к публикации вузовский учебник по истории Древнего Рима, обсуждая главы на заседании группы, Д.П. Каллистов исследует историю Северного Причерноморья в античную эпоху, С.Я. Лурье составляет пособие «Греческая эпиграфика»¹⁶⁹, М.Е. Сергеев исследует вопросы животноводства и птицеводства в Риме. Совместными усилиями группа готовит сборник, посвященный памяти С.А. Жебелева¹⁷⁰. В обозначенных темах, как и в отчетах, не ощущаются веяния войны и идеологический пресс, нет и попыток поставить теоретико-методологические вопросы в рамках господствующей марксистской теории. Следует также заметить, что актуализировалось исследование истории Северного Причерноморья — региона, традиционно являющегося сферой интересов российского антиковедения, а в середине 1940-х гг. эти штудии приобрели еще большую значимость, о чем речь пойдет в одной из следующих глав.

Таким образом, и темы докладов научных сотрудников группы древнего мира ЛОИИ, и ход их обсуждения, а также характер исследовательских вопросов на 1945 г. свидетельствуют об определенном снижении идеологического контроля за деятельностью историков в военное время. Характерно, что в тезисах выступления С.Я. Лурье неявно просматривается надежда на демократизацию политического строя. А деятельность сотрудников ЛОИИ по увековечиванию памяти академика С.А. Жебелева выявляет их нацеленность на укрепление связи с дореволюционными традициями, ориентирующими на строго научный подход. К такому положению дел отчасти привела жизнь в блокадном Ленинграде, дисперсное расположение ученых ЛОИИ в эвакуации. В целом контроль за деятельностью сотрудников ЛОИИ, находящихся в разных городах СССР, до 1944 г. был относительно слабым и фор-

¹⁶⁸ Там же. Л. 19 об.

¹⁶⁹ Так и не вышла в свет.

¹⁷⁰ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1945). Д. 4. Л. 3, 18 об.—19.

мальным. Специалисты по истории древнего мира в годы войны, как правило, занимались традиционными исследовательскими вопросами, которые выходили за рамки коллективных проектов, что не находило возражения у руководства до определенного момента.

1.5. Московское отделение Института истории материальной культуры в годы войны

История Института археологии / Института истории материальной культуры АН СССР (ИИМК) изучена и описана достаточно подробно: краткое и емкое описание деятельности Московского отделения Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК) и ИИМК можно найти в изданиях Института археологии РАН¹⁷¹. В книге А.А. Формозова затрагивается деятельность московских археологов в предвоенные и военные годы¹⁷². Деятельность ГАИМК и ИИМК в довоенные годы описана и Г.В. Длужневской¹⁷³. Наибольшую значимость представляют работы Н.И. Платоновой, которая, основываясь на петербургских архивных материалах ИИМК и Ленинградского отделения ИИМК, дает полную и очень подробную картину существования и развития академических археологических учреждений Ленинграда и Москвы в предвоенные, военные и послевоенные годы¹⁷⁴. Тем не менее важно обратиться к московским архивным документам, позволяющим пролить свет на процесс «автономизации» Московского отделения ИИМК (МОИИМК), который до сих пор связывается исключительно с военным временем; кроме того, рисуется неоправданно идиллическая картина взаимоотношений сотрудников МОИИМК и их ленинградского руководства в довоенные годы¹⁷⁵.

В настоящем параграфе рассматривается деятельность МОИИМК в переломный период (лето 1941 — зима 1941/42 г.), а также взаимоотношения московских археологов с ленинградским руководством института, для чего будут использованы стенограммы и протоколы заседаний академических учреждений,

¹⁷¹ Гуляев 2000, 3—7; Макаров 2007, 6—13.

¹⁷² Формозов 2006, 62—63, 71—79.

¹⁷³ Длужневская 2006, 347—371.

¹⁷⁴ Платонова 1991; Платонова 1999; Платонова, Кирпичников 2010.

¹⁷⁵ Платонова 1991, 46—48.

которые составлялись на основе стенографических отчетов. Стенограммы заседаний и другие документы, хранящиеся в Архиве РАН, позволяют детализировать картину и выявить некоторые важные моменты процесса перевода головного института из Ленинграда в Москву, произошедшего в военные годы.

Толчок этому процессу был дан еще перед войной. К тому времени ИИМК стал крупным научным учреждением: на 1 декабря 1939 г. в штате института в Ленинграде и Москве насчитывалось 135 сотрудников, предполагаемая численность на январь 1940 г. — 143 человека. Напомним для сравнения: численность крупнейшего института Отделения истории и философии — Института истории — на 1 декабря 1939 г. составляла 194 чел., к январю 1940 г. предполагалось увеличение до 204 сотрудников¹⁷⁶. Соответственно, в 1939 г. было выделено 953 100 руб. только на зарплату штатным и нештатным сотрудникам ИИМК, на 1940 г. планировалось выделить 1 018 400 руб. (снова напомним соответствующие цифры для Института истории АН СССР: 1 632 500 и 1 817 600 руб. на 1939 и 1940 гг. соответственно)¹⁷⁷. Значительные средства расходовались на полевые работы: заявка на оборудование для экспедиций от 9 июня 1940 г. оценивалась в 56 710 руб.¹⁷⁸ По численности научных сотрудников ленинградская часть института превосходила московскую почти в три раза: на конец 1940 г. в головной части ИИМК в Ленинграде работало 59, в МОИИМК — 21 научный сотрудник¹⁷⁹, осенью 1941 г. в штате МОИИМК состояло 22 научных сотрудника¹⁸⁰.

Вопрос о правах МОИИМК был не нов и уходил корнями в период существования еще ГАИМК¹⁸¹. Уже после перехода ИИМК в систему Академии во время заседания Совета Отделения общественных наук АН СССР 3 октября 1937 г. тогдашний директор ИИМК академик И.А. Орбели поднимал вопрос о взаимоотношениях головного института в Ленинграде и отделения в Москве и спрашивал у своего коллеги Н.М. Лукина, директора московского Института истории: «...Как в дальнейшем будут урегулированы взаимоотношения Института и его ленинград-

---

¹⁷⁶ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1940. Д. 44. Л. 7.

¹⁷⁷ Там же. Л. 42 = Л. 43.

¹⁷⁸ Там же. Л. 23.

¹⁷⁹ Платонова 1991, 47.

¹⁸⁰ Архив РАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 37. Л. 42.

¹⁸¹ Формозов 2006, 62—63, 71—72.

ского отделения, по какой схеме будет идти взаимосвязь?»¹⁸². В ответ на вопрос И.А. Орбели Н.М. Лукин пояснил, что бюджет с ленинградским отделением единый, но в Ленинграде есть распорядитель кредитов¹⁸³.

В конце весны — начале лета 1941 г. сотрудниками МОИИМК был поставлен вопрос о воссоздании самостоятельного Института археологии и искусствознания (упраздненного в 1931 г.) в системе АН СССР¹⁸⁴. «Эта докладная записка о создании отдельного института подписана всеми основными работниками МОИИМК'а — всеми без исключения», — так утверждал известный археолог проф. А.В. Арциховский¹⁸⁵. 11 июня 1941 г. на утреннем заседании Бюро Отделения истории и философии АН СССР, которое проходило под председательством А.М. Деборина, разгорелись бурные дебаты. В них приняли участие и приехавший из Ленинграда директор ИИМК М.И. Артамонов, и московские археологи, среди которых ведущую роль играл заведующий Московским отделением С.П. Толстов¹⁸⁶.

Вопрос о МОИИМК застал М.И. Артамонова врасплох, тем более что за полгода до этого, 11 января 1941 г., на заседании бюро Отделения истории и философии в Ленинграде возглавляемый им институт получил высокую оценку¹⁸⁷:

Деборин. На повестке у нас стоит вопрос о работе Московского отделения Института истории материальной культуры им. Марра. Кто будет докладывать?

Артамонов. Для меня несколько неожиданна такая постановка вопроса. Поэтому я доклада о работе Московского отделения нашего института не готовил¹⁸⁸.

Доклад подготовил руководивший Московским отделением С.П. Толстов¹⁸⁹, чье выступление было и эмоциональным, и достаточно аргументированным:

Толстов. ...Четыре года тому назад, когда Московское отделение ГАИМК было включено в Академию наук, то статус Москов-

¹⁸² Архив РАН. Ф. 394. Оп. 7. Д. 12. Л. 42.

¹⁸³ Там же. Л. 42 об.

¹⁸⁴ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17. Л. 48.

¹⁸⁵ Там же. Л. 39.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ Платонова 1991, 48.

¹⁸⁸ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17. Л. 1.

¹⁸⁹ Там же. Л. 1—22а.

ского отделения был резким образом изменен. До этого Московское отделение ГАИМКа являлось самостоятельным учреждением, объединяемым с Институтом истории материальной культуры единством плана и общим руководством. Но во всех своих оперативных внутренних задачах оно пользовалось достаточным простором для самостоятельной работы. А с момента перехода в систему Академии наук сразу все элементы самостоятельности были ликвидированы. Он фактически превратился в группу проживающих в Москве сотрудников Института истории материальной культуры, не имевшую тогда даже официального возглавляющего лица... Сотрудники были непосредственно подчинены секторам Института... [Л. 1—2] Хотя принципиально этот вопрос [о конституировании Московского отделения] был решен, и со стороны Института в этом отношении наш запрос нашел полную поддержку, но фактическое разрешение даже этой элементарной стороны дела растянулось на два с лишним года, и только в начале прошлого [1940] года Московское отделение было конституировано как известная административная единица, — но это конституирование не было проведено до конца. [Л. 3]

Их [сотрудников МОИИМК. — *Авт.*] обязанности выражаются в том, чтобы подготовить рукопись и послать ее в Ленинград на редакцию, на утверждение, на обсуждение и издание, ни в обсуждении этой рукописи, ни в редактировании этих рукописей работники московского коллектива участия не принимают совсем... [Л. 7] Надо сказать, что МОИИМК вообще не знает о работе Института истории материальной культуры, потому что Институт не отдает себе отчета в важности совместного обсуждения работ Института с Московским отделением. [Л. 11] ...Фактически мы оказались в положении издательских договорников, а не органических работников Института, участвующих в творческой работе коллектива; в качестве литературных работников, выполняющих отдельные задания, поступающие из Ленинграда, и затем, собственно говоря, уже не имеющих особенного права интересоваться тем, что будет с их работами и какие работы будут окружать данную работу в том издании, которое последует в конце концов¹⁹⁰.

И С.П. Толстов, и его коллеги (А.В. Арциховский, П.Н. Бадер) привели многочисленные примеры некорректного отношения и придинок к московским сотрудникам ИИМК: присланный в Ленинград материал П.Н. Бадера оказался использованным в статье Землякова; редактирование в Ленинграде статьи А.В. Арциховского для «Истории русской культуры» превратилось в

¹⁹⁰ Там же. Л. 1—12.

соавторство, «хотя эти соавторы внесли самые обычные редакционные дополнения»¹⁹¹. Но главной проблемой был «вопрос научно-исследовательского планирования», а точнее, полное отстранение от него московских археологов. Подобное положение и привело к единогласному мнению сотрудников МОИИМК о желательности отделения от ИИМК:

Толстов. В процессе нашей повседневной работы создавались бесконечные трудности. Это побудило наш коллектив, целую группу работников, войти в Бюро Отделения с письмом, в котором мы кратко изложили положение таким, как оно есть. Поставили вопрос о том, что нет никакого смысла в сохранении связи между Институтом истории материальной культуры в Ленинграде и Московским отделением. Московское отделение является достаточно крупным по количеству и качеству входящих в него работников, ничуть не уступающим значению большого института Академии наук. А угроза параллелизма может быть легко снята планированием в пределах Отделения истории и философии.

Московское отделение представляет собой археологическую школу; вместе с тем оно может получить и несколько иной профиль, который сам собой напрашивается, это развитие в Московском отделении искусствоведчества. Мы имеем в своем составе небольшое количество искусствоведов. Московское отделение превращается в научно-исследовательский институт, могло бы быть Институтом археологии, который, безусловно, оправдал бы свое существование в системе Академии наук. Мы ничем не можем оправдать дальнейшее сохранение существующего положения, если исходить из существа дела, из интересов самой работы.

Т. о., подытоживая опыт предыдущих лет, мы пришли к выводу, что необходимо вопрос поставить так, как он ставится сейчас. Конечно, это дело Отделения [речь идет об Отделении истории и философии АН СССР. — *Авт.*], можно решить вопрос так или иначе. Но совершенно ясно, что существующее положение дальше нетерпимо. Я думаю, что в дальнейшем дача в той или иной мере Отделению [речь идет о МОИИМК. — *Авт.*] определенной конституции позволила бы ему работать, отвечая полностью за свою работу. Вопрос этот неотложный и решать его надо сейчас¹⁹².

Выступавший после директор ИИМК М.И. Артамонов констатировал, что ему «приходится выступать уже не в качестве докладчика, а в качестве ответчика»¹⁹³. М.И. Артамонов вполне

¹⁹¹ Там же. Л. 9.

¹⁹² Там же. Л. 21—22а.

¹⁹³ Там же. Л. 22а.

резонно указал на финансовые трудности всего института как на главную причину недофинансирования МОИИМК¹⁹⁴ и пожаловался на грубость со стороны С.П. Толстова: «Я все-таки привык к вежливым формам общения. На меня всегда нехорошо действует, хотя, как будто бы и не должно было действовать, грубое отношение со стороны Московского отделения. Московское отделение, и, в частности, Сергей Павлович, посылает в грубейшей форме сформулированные ультиматумы вместо письма, даже канцелярское отношение и то было бы лучше, чем те ультиматумы, которые вы, Сергей Павлович, считали для себя возможным посылать Институту»¹⁹⁵.

Однако у московских археологов «наболело», и они готовы были на любое решение проблемы, лишь бы обеспечить хотя бы некоторую автономию. Предлагалось, например, преобразовать МОИИМК в отдел археологии в Институте истории: взаимоотношения с историками были нормальными; статьи ведущих московских археологов постоянно печатались в те годы в журнале «Вестник древней истории»¹⁹⁶, который с 1940 г. стал органом Института истории АН СССР:

Арциховский. Пусть создание отдельного института сейчас не реально, но хотя бы автономное отделение с известными правами с тем, чтобы не было такой мелочной опеки, чтобы не нужно было за каждой мелочью обращаться в Ленинград и ждать ответа. Это вредно отражается на работе.

Задумываясь над выходом из создавшегося положения в общих интересах — и в интересах Института, и в интересах МОИИМК'а, сотрудники МОИИМК'а приходят к убеждению, что лучшим выходом — лучшим несомненно, чем существующее положение, было бы, если бы создать не Институт, не автономное отделение, а создать сектор археологии при Институте истории Академии наук. Это и по другим причинам для нас заманчиво. С историками мы работаем над

---

¹⁹⁴ Там же. Л. 22а—28.

¹⁹⁵ Там же. Л. 34—34а.

¹⁹⁶ В 1937—1941 гг. в «Вестнике древней истории» были опубликованы десятки статей и материалов археологов, причем не только археологов-античников. Среди авторов первого номера ВДИ (1937, № 1): А.Я. Брюсов, В.Н. Худатов, В.Ф. Гайдукевич, С.В. Киселев; второго номера (1938, № 1): С.П. Толстов, С.В. Киселев, А.П. Окладников, Т.С. Пассек; последнего предвоенного номера (1941, № 1): С.В. Киселев, С.П. Толстов, С.А. Ершов, Т.С. Пассек, В.Д. Блаватский и т. д. См.: Указатель 2012, 5—18.

общими томами «Истории СССР», «Всемирной истории», «Истории культуры» — тут очень много общих научных интересов. Такой выход, мне кажется, тоже Отделение истории и философии должно иметь в виду¹⁹⁷.

Московские археологи рассчитывали на зачисление в штат МОИИМК вернувшегося в Москву историка искусства Б.Р. Виппера, сына знаменитого историка Р.Ю. Виппера, а ленинградское руководство ИИМК всячески тормозило этот процесс:

Толстов. ...Хотя имеется постановление Президиума Академии наук о зачислении Виппера в штат сотрудников Московского отделения ИИМК'а, и мы должны уже сейчас платить ему заработную плату, на нашу просьбу немедленно провести его приказом по Институту мы получили запрос относительно тех или других дополнительных материалов, и в результате по мотивам субординации мы до сих пор не имеем приказа, чтобы иметь возможность заплатить Випперу жалование¹⁹⁸.

В начале 1941 г. Р.Ю. Виппер по приглашению Советского правительства (очевидно, по распоряжению Сталина) переехал из Риги в Москву, которую, по его словам, никогда не забывал, считая себя в Латвии «временным жильцом». Возвращение знаменитого ученого в Москву было поистине триумфальным: его публичная лекция о путях перехода Римской республики в империю в Коммунистической аудитории Московского университета собрала около тысячи человек. Докладчика встречали стоя, овацией, несколько минут не смолкали аплодисменты¹⁹⁹. И ученое сообщество, и студенческая молодежь не могли не рассматривать возвращение историка как знак окончательного разворота к «традиционной истории». Достойное трудоустройство сына (работавшего в начале 1920-х гг. как раз в Институте археологии и искусствоведения), безусловно, рассматривалось негласно как часть «пакетного соглашения», и руководство АН СССР его стремилось выполнить. Было очевидно, что привлечение в МОИИМК Б.Р. Виппера, талантливого и авторитетного историка западноевропейского искусства, будет способствовать и росту значения, и возможному преобразованию отделения в самостоятельный Институт археологии и искусствоведения. Поэтому

¹⁹⁷ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17. Л. 39—40.

¹⁹⁸ Там же. Л. 18—20.

¹⁹⁹ Голубцова 2000, 11.

М.И. Артамонов, как мог, противостоял этому решению Президиума АН СССР, но, очевидно, не встретил понимания:

Артамонов. Как будто бы право назначать сотрудников в Институт принадлежит директору — и больше никому, и я считаю назначение Виппера грубым нарушением единоначалия, грубейшим нарушением моих прав, а вам никто не давал права зачислять Виппера на работу в Институт или отчислять кого-либо. Вы не имеете этого права...²⁰⁰

Войтинский²⁰¹. Я не вижу никакого нарушения единоначалия в связи с назначением на работу в МОИИМК т. Виппера. В Академии наук, Михаил Илларионович, как и всюду, диалектический [sic!] централизм является методом нашего руководства. Высшая инстанция — Президиум Академии наук — считала целесообразным назначение Виппера на работу в МОИИМК, поэтому это и было сделано... Сергей Павлович [Толстов] был действительно поставлен в нелепое положение. С одной стороны, есть постановление Президиума, которое он должен выполнить, а с другой стороны, вы, непосредственный начальник, не разрешаете ему это²⁰².

В целом, однако, обсуждение в Отделении истории и философии АН СССР было направлено, скорее, на поиск компромиссного решения, удовлетворявшего обе стороны, что было отражено в выступлении Г.Н. Войтинского:

Я считаю, что Московскому отделению, где имеется определенное количество научных работников весьма определенной квалификации, надо дать возможность и право самостоятельно работать над той частью плана, которая этому Отделению поручается.

...Если выправить эти недочеты, которые я считаю существенными, тогда, конечно, работа Отделения будет идти нормально в системе Института истории материальной культуры. Нам нет необходимости создавать какие-то параллельные научно-исследовательские учреждения...²⁰³

Академик А.Д. Удальцов²⁰⁴ поддерживал Г.Н. Войтинского:

Мы [Институт истории. — *Авт.*] пошли в данном случае по тому пути, который предлагает тов. Войтинский. Наше Ленинград-

²⁰⁰ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17. Л. 35—36.

²⁰¹ Войтинский Г.Н. (1893—1953) — советский ученый, специалист по рабочему движению в Китае.

²⁰² Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17. Л. 45—46.

²⁰³ Там же. Л. 42.

²⁰⁴ Академик А.Д. Удальцов (1883—1958), впоследствии возглавлял ИИМК (1947—1955 гг.).

ское отделение имеет больше автономии, чем Московское отделение в системе Института истории материальной культуры. Во главе отделения нашего Института стоит директор, там есть ученый совет, который рассматривает научные вопросы, касающиеся отделения, он также принимает к защите диссертации, в данном случае кандидатские, которые посылаются на утверждение центрального ученого совета. Точно так же обстоит дело и в отношении бюджета. Имеется отдельный бюджет, который утверждается <...> Лучше сохранить единый институт, но при большей автономности, что даст большую оперативность для работы на месте и значительно облегчит работу самого центрального руководства²⁰⁵.

По предложению А.М. Деборина, было принято решение «поручить маленькой комиссии из трех лиц разработать такой статут и представить на утверждение в Бюро отделения». В комиссию вошли М.И. Артамонов, С.П. Толстов и Г.Н. Войтинский²⁰⁶. Исходя из высказанных точек зрения членов комиссии, вырисовывалось компромиссное решение: конституирование МОИИМК как автономной организации (при подчинении центру в Ленинграде), с собственным руководством, ученым советом и бюджетом. Это соответствовало и политике руководства АН СССР, стремившегося ограничить рост числа организаций, и в какой-то мере удовлетворяло требования стремившихся к автономии сотрудников МОИИМК.

Принятию этого решения летом или осенью 1941 г. Отделением истории и философии АН СССР помешало начало войны. Война нанесла советской археологии огромный урон. Переписка московских археологов с руководством института в Ленинграде продолжалась вплоть до октября 1941 г., после чего оторванность московских археологов от ленинградского руководства ИИМК стала очевидной²⁰⁷. Эвакуация ИИМК как целостного учреждения из осажденного города сорвалась, в результате ленинградская часть ИИМК оказалась разобщенной: эвакуированные сотрудники оказались в разных местах (в Казани, Елабуге, Ташкенте). Большинство ленинградских археологов осталось в осажденном городе — их героизм и лишения описаны в литературе²⁰⁸.

²⁰⁵ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17. Л. 45—46а.

²⁰⁶ Там же. Л. 56.

²⁰⁷ Платонова 1991, 52.

²⁰⁸ Платонова 1991, 55—64; Платонова, Кирпичников 2010, 37—39.

В Москве централизованная эвакуация гуманитарных институтов АН СССР, как отмечалось, началась сравнительно поздно, в октябре 1941 г., причем в МОИИМК она была проведена удивительно бездарно: в выделенном вагоне в Ташкент выехали только назначенный временный руководитель отделения А.В. Збруева и бухгалтер Л.Н. Эсаулов, с ними «в Ташкент было отправлено 5 ящиков книг и 2 фотоаппарата, малый денежный ящик, 1 пишущая машинка»²⁰⁹. Самым ценным предметом, увезенным в Ташкент, оказалась печать МОИИМК²¹⁰. И. о. заведующего МОИИМК А.В. Збруева завизировала список сотрудников, «остающихся для охраны коллекций», только из двух фамилий: Горюнова Е.И., старший научный сотрудник, и Чернецов В.Н., младший научный сотрудник²¹¹.

Часть сотрудников МОИИМК воевали на фронте и в составе народного ополчения, часть уволились, чтобы эвакуироваться с МГУ или с другими организациями, но пять научных сотрудников, как пишет Н.И. Платонова, «упрямо сидели в Москве»²¹². План работ на 1942 г., подписанный В.Н. Чернецовым и Т.С. Пассек в конце декабря 1941 г. либо в начале января 1942 г., характеризует ситуацию более точно:

Из 22 утвержденных научных сотрудников и аппарата МОИИМК на сегодняшний день находятся: а) в Москве исполняющие плановую работу 10 человек (уполномоченный В.Н. Чернецов, ученый секретарь Т.С. Пассек, доктор В.А. Городцов, старшие научные сотрудники Горюнова Е.И., Киселев С.В., Тараканова С.А., [дописано ручкой: старший научный сотрудник А.П. Смирнов, старший научный сотрудник В.Д. Блаватский], машинистка-секретарь Александрова А.А. и лабораторный служитель Тихонова Е.М.), б) ополченцы — 7 чел., в) в армии 3 чел., г) выехали с эшелона Академии наук в Ташкент 2 чел. (и. о. заведующего Збруева А.В. и бухгалтер Эсаулов Л.И.), д) переведены по месту совместительства 1 чел. — зав. секцией агрикультуры Бурский М.И. по Совинформбюро в г. Куйбышев, е) выехал с семьей Вишпер Б.Р. с Академией Наук в Среднюю Азию, ж) выехал по работе в комиссии академика Келлера — 1 чел. — сотрудник секции агрикультуры Никишин И.И. [дописано ручкой: После демобилизации с 20/1 42 г. в Ташкенте находится зав. МОИИМК С.П. Толстов].

Таким образом, в Москве находится основная группа работников МОИИМК, в Ташкенте же 2 научных сотрудника.

²⁰⁹ Архив РАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 37. Л. 43.

²¹⁰ Там же. Л. 43.

²¹¹ Архив РАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 30. Л. 38.

²¹² Платонова 1991, 52.

Помещение Института в Москве сохранено полностью, равно как и научное оборудование и библиотека...²¹³

Вероятно, «явочным порядком» уполномоченным по МОИИМК стал энергичный этнограф и археолог В.Н. Чернецов²¹⁴, младший научный сотрудник, получивший многолетний экспедиционный опыт на русском Севере; на месте оставалась ученый секретарь Т.С. Пассек. На работу вернули машинистку, курьера, библиотекаря²¹⁵. Парадоксальным образом плохо организованная эвакуация способствовала формированию инициативного «московского ядра ИИМК», остававшегося сравнительно дееспособным на фоне находившихся в осажденном Ленинграде и разбросанных по стране коллег.

Главным вопросом был вопрос «что делать?». Для оставшихся без руководства и во многом без работы московских археологов важную роль сыграло участие в «комиссии Минца». Сохранилась переписка И.И. Минца и В.Н. Чернецова по этому поводу с академиком А.М. Дебориным²¹⁶.

Самый ранний документ этого комплекса — протокол № 1 «Заседания комиссии по изданию “Летописи Отечественной войны (оборона Москвы)”» от 11 декабря 1941 г.²¹⁷ 18 декабря в Казань, в комиссию Президиума АН СССР по рассмотрению штатов, было отправлено письмо И.И. Минца о том, что Комиссия по составлению «Летописи Отечественной войны» («Оборона Москвы») поддерживает включение в план МОИИМК на 1942 г. «оборонных» тем²¹⁸. Письмо директору ИИМК М.И. Артамонову, где говорится о работе Е. Горюновой, Т. Пассек, С. Киселева и В. Чернецова над «Летописью обороны Москвы», датировано 18 декабря 1941 г.²¹⁹

---

²¹³ Архив РАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 37. Л. 42—43.

²¹⁴ Н.И. Платонова (Платонова 1991, 52—53) упоминает об этом с некоторым неодобрением; в действительности, это поразительный пример инициативы снизу, когда имевший жизненный и организационный опыт младший научный сотрудник взвалил на себя нелегкую ношу руководства учреждением в прифронтовом городе (очевидно, с полного согласия «старшего в иерархии» — ученого секретаря Т.С. Пассек).

²¹⁵ Платонова 1991, 52—53.

²¹⁶ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 19.

²¹⁷ Там же. Л. 7.

²¹⁸ Там же. Л. 6.

²¹⁹ Платонова 1991, 53—54.

Вслед за этим 19 декабря 1941 г. последовала телеграмма московских археологов, в которой они просили Президиум АН СССР утвердить бригаду сотрудников МОИИМК по «Летописи Отечественной войны» («Оборона Москвы»):

Срочная Казань Президиум Академии Наук Деборину
Преступлено к работе специальному археологическому заданию
Комиссии московской летописи Отечественной войны руководством
Минца Утвердите эту работу московской бригады ИИМК сорок второ-
рой год составе Чернецов Горюнова Киселев Пассек Уполномочен-
ный Чернецов²²⁰.

За телеграммой последовало письмо А.М. Деборину, подписанное В.Н. Чернецовым и Т.С. Пассек от 21 декабря 1941 г., в котором сообщилось о посылке тематического плана работ на 1942 г. Московское отделение оставалось в своем прежнем помещении; внизу страницы был указан довоенный адрес: «Москва, 12, Б. Черкасский пер. д. 4. Московское Отделение Института истории материальной культуры им. Н.Я. Марра Академии наук СССР»²²¹. В Казань академическому руководству была послана подписанная В.Н. Чернецовым смета расходов на 1942 г. в размере 90 369 руб. 54 коп., а также дополнительная смета на 27 900 руб. для заработной платы оставшимся в Москве научным сотрудникам МОИИМК: В.А. Городцова, П.А. Дмитриева, Е.И. Крупнова и лаборанта А.В. Никитина (последние три — в народном ополчении)²²². Полный список научных сотрудников МОИИМК на 1 января 1942 г. сохранился в бумагах С.М. Файланда: В.А. Городцов, Е.И. Горюнова, В.Д. Блаватский, С.В. Киселев, Т.С. Пассек, А.П. Смирнов, С.А. Тараканова, В.Н. Чернецов²²³.

В письме в комиссию «Московской летописи Отечественной войны советского народа» проф. И.И. Минцу (копия была направлена акад. А.М. Деборину в Казань) обозначен тематический план работ на 1942 г., который московские археологи готовы были выполнять в прифронтовой Москве и ее окрестностях:

Московское Отделение Института истории материальной культуры им. Н.Я. Марра в ноябре 1941 г. включилось в работу по составлению «Московской летописи Отечественной войны советского

²²⁰ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 19. Л. 1—2.

²²¹ Там же. Л. 12—13.

²²² Там же. Л. 14—16.

²²³ Архив РАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 30. Л. 37.

народа». Составлялась хроника событий в области культуры, науки, обороны Москвы и специальный раздел приветствий и обращений к Москве и москвичам в дни героической обороны столицы. Кроме того, сотрудниками МОИИМК начаты предварительные археологические обследования древних культурных напластований, обнаруженных при строительстве оборонительных сооружений Москвы. В связи с этим уже собран некоторый материал <...>

IV. ... Участие сотрудников МОИИМК'а (все они имеют долголетний музейный стаж) в возобновлении работы «Музея города Москвы» <...>

VI. Археологическое изучение древних памятников на территории Москвы в связи с земляными оборонительными работами и собирание древних предметов, найденных при этих работах.

Это изучение позволит обнаружить и сохранить для науки (как и аналогичные мероприятия на крупных строительствах, напр. Москва—Волга, Метро и пр.) важнейший материал по истории столицы Советского Союза. Этим будет положено начало систематическому археологическому обследованию, которое будет произведено, понятно, уже по окончании военных действий. Результаты послужат основой для составления специального труда.

Для выполнения всех перечисленных работ МОИИМК выделяет группу штатных сотрудников <...>²²⁴ В заключение предлагаем использовать для работы по сборанию прифронтовых материалов ополченцев-сотрудников соответствующих институтов АН СССР. В частности, по МОИИМК большую помощь могут оказать проф. А.И. Смирнов, ныне завклубом строительного батальона под Подольском, и старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, ныне младший сержант Е.И. Крупнов и ряд других военнослужащих — бывших научных работников.

Уполномоченный МОИИМК и
Института истории АН СССР В. Чернецов
Ученый секретарь МОИИМК Т. Пассек
[без даты, но, вероятно, 22 декабря 1941 г.]²²⁵.

Сохранились также письма В.Н. Чернецова И.И. Минцу. В числе сотрудников комиссии упоминались С.В. Киселев и Т.С. Пассек²²⁶. Были расписаны штаты, сметы, в частности, на сотрудников МОИИМК Городцова, Дмитриева, Крупнова, Никитина²²⁷. А.М. Деборин в письме И.И. Минцу от 15 января 1942 г.

²²⁴ Далее перечислены: Е.И. Горюнова, С.В. Киселев, Т.С. Пассек, С.А. Тараканова, В.Н. Чернецов.

²²⁵ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 19. Л. 9—11.

²²⁶ Там же. Л. 9—13.

²²⁷ Там же. Л. 14—16.

одобрил привлечение археологов для работы в комиссии, хотя и выразил некоторые сомнения:

Можно было бы немедленно приступить к сбору материалов для составления специального труда, посвященного зверствам германских фашистов и проявлениям вандализма, выражающегося в уничтожении культурных памятников нашей страны <...> Я одобряю привлечение сотрудников МОИИМК к работе по истории Отечественной Войны. Но у меня нет уверенности, что именно эти работники являются наиболее подходящими²²⁸.

19 января 1942 г. акад. А.М. Деборин отказал В.Н. Чернецову, руководителю Московской группы МОИИМК, в отдельном финансировании и предложил включить часть сотрудников МОИИМК в состав предполагавшегося Института истории Отечественной войны²²⁹. Об этом же он писал И.И. Минцу 20 января: «Прошу выяснить вопрос о возможности перевода в состав будущего Института истории Отечественной войны тех сотрудников МОИИМК, которые привлечены или могут быть привлечены Вами к работе по истории Отечественной войны». Из рукописной приписки к документу можно сделать вывод о важности вопроса о МОИИМК, требующего дополнительных согласований: «Вопрос о МОИИМК'е в целом прошу согласовать с акад. М.Б. Митиным и уполномоченным Президиума тов. С.М. Файландом»²³⁰.

Из писем М.И. Артамонову следует, что «через некоторое время московская группа сумела открыть собственный счет в банке, добилась перевода всех кредитов МОИИМК и наладила регулярную выплату зарплаты сотрудникам, минуя Ташкент». Сотрудники выезжали на задания в Истру, Волоколамск, Яропolec, Иосифо-Волоцкий монастырь, Можайск, Бородино²³¹. В.Д. Блаватский, А.П. Смирнов, С.В. Киселев, Т.С. Пассек, В.Н. Чернецов, С.А. Тараканова читали публичные лекции для солдат и офицеров Красной Армии²³². Часто проводились научные заседания (совместно с ГИМ и Академией архитектуры): например, в феврале 1942 г. заседания были назначены на 2, 4, 6, 14, 19, 26 февраля²³³. Наконец, московские сотрудники пытались вер-

²²⁸ Там же. Л. 18.

²²⁹ Там же. Л. 21.

²³⁰ Там же. Л. 20.

²³¹ Платонова 1991, 53.

²³² Архив РАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 37. Л. 56.

²³³ Там же. Л. 57—58.

нуть в Москву «застрявшего» в Ташкенте после демобилизации С.П. Толстова²³⁴, добились постановления Президиума АН СССР о вызове для руководства ими директора ИИМК М.И. Артамонова в Москву²³⁵. Впрочем, С.П. Толстов не смог, а М.И. Артамонов не захотел приехать в Москву.

Московские археологи выполнили огромную работу по документированию состояния памятников архитектуры и объектов культурного наследия, разрушенных немецко-фашистскими захватчиками. К этой работе позже пытались подключиться и ленинградские историки: сохранилось письмо М.В. Левченко из Казани Г.Ф. Александрову о привлечении сотрудников ЛОИИ к этому проекту²³⁶. Однако сведений об участии ленинградских историков в проекте не сохранилось.

Московские археологи пытались привлечь эвакуированного в Казань М.И. Артамонова в Москву для руководства отделением. Чувствовавший ответственность за оставшихся в блокадном Ленинграде и эвакуированных сотрудников института директор ИИМК отказался от этого предложения. В Московском отделении стал работать демобилизованный по ранению из армии ленинградский археолог Н.Н. Воронин, что довело число действующих сотрудников отделения до девяти²³⁷.

Итак, к началу 1942 г. МОИИМК не только сохранилось как работоспособная единица, но и стало единственным активно действующим подразделением ИИМК. Этому в немалой степени способствовала инициатива оставшихся в осажденной в Москве сотрудников, прежде всего В.Н. Чернецова. Важную роль сыграло участие московских археологов в государственных проектах по описанию разрушенных фашистами археологических памятников, а также памятников истории и культуры. Прерывающаяся связь с дирекцией института компенсировалась контактами с эвакуированным в Казань Президиумом АН СССР. «Конституирование» автономного Московского отделения ИИМК энергично и аргументированно отстаивали и С.П. Толстов, и его коллеги на заседании Отделения истории и философии АН СССР 11 июня 1941 г. Решение об этом было принято, но отложено из-за военного времени, фактически зимой 1941/42 г. МОИИМК работало

²³⁴ Архив РАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 32. Л. 6.

²³⁵ Платонова 1991, 55.

²³⁶ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 19. Л. 22—22 об.

²³⁷ Платонова 1991, 54—55; Платонова, Кирпичников 2010, 38.

в автономном режиме. В период ослабления государственного контроля над академической наукой «инициатива снизу» московских археологов оказалась вполне успешной.

Документы из Архива РАН в Москве позволяют определить точные даты основания и важные этапы трансформации научных учреждений. Для Института археологии (ИИМК) АН СССР такой датой стало 9 февраля 1945 г. — день перевода ИИМК из Ленинграда в Москву. К сожалению, в некоторых изданиях Института археологии это событие датируется неточно (9 января 1945 г. вместо правильной: 9 февраля 1945 г.)²³⁸. В издании 2000 г. дается ссылка на публикацию Д.Б. Шелова «70 лет Институту археологии» в сборнике 1991 г.²³⁹, но Д.Б. Шелов указал только год (1945-й)²⁴⁰; в действительности же неточность восходит к статье Н.И. Платоновой из того же сборника²⁴¹, которая использовала не «первичный» архивный документ, а «вторичный» (опись фонда)²⁴². Кстати, в более поздней совместной статье Н.И. Платонова указала правильную дату со ссылкой на «первичный» архивный документ²⁴³.

Напомним, что в 1942 г. сотрудники ИИМК АН СССР, которые не находились на фронтах войны, были разбросаны по всей стране: как в прежних «местах обитания» (Ленинграде и Москве), так и в новых (Казани, Елабуге, Ташкенте). Научную жизнь пытались продолжить в блокадном Ленинграде; эвакуированные сотрудники ИИМК принимали участие в знаменитом заседании гуманитарных институтов АН СССР в Ташкенте 31 января 1942 г., которое было посвящено памяти академика С.А. Жебелева. Сотрудники института с 1943 г. организовывали и принимали участие в археологических экспедициях в Поволжье.

Дирекция ИИМК формально находилась в Казани, где также располагался эвакуированный в 1941 г. из Москвы Президиум АН СССР. Но это обстоятельство не сыграло положительной роли по двум причинам. Во-первых, между теми археологами-

---

²³⁸ Гуляев 2000, 5; Макаров 2007, 6—7.

²³⁹ Шелов 1991, 9—30.

²⁴⁰ Там же. С. 16.

²⁴¹ Платонова 1991, 72.

²⁴² Там же. С. 77.

²⁴³ СПбФ АРАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 496. Л. 44; Платонова, Кирпичников 2010, 41.

ленинградцами, кто пережил блокаду и был эвакуирован в Елабугу (но не в Казань) по «дороге жизни» в 1942 г., и эвакуированным на самолете еще в ноябре 1941 г. их директором М.И. Артамоновым возникло стойкое взаимонепонимание. М.И. Артамонов не мог и уже не хотел руководить институтом²⁴⁴. Во-вторых, как уже отмечалось выше, сам казанский центр АН СССР был в значительной степени дезавуирован Сталиным за излишнюю инициативность: О.Ю. Шмидт был лишен полномочий, и управление перешло в руки почти недееспособного президента АН СССР В.Л. Комарова, обосновавшегося в Свердловске²⁴⁵.

Все это привело к ситуации безначалия и недееспособности всех групп археологов, кроме московской, активно работавшей по государственным заданиям. Недопонимание между директором М.И. Артамоновым и эвакуированными в Елабугу сотрудниками продлилось в ИИМК до 1943 г. Дирекция ИИМК после реэвакуации обосновалась в Москве, и ИИМК (как и Институт истории АН СССР) возглавил академик Б.Д. Греков, а его заместителем в октябре 1943 г. стал А.В. Мишулин, научный и партийный деятель, главный редактор журнала «Вестник древней истории». Он работал в отделе науки ЦК ВКП(б) и играл очень важную роль в подготовке совещания историков 1944 г. и совещания археологов 1945 г., а в 1943—1945 гг. фактически осуществлял руководство ИИМК, подписывал открытые листы и т. п. А.В. Мишулин в 1930-е гг. работал в ГАИМК, где тесно сотрудничал с А.В. Арциховским и другими археологами, неоднократно конфликтовал с ленинградским руководством этой организации, но, впрочем, не с рядовыми коллегами.

Вот что говорил на заседании ученого совета Института истории АН СССР 25 декабря 1948 г., посвященного памяти А.В. Мишулина, В.Д. Блаватский о той поддержке, которую А.В. Мишулин оказывал археологам: «Он был во многом незаметным, он не был связан с какими-нибудь блестящими открытиями или обширными фронтами, но, тем не менее, вклад А[лександр] В[асильевича] был едва ли не самым большим, чем любого из наших современников. А[лександр] В[асильевич] был постоянным научным руководителем и организатором на самых значительных участках работы в этом отношении»²⁴⁶.

²⁴⁴ Платонова 1999.

²⁴⁵ Афиани, Осипова 2010, 9; Савина 2005, 165—205.

²⁴⁶ Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 198. Л. 42.

5 и 6 июня 1944 г. в Москве состоялась сессия Отделения истории и философии АН СССР, посвященная 25-летию ГАИМК—ИИМК. На последовавшем за этим пленуме ИИМК (7—10 июня) выделялись доклады А.В. Мишулина «Испанская археология за последнее десятилетие» и Б.Р. Виппера «Новые проблемы советского искусствознания»²⁴⁷. В.Д. Блаватский отмечал активность А.В. Мишулина «на археологическом фронте» именно в 1944 г.: «Только его энергии обязано существование античного сектора [в Москве. — *Авт.*] в системе нынешнего Института истории материальной культуры. Но особенно значительно <...> это деятельность его в создании Всесоюзного Археологического совещания <...> Это был еще 1944 г. — разгар войны...». В.Д. Блаватский также подчеркивал решающую роль А.В. Мишулина в разработке закона об охране памятников²⁴⁸.

Итак, к 1944 г. А.В. Мишулин играл ведущую роль в ИИМК, при этом работал в аппарате ЦК ВКП(б), причем в его обязанности входила подготовка Археологического совещания, сыгравшего ключевую роль в развитии советской археологии: «С октября 1943 г. по сентябрь 1945 г. А[лександр] В[асильевич] был заместителем директора Института истории материальной культуры им. Н.Я. Марра АН СССР. Деятельное участие принял он в Археологическом совещании, происходившем в начале 1945 г. ... С мая 1944 г. до августа 1946 г. А[лександр] В[асильевич] был на руководящей работе в аппарате ЦК ВКП(б)...»²⁴⁹.

Похоже, после смерти С.А. Жебелева А.В. Мишулин не нашел, на кого можно было бы опереться в ленинградском руководстве ИИМК при подготовке Археологического совещания, и стал прилагать усилия для перевода ИИМК в Москву на постоянной основе. Вероятно, именно от него исходила инициатива докладной записки вице-президенту АН СССР акад. В.П. Волгину и академику-секретарю Н.Г. Бруевичу, подписанной директором ИИМК М.Б. Грековым, зам. директора А.В. Мишулиным и ученым секретарем С.А. Таракановой о перенесении ИИМК в Москву²⁵⁰, в которой отмечалось, что

в настоящее время назрела неотложная потребность в уточнении структуры Института истории материальной культуры Академии

²⁴⁷ Пленум 1946, 191.

²⁴⁸ Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 198. Л. 43.

²⁴⁹ Там же. Л. 72.

²⁵⁰ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1945—1956 гг. Д. 3. Л. 21—22.

наук СССР. Основной базой института в настоящее время является коллектив Московского отделения, который меньше, чем другие группы Института, пострадал от войны. При Московском отделении работают все основные сектора: сектор палеолита и раннего металла, сектор славяно-русской археологии, сектор военных древностей, сектор камеральной обработки и группы: античной археологии и археологии Востока. В Ленинграде в настоящее время работают три сектора: сектор палеолита, сектор античной археологии и сектор археологии Востока. Вся работа оборонного значения: обследование и активирование состояния археологических памятников в освобожденных районах по заданиям Чрезвычайной Государственной комиссии также проводится пока силами Московского института. Старших научных сотрудников и заведующих секторами в настоящее время в Москве насчитывается 24 чел., из них докторов наук — 11 чел. По всем ленинградским группам (Ленинград, Елабуга, Ташкент) старших научных сотрудников и заведующих секторами числится 28 чел., из них докторов наук — 9 чел.²⁵¹

Поскольку «...с 1943 года дирекция Института имеет постоянное местопребывание в Москве», в записке предлагалось «ликвидировать Московское отделение как таковое и сделать его равноправной частью института»²⁵². На документе сохранилась положительная резолюция В.П. Волгина, а также помета: «Проект составлен и внесен в Президиум на 9/II-45 г.»²⁵³. За этим последовало письмо В.П. Волгину о переводе ИИМК в Москву от 12 января 1945 г., которое было подписано и директором ИИМК Б.Д. Грековым, и видными московскими археологами:

За время войны произошли коренные изменения в положении института. Вследствие эвакуации Ленинградская часть института резко ослабила свою работу. Институт понес невозвратимую утрату более 30-ти высококвалифицированных специалистов, в том числе акад. С.А. Жебелева и многих докторов наук <...>

Оформить местонахождение ИИМК в Москве на базе Московского отделения, закрепив таким образом фактически существующее и оправдавшее себя положение. Ленинградскую, Елабужскую и Ташкентскую группы Института оформить в Ленинграде, поставив во главе заведующего, который являлся бы одним из заместителей директора института. В Ленинграде должен иметься самостоятельный Ученый совет и бюджет²⁵⁴.

²⁵¹ Там же. Л. 21.

²⁵² Там же. Л. 22.

²⁵³ Там же. Л. 21.

²⁵⁴ Там же. Л. 1—2; рукописный оригинал: Л. 18—20.

Письмо подписали: Б. Греков, Тараканова, Б. Граков, Б. Рыбаков, Блаватский, А. Арциховский, Т. Пассек, С. Киселев, В. Чернецов, А. Брюсов, Гракова, Фосс, Смирнов, заверил секретарь Бубнов.

Бюро отделения истории и философии оформило решение в пользу перенесения ИИМК в Москву 7 февраля, а 9 февраля 1945 г. было принято постановление Президиума АН СССР «О местопребывании Института истории материальной культуры», в котором первым пунктом значилось: «Местопребывание[м] Института истории материальной культуры считать гор. Москву»²⁵⁵.

Институт подготовил для правительства докладную записку по археологии и охране памятников культуры²⁵⁶. С 25 февраля по 1 марта 1945 г. состоялось созданное по решению правительства Первое Всесоюзное археологическое совещание, на котором присутствовали 156 делегатов²⁵⁷. Председателем оргкомитета по созыву Археологического совещания был назначен академик В.П. Волгин, заместителями председателя оргкомитета — академик Б.Д. Греков, А.В. Мишулин и др. «Всесоюзное археологическое совещание единодушно высказалось за создание при Правительстве СССР единого Комитета по охране памятников культуры»²⁵⁸. Сразу после завершения Всесоюзного археологического совещания состоялась большая научная сессия ИИМК²⁵⁹.

При этом в Москве ИИМК столкнулся с проблемой нехватки помещений, о чем свидетельствует докладная записка академику-секретарю Отделения истории и философии АН СССР В.П. Волгину от директора ИИМК Б.Д. Грекова с просьбой о выделении помещений, «исходя из решения Бюро отделения истории и философии от 7 февраля 1945 г.»: «Личный состав Института в Москве 75 чел. Между тем Институт совершенно не обеспечен помещением. Он имеет на Волхонке, д. 14, всего одну комнату и пользуется проходной комнатой конференц-зала, изымаемой во время съездов, конференций и т. п. Старое же помещение МОИИМК (Б. Черкасский пер., д. 4) вышло из строя»²⁶⁰.

²⁵⁵ Там же. Л. 23.

²⁵⁶ Там же. Л. 5—8.

²⁵⁷ Там же. Л. 5; Альтман 1946, 91.

²⁵⁸ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1945—1956 гг. Д. 3. Л. 8.

²⁵⁹ Альтман 1946, 96.

²⁶⁰ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1945—1956 гг. Д. 3. Л. 16—17.

В Ленинграде узнали о переменах и отреагировали на них только через два с половиной месяца. 23 апреля 1945 г. было отправлено письмо секретаря партбюро ленинградских учреждений АН СССР Н. Миханковой президенту АН СССР В.Л. Комарову против перевода ИИМК в Москву²⁶¹. В этом очень достойно составленном и хорошо аргументированном письме были отмечены заслуги института, история которого отсчитывалась от 1859 г., года основания Археологической комиссии, перечислялись огромные потери среди сотрудников (38 человек) как результат блокады и гибели на фронте²⁶². Н. Миханкова указывала, что Институт находился еще в процессе возвращения в Ленинград (реэвакуация происходила в апреле—мае 1945 г.), и подчеркивала: «Это безусловно большой важности решение было принято без обсуждения его на Ученом совете института, без ведома руководителя ленинградской части института»²⁶³.

Понятно, что это письмо никак не могло изменить уже принятое решение, тем более что Всесоюзное археологическое совещание прошло успешно и ИИМК принимал активное участие в подготовке закона об охране памятников (и здесь велика была роль А.В. Мишулина). В результате, в отличие от других ленинградских академических учреждений, дирекция ИИМК в 1945 г. не была возвращена в Ленинград.

Не менее важным фактором при переводе ИИМК в Москву стала необходимость более тесного взаимодействия с органами государственного управления в Москве: археология в СССР возвращала себе роль «имперской науки», впервые с дореволюционных времен строились планы зарубежных археологических раскопок. В докладной записке вице-президенту АН СССР В.П. Волгину от директора ИИМК Б.Д. Грекова (лето 1945 г.) «Об археологических исследованиях ИИМК на Балканах» намечались новые перспективы, которые требовали тесного взаимодействия с правительственными органами: «Первым этапом экспедиции является ознакомление ее членов с археологическими фондами музеев Чехии, Венгрии, Югославии, Болгарии и Румынии и установление научного контакта с местными археологическими учреждениями в целях организации совместных

²⁶¹ Там же. Л. 3—4 об.; машинописная копия; оригинал: Л. 25—28.

²⁶² Там же. Л. 3—3 об.

²⁶³ Там же. Л. 3 об.

исследований»²⁶⁴. Далее определялся срок экспедиции («на ознакомление с музейными фондами и на предварительные работы необходимо 2 ½ месяца») и ее состав: академик Б.Д. Греков, профессора А.В. Мишулин, А.В. Арциховский, В.Д. Блаватский (в тексте «Блавацкий»), Б.Н. Греков, С.В. Киселев, Т.С. Пассек, М.А. Тиханова, В.Н. Дьяков, Б.А. Рыбаков, доцент И.Т. Кругликова (в тексте «Кругликова»). Слева от фамилий Б.Н. Грекова, А.В. Арциховского, Б.А. Рыбакова зеленым карандашом были проставлены «галочки»²⁶⁵.

Таким образом, переводу ИИМК в Москву в 1945 г. способствовали как объективные факторы (огромные потери среди ленинградских ученых-археологов, необходимость более тесного сотрудничества с органами государственного управления), так и активность московских археологов и историков. Особо значимой была роль А.В. Мишулина, влиятельного сотрудника аппарата ЦК ВКП(б) и научного организатора.

В качестве приложения публикуем письмо В.П. Волгину о переводе ИИМК в Москву от 12 января 1945 г.

Вице-президенту
Академии наук СССР
акад. В.П. Волгину

Глубокоуважаемый Вячеслав Петрович!

Обратиться к Вам с этим письмом побуждают нас тяжелые условия, при которых ныне находится Институт истории материальной культуры им. Н.Я. Марра.

За последние предвоенные годы ИИМК имел огромные трудности в своей работе. Они возникали главным образом потому, что руководство Института находилось в Ленинграде, тогда как Академия Наук переехала в Москву. Этим же объясняются и трудности организационного порядка, которые особенно сильно ощущались еще в предвоенные годы, когда МОИИМК, находясь в Москве, по мере возрастания его значения, больше был связан с О[тделением] и[стории] и ф[илософии] и Президиумом АН СССР, чем со своей дирекцией в Ленинграде.

За время войны произошли коренные изменения в положении Института. Вследствие эвакуации Ленинградская часть института резко ослабила свою работу. Коренным образом изменился количественный и качественный состав ее сотрудников. Институт понес невозвратимую утрату более 30-ти высококвалифицированных специалистов, в том числе акад. С.А. Жебелева и многих докторов наук.

²⁶⁴ Там же. Л. 32.

²⁶⁵ Там же. Л. 34—35.

Вместе с тем, за время войны Московский коллектив сотрудников ИИМК значительно вырос, как в количественном отношении, так и качественно. Это видно из следующих данных о состоянии основных кадров ИИМК на 1-ое января 1945 г.

По Москве	По Ленинграду (включая Елабугу и Ташкент)
Академиков — 1	Нет
Чл.-корресп. — 1	Чл.-корресп. — 2
Докторов — 10	Докторов — 7
Кандидатов — 20	Кандидатов — 12
Докторантов — 11	Докторантов — 1
Аспирантов — 15	Аспирантов — 10

За годы войны удельный вес Московского отделения в работе института неизмеримо вырос. Все основные новые работы Института и специальные государственные задания выполняются исключительно силами коллектива московских сотрудников. При Московском отделении работают все основные сектора: сектор палеолита и раннего металла, сектор славяно-русской археологии, сектор военных древностей, сектор камеральной обработки и сектор вспомогательных дисциплин, а также группа античной археологии. При Ленинградской части института имеются три сектора: сектор палеолита, сектор античной археологии и сектор археологии Востока. Ввиду сложившихся обстоятельств, Московское отделение института уже в течение 3-х лет выполняет организационно-руководящие и административно-хозяйственные функции в отношении всего Института в тяжелых условиях его эвакуации.

Таким образом, Московское отделение фактически стало основной частью Института. Постановлением Президиума Академии наук СССР от 16-го октября 1943 года местопребывание дирекции Института определено в Москве.

Однако отсутствие четкого решения со стороны Отделения истории и философии АН СССР и Президиума АН СССР в отношении Института создает огромные трудности как в работе дирекции, так и в работе Института в целом.

В целях ликвидации такого положения считаем необходимым следующие мероприятия:

1. Оформить местонахождение ИИМК в Москве на базе Московского Отделения, закрепив таким образом фактически существующее и оправдавшее себя положение.

2. Ленинградскую, Елабужскую и Ташкентскую группы Института оформить в Ленинграде, поставив во главе Заведующего, который являлся бы одним из заместителей директора Института. В Ленинграде должен иметься самостоятельный Ученый Совет и бюджет.

На основании вышеизложенного убедительно просим Вас, Вячеслав Петрович, разрешить этот вопрос незамедлительно. Затыжка

этого может привести к развалу института, являющегося единственным археологическим учреждением всесоюзного значения.

12 января 1945 г.

Подлинное подписали:

Б. Греков
Тараканова
Б. Граков
Б. Рыбаков
Блаватский
А. Арциховский
Т. Пассек
С. Киселев
В. Чернецов
А. Брюсов
Гракова
Фосс
Смирнов

С подлинным верно:
секретарь [Бубнов]

Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1945—1956 гг. Д. 3. Л. 1—2 (окончательный вариант), 18—20 (оригинал).

Глава II

АНТИЧНОСТЬ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ, НАУЧНОЙ ПЕРИОДИКЕ

Военное время в истории кафедр древней истории и классической филологии еще не становилось предметом специального исследовательского внимания. Эти трагические для страны годы трудно вспоминать, эмоционально нелегко изучать. Представление же о быте оставшихся ученых в Москве и Ленинграде либо эвакуированных дают немногочисленные, разрозненные, плохо сохранившиеся документы, поэтому в имеющихся на сегодняшний день обзорах истории кафедр зачастую есть лишь краткая информационная справка о военном периоде. Однако, несмотря на тяготы, не прекращалась ни научная, ни педагогическая деятельность: кафедры обучали студентов, в том числе и специализирующихся по древней истории и классической филологии, обсуждали диссертации аспирантов и соискателей докторской степени, заслушивали на своих заседаниях научные доклады.

2.1. Преподавание древней истории в вузах в условиях военного времени*

В июне 1942 г. декан московской группы исторического факультета МГУ А.В. Ефимов выступил на ученом совете, где четко изложил приоритетные задачи работы, требуя переустройства науки и образования в соответствии с новыми задачами военного времени¹. Профессор указывал, что необходимо готовить студентов, которые бы обладали творческими навыками применения метода марксизма-ленинизма и применяли их в дальнейшей

---

* Параграф подготовлен при участии Э.Р. Низамовой.

¹ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 2. Д. 3. Л. 36—38.

работе. Предлагалось увеличить часы преподавания диалектического материализма и ввести особый курс логики, специальный для историков. В то же время часы по педагогике, а также по общим курсам предполагалось сократить, поскольку они все равно представляют собой лишь пересказ учебников без повышенного внимания к историко-материалистическим законам². В этом отношении ему вторила на этом же заседании Е.И. Руднева, начавшая речь с изъявления восторга Красной армии, которая «проявляет чудеса храбрости, мужества, стойкости и геройства»³. Соответственно, «в унисон с ней» работает и советский народ, в частности сотрудники университета, перед которыми стояла задача заняться политическим воспитанием студентов, которые должны уяснить, что «СССР является наследником всего лучшего, что было создано на протяжении истории, всего того, что было создано в древнем мире и средние века»⁴. Германия же, напротив, выступает центром агрессии и проявления худших качеств, существовавших в истории. Проф. Ефимов, отвечая на этот доклад, отметил, что отныне каждый преподаватель должен ориентироваться на эти задачи при построении лекций⁵.

Декан факультета, безусловно, должен был произносить идеологически выдержанные речи. Такого же свойства статьи печатались в «Историческом журнале». В специальном его разделе «Хроника» содержались конкретные примеры по изменению структуры учебных программ и учебных курсов исторических факультетов. Через эти короткие информационные сообщения четко и недвусмысленно транслировались политически актуальные сведения для ученых и педагогов Советского Союза: тираж журнала был довольно высок для того времени, варьировался в пределах 15—33 тыс. экземпляров. А.Б. Ранович в своем выступлении «Хронику» назвал «органом контроля, критики и самокритики», с помощью которого ощущаются темпы роста и недостатки⁶. Следует помнить, что за избитыми фразами о марксистско-ленинской идеологии стояли актуальные идеологемы, продиктованные новым опытом государственной и общественной жизни в условиях драматического военного столкновения,

---

² Там же. Л. 36—52.

³ Там же. Л. 66.

⁴ Там же. Л. 70.

⁵ Там же. Л. 76.

⁶ Там же. Л. 11.

в котором могла быть утрачена сама многовековая национальная государственность. Образы античной истории служили выражению настоящего положения вещей. Посредством анализа содержания названной рубрики нами выявлены характерные смысловые структуры, шаблоны, повторяющиеся сюжетные конструкции, реализуемые в рамках установленных правительством указаний, связанных с выполнением учебных планов, их изменениями и общественной работой. Обратимся к этим сюжетам.

Одним из ведущих центров преподавания древней истории продолжала оставаться соответствующая кафедра МГУ, приоритетными учебно-научными направлениями которой декларировались: «критика фашистской концепции исторического процесса античности, критика расовой теории, изучение войн, военного искусства и внешней политики, борьба поработченных Римом народов против поработителей, роль славян в падении Римской империи и история первых славянских государственных образований»⁷. Кроме того, особое место отводилось скифской тематике, в частности тактике военных действий этих кочевых племен, завязанной якобы на партизанских методах борьбы.

Аналогичные сюжеты в качестве приоритетных заявлялись и в учебных программах провинциальных университетов. Так, в Челябинском педагогическом институте в курсе древней истории рекомендовалось «уделить внимание истории тех цивилизаций, которые возникли на территории СССР и сыграли всемирно-историческую роль», «обратить особое внимание студентов на биографии Плутарха, давшего классические образы патриотов»⁸. Указанные направления педагогической работы в хрониках «Исторического журнала» встречаются с конца 1941 г., весь 1942 г. и частично в 1943 г. В отчетности Куйбышевского, Свердловского, Тамбовского, Московского, Кабардино-Балкарского, Вологодского, Горьковского педагогических институтов и исторического факультета института Коми АССР сообщается об «уделении значительного места»⁹ вышеуказанным темам. Обнаруживается таким образом следующая важная тенденция: сюжеты классовой борьбы и социально-экономических характеристик общества отходят на задний план, уступая место описанию внешнеполитического контекста развития античных обществ и конкретным личностям,

---

⁷ Шепунова 1941, 149.

⁸ ОГАЧО. Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 59. Л. 10 об.

⁹ Шепунова 1941, 151.

которые являют собой примеры патриотизма (в этом контексте рекомендовалось сосредоточить внимание на «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха). Весьма показательны строчки из письма от 20 февраля 1945 г. С.В. Бахрушина И.И. Смирнову: «В годы войны несколько ослабло внимание к некоторым категориям господствовавшей марксистско-ленинской методологии, например, к классовым подходам, с помощью которых объясняли исторический процесс. Выяснилась (не в последнюю очередь в связи со сближением в ходе войны с западными демократиями) необходимость широкого обращения к общечеловеческим ценностям»¹⁰.

Одна из первых организационно-методических задач исторических факультетов в начале войны — адаптация учебных программ к введенному трехгодичному сроку обучения, что привело к значительному падению уровня подготовки специалистов. Свидетельство этому обнаруживается в отчете за 1941/42 учебный год отдела педагогических вузов и университетов ВКВШ: «Итоги годовой работы по сокращенным трехгодичным учебным планам показали, что подготовка преподавателей для 8, 9, 10 классов средней школы не может быть полностью обеспечена: лица, оканчивающие педагогические институты с трехлетним сроком обучения, не были достаточно подготовлены по своей специальности»¹¹. Судя по «Хронике» «Исторического журнала» сокращение общих курсов происходило за счет исключения «неактуальных тем» (по такому пути пошел Свердловский педагогический институт) и прекращения преподавания вспомогательных дисциплин (эта практика реализовывалась в МГПУ). Другими словами, из планов вычеркивались несоответствующие нуждам военного времени предметы. Сокращение объема основных дисциплин по советской и зарубежной истории ориентировало лекторов на выборку определенных (политически актуальных) сюжетов. Сильно пострадал комплекс дисциплин специализации и практикумы по работе с источниками, их критическому анализу. Это, в свою очередь, приводило к догматическому восприятию исторического процесса студентами. Материалы «Хроник» позволяют не согласиться с современным историком А.В. Сперанским, что «свертывание обучения в меньшей степени касалось учебных часов» и произошло за счет сокращения студенческих

¹⁰ Цит. по: Бурдей, Наумов 1995, 50.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 126. Д. 10. Л. 9—11.

каникул, производственной практики и дипломного проектирования¹². Содержательный аспект процесса обучения не остался без изменений. В своем дневнике антиковед Е.А. Миллиор сообщает, что после войны, перед началом 1945/46 учебного года, советское правительство резко усилило контроль за качеством выпускаемых университетом специалистов и разрешило отчислять неуспевающих¹³, на что, надо полагать, исходя из контекста, в военный период был наложен фактический запрет.

Особую роль в мобилизации знания о древности сыграли спецкурсы и спецсеминары, разрабатываемые преподавателями под нужды военного времени. Спецкурсы не были унифицированы: в «Хрониках» прослеживается их относительное тематическое разнообразие. Но большинство таких курсов было ориентировано на освещение истории славянской древности либо связей славянских народов с Византией. А.В. Мишулин уже в 1941—1942 гг. проводил спецсеминар «Восточно-римская империя и древние славяне», тематическое содержание которого было следующим: «1. Восточная Римская империя при Юстиниане; 2) Внешняя политика Юстиниана; 3) Древние славяне и их происхождение; 4) Социальный и военный строй древних славян; 5) Древние славяне и авары, их взаимоотношения; 6) Вторжения славян в Восточно-римскую империю; 7) Положение империи в связи с вторжением славян и аваров; 8) Восстание Фоки и судьбы Маврикии; 9) Положение крестьян по «*Nomos georgicos*»; 10) Хозяйственный строй Империи по «*Nomos georgicos*»». Мишулин также читал факультативный курс «Древние славяне и их первые государственные образования». Основная цель, которую преследовал профессор-антиковед, состояла в опровержении фашистской теории об отсутствии у славян начал государственности и в доказательстве тезиса о раннем государственном развитии славян¹⁴.

В провинциальных университетах, особенно республиканских, появляются спецкурсы, посвященные местной древней истории (например, в Кызыл-Ординском и Пятигорском институтах), чему способствовало появление в регионах столичных профессоров. Так, преподаватели кафедры древней истории МГУ в эвакуации в Ашхабаде «увязали свою научно-исследователь-

¹² Сперанский 2015, 36.

¹³ ЦГАЛИ Ф. 439. Оп.1. Д. 49. Л. 133 об.

¹⁴ Шепунова 1941, 149.

скую работу с работой по истории Туркмении»¹⁵, развернув там археологические и этнографические экспедиции по сбору данных по истории республики. Но все же практика чтения спецкурсов ввиду сокращения сроков обучения не была распространена. Так, в архивных документах Челябинского педагогического института, который, впрочем, не упоминается в «Хрониках», в контексте реорганизации программы обучения можно заметить общие указания по актуализации определенных тем, но специализации курсов введено не было¹⁶. Медиевист М.А. Заборов, который в это время работал в Челябинске, в своих воспоминаниях отмечал низкий культурный и образовательный уровень студенчества военных лет, недостаток литературы по общим курсам, относительно слабый состав кафедры истории, «почти сплошь состоящей из молодых преподавателей»¹⁷. Такая ситуация в вузах была довольно распространенной. Несмотря на все трудности, учебные курсы в ЧПИ также модифицируются: в рамках древней истории появляется новая тема — история причерноморских колоний, в истории средних веков увеличиваются аудиторные часы на изучение древних германцев, добавляется блок по истории южных и западных славян, отдельно рассматривается история Чехии¹⁸.

В общих курсах по истории античности актуализируются историографические сюжеты, призванные разоблачить фашистские фальсификации истории. В частности, одним из таких важных сюжетов стал спор в науке о падении Западной Римской империи. В этом контексте критиковалась теория упадка империи якобы вследствие гибели «лучшей части» римского общества, т. е. аристократии, в эпоху Гражданской войны III в. и завоевательной политики Рима. При этом проводилась историческая параллель между средневековыми гуннами и фашистами как разрушителями цивилизации. Актуальными становятся и поиски корней милитаризма германского народа¹⁹.

Сокращение продолжительности обучения было временным вынужденным явлением в высшей школе. Как только инициатива в военных действиях перешла к Советскому Союзу и вражеские

---

¹⁵ Сказкин 1943, 106.

¹⁶ ОГАЧО. Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 50. Л. 2—3.

¹⁷ История и историки 2006, 29.

¹⁸ ОГАЧО. Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 59. Л. 6.

¹⁹ Михалев 1942, 151.

войска были оттеснены к границе, для гуманитарных специальностей (в 1944 г.) были восстановлены четырехлетние программы. В «Хрониках» появляются сведения об учебных практиках студентов: археологических экспедициях в Казахстане, Туркменистане, Рязанской области и в Сибири²⁰. Весьма примечательно, что с 1943 г. в «Историческом журнале» публикуются сюжеты о различных аспектах научной жизни, что свидетельствует о ее постепенном возобновлении и завершении процесса приспособления сообщества историков к военным условиям. Так, освещаются защиты диссертаций Н.Н. Пикусом («Тebtюнисский папирус № 703 как исторический источник»), Н.А. Машкиным («Принципат Августа»), С.В. Шостаковичем («Война в древнем мире»)²¹. Исторические факультеты Советского Союза сообщают о проведенных научных заседаниях. Хотя на первом месте и стоят темы, вскрывающие нацистские фальсификации, но все же появляются и традиционные научные сюжеты: «О пребывании в Средней Азии Александра Македонского» (К.К. Зельин)²², «Античность и западноевропейская культура» (С.И. Ковалев)²³, «Письмо в Древнем Египте» (М.А. Коростовцев)²⁴. Появляются новые спецкурсы, не связанные с политической историей, как например: в Кызыл-Ординском институте — «Основы археологии», «История древнего Казахстана»²⁵, в Пятигорском педагогическом — «Историческая география и история Северного Кавказа», «Основы советской археологии в связи с археологией Северного Кавказа»²⁶, организованные эвакуированными преподавателями на площадках периферийных институтов.

Изучив хроники «Исторического журнала» за военный период, можно сделать несколько выводов. Во-первых, тематическая наполненность «Хроник» меняется на протяжении анализируемого промежутка времени. Условно можно выделить два периода: 1) 1941— первая половина 1943 г.; 2) вторая половина 1943— 1945 гг. В первый — исторические факультеты сообщали преимущественно о сложностях в осуществлении учебной деятельности,

---

²⁰ Милонов 1943, 104; Гриневич 1946, 156.

²¹ Сказкин 1943, 107.

²² Там же.

²³ Бенклиев 1943, 105.

²⁴ Иванов 1944, 102.

²⁵ Иллерицкий 1944, 141.

²⁶ Акритас 1944, 94.

перестройке программ и курсов, агитационно-пропагандистской или общественно-полезной работе ученых. Во второй — акценты меняются: появляются сюжеты о научной деятельности историков, что свидетельствует о начале нормализации научной жизни. Во-вторых, мобилизация знания о древности диктовалась общественной потребностью и отвечала политическому заказу, направленному на укрепление патриотизма в обществе, сплочение народов СССР в борьбе против германской агрессии и разоблачение теорий фашистских историков.

Однако «Хроника» «Исторического журнала» отражает «фасадную» сторону жизни факультетов. Реальное же положение дел отражено в архивной делопроизводственной документации. Материалы «Архива МГУ» позволяют, например, увидеть перечень курсов, которые не запечатлены в официальной периодике, но читались студентам, избравшим специализацию по древнему миру. К.К. Зельин читал спецкурсы по источниковедению и эпиграфике²⁷; В.К. Никольский — «Первобытно-общинный строй»²⁸; Д.Г. Редер — «Древнегреческая культура в 7—4 вв.», «Социальная борьба в Риме II—I вв. до н. э.», «Историография Древнего Востока»²⁹, «Археология Древнего Востока»³⁰; В.И. Авдиев проводил языковые занятия для специализирующихся по Древнему Египту³¹, читал лекции: «Введение в историю Египта»³², «История международных отношений на Древнем Востоке»³³, «Историография Древнего Востока»³⁴ и «История культуры Древнего Египта»³⁵. Н.А. Машкин посвятил специальные курсы темам: «Введение в историю Римского права»³⁶, «Социальная борьба в Риме в конце республики и начале империи»³⁷, «История римских провинций», «Введение в римскую историю (источники и историография)»³⁸. С.И. Протасо-

²⁷ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 34. Л. 4, 19.

²⁸ Там же. Л. 1.

²⁹ Там же. Л. 2.

³⁰ Там же. Л. 8.

³¹ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 44. Л. 2.

³² Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 34. Л. 4.

³³ Там же. Л. 7.

³⁴ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 44. Л. 2.

³⁵ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 59. Л. 19.

³⁶ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 34. Л. 7.

³⁷ Там же. Л. 2.

³⁸ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 44. Л. 9.

ва преподавала древнегреческий язык, «Историю эллинизма», «Историю Греции в эллинистическую эпоху»³⁹. А.В. Мишулин читал лекции: «История Испании в республиканскую эпоху», «Древние славяне и Восточная Римская империя»⁴⁰; А.Б. Ранович — «История эллинистической религии и христианства»⁴¹; С.А. Лясковский проводил семинары по истории борьбы Рима с кельтами, по истории древнегреческой науки, римской историографии⁴²; А.Г. Бокщанин читал «Историческую географию древнего мира»⁴³, «Историографию Древнего Рима»⁴⁴. Особое внимание обращалось на преподавание иностранных языков, в том числе древних. На ученом совете отмечалось, что кафедра истории древнего мира в этой связи — самая успешная⁴⁵. На ученых советах констатировалось, что два иностранных языка — это необходимый минимум для историка⁴⁶. В 1944 г. зав. кафедрой древних языков И.И. Соколов предложил даже новый план по чтению авторов с привлечением студентов старших курсов для преподавания на младших курсах⁴⁷. Другими словами, набор курсов по кафедре был разнообразный, вполне традиционного характера и охватывал широкий круг вопросов древней истории.

Красной нитью в делопроизводственной документации проходит проблема нехватки литературы. При эвакуации университета много научных книг и учебных пособий было вывезено. Лаборант кафедры Т.М. Шепунова героически собирала минимум литературы, обеспечивая учебный процесс⁴⁸. Интересно, что уже во второй период войны на ученом совете поднимались вопросы о составлении необходимого перечня литературы, которая будет выписана из-за границы⁴⁹.

Для иллюстрации назовем некоторые темы выпускных работ, выполненных в годы войны: «Взаимоотношение Ольвии

³⁹ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 34. Л. 7.

⁴⁰ Там же. Л. 4.

⁴¹ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 59. Л. 19.

⁴² Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 34. Л. 2.

⁴³ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 44. Л. 9.

⁴⁴ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 59. Л. 19.

⁴⁵ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 2. Д. 4. Л. 133.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 59. Л. 11.

⁴⁸ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 34. Л. 5.

⁴⁹ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 2. Д. 11. Л. 180.

с Афинами в 5 в. н. э.» (Майков⁵⁰)⁵¹, «Взятие Рима Аларихом в освещении современников» (Мусина)⁵², «Социально-экономическая политика Флавиев» (Белова), «Восточная политика при Нероне» (Кудрявцев), «Партия Юлия Цезаря в гражданскую войну в 49—45 гг.» (Покровский), «Родос в эпоху гражданских войн 44—31 гг.» (Голубцова)⁵³.

Учебный процесс постоянно сбивался из-за частых переездов и трудовой мобилизации. В начале 1943 г. исторический факультет оказался на последнем месте среди остальных учебных подразделений по трудовой мобилизации, после чего С.Д. Сказкин, декан 1940—1943 гг., в том числе после эвакуации в Свердловск, был вызван в райком, где ему объявили выговор⁵⁴. Следующую мобилизацию провалить было никак нельзя, но и она оказалась невыполненной: по плану предполагалось организовать 200 человек, но удалось собрать только 161 по причине того, что 20 % всех студентов факультета были больны туберкулезом⁵⁵.

С.Д. Сказкин отмечал большие трудности с проведением экзаменов: из 1500 экзаменов весной 1943 г. не было сдано 500, т. е. одна треть, несмотря на благодушие профессоров, которые старались многого от студентов не требовать⁵⁶. Смещение графиков в этот год привело к тому, что студенты 3-го курса во втором семестре весной сдавали 6 экзаменов и 6 зачетов⁵⁷. По словам проф. Новицкого, подготовка и вовлеченность студентов в учебу в 1942/43 учебном году оказалась крайне низкой, причиной чему является уменьшение количества абитуриентов и, как следствие, «в качественном отношении подбор студентов был хуже»⁵⁸. Перелом происходит в 1944/45 учебном году, когда остро поднимается вопрос о посещаемости занятий студентами: преподаватели уже не брали в расчет возможную загруженность обучающихся в связи с еще не оконченной войной и требовали строгого надзора за посещаемостью и наказаний за прогулы⁵⁹.

⁵⁰ В источнике инициалы не указаны.

⁵¹ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 44. Л. 4.

⁵² Там же.

⁵³ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 59. Л. 35—36.

⁵⁴ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 2. Д. 4. Л. 221.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. Л. 220.

⁵⁷ Там же. Л. 219—220.

⁵⁸ Там же. Л. 225.

⁵⁹ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 2. Д. 12. Л. 238—239.

2.2. Юбилей во время войны: заседание кафедры истории древнего мира МГУ в мае 1944 г.

В качестве исторических источников для реконструкции событий и настроений в среде советских историков, помимо трудов ученых, их переписки, большое значение имеют стенограммы. Стенограммы заседаний научных и образовательных учреждений — важнейший источник по истории науки и образования в СССР в 1930—1950-е гг. Именно этот период можно охарактеризовать как «эпоху расцвета стенограмм»: с одной стороны, с конца 1920-х гг. появляются материальные ресурсы и институциональные основы для распространения стенографирования в научных и образовательных учреждениях; с другой стороны, именно в этот период стенограммы в наибольшей степени отражали реальную внутрикорпоративную коммуникацию, а процесс формализации стенограмм и превращения их в отписки для вышестоящих органов резко ускоряется с середины 1950-х гг. Стенограммы заседаний кафедры истории древнего мира МГУ периода Великой Отечественной войны позволяют оценить и функционирование кафедры, и специфику работы советских историков древности в этот период.

Значительная часть стенограмм отражает так называемые «юбилейные события», т. е. многочисленные празднования юбилейных дат, крайне популярные в советское время, даже в период Великой Отечественной войны. Юбилейная коммеморация позволяет значительно расширить и дополнить наши представления как о развитии советской науки, так и о бытовании науки в СССР в конце войны⁶⁰, поскольку «круглые даты» позволяют осмыслить либо переосмыслить предшествующий исторический путь, а также способствуют формированию чувства идентичности с определенной средой.

Десятилетний юбилей постановления ЦК ВКП(б) и Совнаркома о преподавании гражданской истории и о восстановлении (в действительности, об учреждении) исторических факультетов стал поводом для проведения торжественных мероприятий на историческом факультете МГУ, несмотря на, казалось бы, незначительную дату. 16 мая 1944 г. было проведено общее собрание факультета, 26 мая — заседание кафедры истории древнего мира. Сохранившаяся в Архиве МГУ стенограмма торжественного

⁶⁰ Репина 2017; Корзун, Грудзинская 2020; Корзун, Колеватов 2020.

заседания кафедры является важным источником по истории изучения и преподавания истории древнего мира в СССР⁶¹. На заседании председательствовал заведующий кафедрой проф. Н.А. Машкин, с докладами выступили сотрудники кафедры. Доклады преподавателей кафедры были посвящены описанию достижений советских ученых в различных разделах древней истории: доклад доцента С.И. Протасовой был посвящен работам советских историков в области истории Древней Греции⁶², доклад проф. В.И. Авдиева — изучению истории Древнего Востока за последние десять лет⁶³, доклад проф. А.В. Мишулина — советским исследованиям по истории Древнего Рима⁶⁴; с заключительным словом выступил заведующий кафедрой истории древнего мира исторического факультета МГУ проф. Н.А. Машкин⁶⁵. Стиль докладов — обычный для того времени «перечень достижений», дополненный, впрочем, важными индивидуальными замечаниями. На торжественном заседании кафедры присутствовали представители Ленинградского университета, других вузов, а также эвакуированный из партизанского отряда в тыл академик АН Белорусской ССР Н.М. Никольский.

В докладе С.И. Протасовой было указано на важность отказа от «антимарксистских, антинаучных социологических схем Покровского» в результате решений партии и правительства и подчеркивался вклад советских ученых (В.С. Сергеева, С.А. Жебелева, Р.В. Шмидта, К.К. Зельина и др.) в изучение истории Древней Греции⁶⁶. Учебник по истории Древней Греции прежнего заведующего кафедрой истории древнего мира В.С. Сергеева Протасова рассматривала как основу и для научной, и для преподавательской деятельности советских специалистов в данной области; ее внимание также привлекли главы В.С. Сергеева в «Истории дипломатии», а также труды академика С.А. Жебелева по истории греческих полисов Северного Причерноморья⁶⁷. Специально были упомянуты рецензии К.К. Зельина: «Такие

---

⁶¹ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 44. Л. 20—55: «Стенограмма заседания кафедры истории древних веков (sic!) Исторического факультета МГУ 26 мая 1944 г. Председатель проф. Машкин».

⁶² Там же. Л. 20—27.

⁶³ Там же. Л. 27—38.

⁶⁴ Там же. Л. 38—44.

⁶⁵ Там же. Л. 45—53.

⁶⁶ Там же. Л. 20.

⁶⁷ Там же. Л. 24, 24а.

основательные рецензии, как рецензии Константина Константиновича Зельина, являются чрезвычайно характерным явлением в нашей стране». И за этим следует вывод — общая характеристика советской науки о древности: «Наша наука молодая, сильная, она не боится своих ошибок, она вскрывает их»⁶⁸. В докладе было подчеркнуто противоборство с «буржуазной» наукой, в том числе с «политическим противником настоящего времени» профессором Ростовцевым, а также были специально выделены изданные советскими учеными работы по истории рабства, в том числе опубликованная в «Вестнике древней истории» статья С.А. Жебелева, работы А.В. Мишулина. В конце выступления, наряду с дежурными дифирамбами Сталину, С.И. Протасовой был сделан весьма оптимистический прогноз: «Когда кончится война, когда кончится борьба Советской страны вместе с ее союзниками против рабства во всем мире, против фашизма и его приспешников, вот тогда наша молодежь, развернув силы во всем ее масштабе, даст результаты того, что сейчас только начинается, что сейчас сделано в течение этого десятилетия»⁶⁹.

В докладе В.И. Авдиева были представлены достижения советских ученых в изучении истории Древнего Востока в 1934—1944 гг.: в первую очередь докладчик обратил внимание на основополагающую статью В.В. Струве в «Известиях ГАИМК» (1934 г., № 77), «посвященную вопросу о возникновении и развитии рабовладения на Древнем Востоке. Надо отметить, что эта проблема была выдвинута и другими специалистами, в частности, еще в 1933 г. <...> присутствующий здесь В[ладимир] К[апитонович] Никольский сделал на эту тему доклад в Московском музее изобразительных искусств, где также выдвинул вопрос об огромном значении рабовладения в развитии древневосточного общества»⁷⁰.

Далее, вполне в духе юбилейных речей были в положительном контексте представлены взгляды белорусского академика, без всякого указания на противоречия между подходами Н.М. Никольского и В.В. Струве: «Надо отметить, что присутствующий здесь академик Н[иколай] М[ихайлович] Никольский в своих работах, напечатанных в “Вестнике древней истории” — “Община в древней Вавилонии”, “Рабство и рента-налог” — внес

⁶⁸ Там же. Л. 24а.

⁶⁹ Там же. Л. 27.

⁷⁰ Там же. Л. 29а.

существенные коррективы в ту схему развития рабовладельческого общества, которая была предложена академиком Струве»; «Я уже отмечал чрезвычайно интересные статьи здесь присутствующего Н.М. Никольского, в которых поставлен вопрос и интересно разрешен вопрос о значении общины в развитии древнего Вавилона»⁷¹. Для доклада Авдиева характерен широкий охват: он анализирует не только исторические, но и эпиграфические («Дьяконов издал надписи»), лингвистические работы, труды синологов⁷².

Авдиев подчеркнул ведущую роль журнала «Вестник древней истории», благодаря которому специалисты по истории Древнего Востока смогли оперативно печатать свои труды. Хотя журнал перед войной издавался только в течение трех с половиной лет, выступающий выразил надежду в продолжении издания журнала после войны. Авдиев отметил роль советских специалистов по истории Древнего Востока «в практическом применении» — в написании глав для учебников для средней школы⁷³. В завершение докладчик привел цитату из статьи в зарубежном журнале: «В одной недавно напечатанной статье в английском журнале, подводящей итоги 25-летнему развитию востоковедения в СССР, указывается на то, что советская наука имеет свои интересы на востоке»⁷⁴.

А.В. Мишулин в своем докладе указал на то, что результатом Октябрьской революции стал «переворот в области идей», «и развитие общественных наук, в первую голову исторической науки, должно было строиться на основе марксистско-ленинской методологии». Это не могло не отразиться на изучении истории Древнего Рима. «Римская история из круга вопросов античной истории пережила наиболее актуальные области и может быть даже не случайно, что в этой области работает больше специалистов, относительно больше, чем в области древней Греции». Докладчик специально отметил, что превалирование специалистов по истории Древнего Рима наблюдается как в Московском, так и в Ленинградском университете⁷⁵. В докладе Мишулина были рассмотрены этапы становления советской науки о Древ-

---

⁷¹ Там же. Л. 29а, 34.

⁷² Там же. Л. 32, 33.

⁷³ Там же. Л. 35—36.

⁷⁴ Там же. Л. 38.

⁷⁵ Там же.

нем Рима, было указано на важность отказа от неправильных идей «школы Покровского»⁷⁶.

Н.А. Машкин в заключительном докладе подчеркнул единство советских историков древнего мира:

Иногда некоторые даже пытались указать, что между Москвой и Ленинградом есть какое-то разногласие. Правда, само собой понятно, что тот и другой университеты имеют свои традиции. Но мы работаем на общем деле, и я думаю, что наши совместные заседания показали, что у нас нет расхождений в принципиальных вопросах. Я думаю, наше сегодняшнее заседание будет залогом совместной работы двух старейших университетов⁷⁷.

После доклада Машкина последовала небольшая дискуссия. Преподаватель латинского языка В.А. Домбровский высказался о проблеме обучения древним языкам: «Я тоже один из тех, которые пришли сюда после многих лет отрыва от исторической работы и от работы по классической филологии». Отметил, что трудности в освоении древних языков ведут к тому, что на кафедре древней истории остается небольшое число специализирующихся студентов. По мнению Домбровского, недавно созданная кафедра классической филологии должна обеспечить углубленное обучение древним языкам специализирующихся студентов⁷⁸.

Исследователь И.Т. Кругликова (второй выпуск исторического факультета МГУ) от имени молодого поколения поблагодарила профессоров и преподавателей за их труд; был отмечен вклад К.К. Зельина, С.И. Протасовой, А.Б. Рановича, Н.А. Машкина⁷⁹. Филолог-классик С.И. Радциг говорил о том, что и историки, и филологи-классики, несмотря на существование отдельных кафедр, делают одно дело и изучают один и тот же материал с разных сторон. Он закончил свое выступление призывом: «Да здравствует такой идеал объединения историков и филологов в узком смысле этого слова!». Н.А. Машкин поблагодарил всех присутствовавших и завершил заседание⁸⁰.

Участники заседания должны были противостоять распространенной в те годы тенденции «деактуализации» древней истории, затрагивавшей страны и регионы вне территории СССР.

⁷⁶ Там же. Л. 38а.

⁷⁷ Там же. Л. 53.

⁷⁸ Там же. Л. 53—53а.

⁷⁹ Там же. Л. 53а—55.

⁸⁰ Там же. Л. 55.

Так, известный советский археолог и организатор науки С.П. Толстов при обсуждении доклада академика В.П. Волгина настаивал:

Не поднята еще одна большая проблема, время для постановки которой давно назрело, — проблема древней истории СССР. Несмотря на все уважение к таким темам, как «Разложение рабовладельческого хозяйства в Италии и Африке», я думаю, что пора советским историкам как следует взяться за разработку отечественной античности — истории древних государств и цивилизаций Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии...»⁸¹

Празднование различных юбилеев — характерная черта общественной и научной жизни советского времени. Проведение юбилейных сессий, раздача наград, связанных с теми или иными годовщинами, — маркер стабилизации, нормализации обстановки в советской науке после тяжелых лет начального периода Великой Отечественной войны⁸². Со второй половины 1943 г. возобновляется научно-исследовательская деятельность советских историков и иные формы связанной с наукой активности. Незадолго до заседания в Москве было торжественно отмечено 125-летие Ленинградского университета; праздник был организован в Саратове, в месте эвакуации университета⁸³. Директор Института истории АН СССР академик Б.Д. Греков в связи с этим был награжден орденом Ленина⁸⁴. Празднование десятилетнего юбилея известного партийно-правительственного постановления 1934 г. на кафедре истории древнего мира МГУ было призвано упрочить положение древней истории в советском высшем образовании и науке. Н.А. Машкин неслучайно призывал «к следующей юбилейной дате поднять развитие древней истории на высшую ступень». И, в определенной степени, цель была достигнута: в послевоенное время история древнего мира оставалась важной составной частью советского исторического образования и академической науки.

---

⁸¹ Толстов 1945, 103.

⁸² Характерная ремарка в мемуарах писателя Ильи Эренбурга о повседневной деятельности главной советской армейской газеты в 1942 г.: «В “Красной звезде” как-то ночью начался переполох: “Увлечлись войной, а про даты забыли! Завтра пятая годовщина смерти Орджоникидзе...”» (Эренбург 1966, 48).

⁸³ Вайнштейн 1944.

⁸⁴ Бухерт 2016, 110—111.

2.3. «Работаем здесь полным ходом»: кафедра классической филологии ЛГУ в эвакуации в Саратове (1942—1944)

В конце февраля 1942 г. Наркомат просвещения РСФСР издал приказ начать эвакуацию Ленинградского университета. По распоряжению Исполнительного комитета Ленинградского городского совета депутатов трудящихся от 24 февраля 1942 г. запрещалось заселять жилплощадь, принадлежащую эвакуированным академикам, докторам наук и профессорам, и предписывалось соответствующим структурам обеспечить сохранность остающегося в квартирах имущества⁸⁵. Ученым удалось, вероятно, вывезти небольшое количество научной литературы вместе с остальным багажом. Так, С.И. Ковалев в письме Е.А. Миллиор от 26 марта 1943 г. сообщил, что Институт истории материальной культуры привез в Елабугу около 2000 книг по археологии⁸⁶. Личные библиотеки остались в Ленинграде, но за ними присматривали неэвакуированные сотрудники университета, сообщавшие ректору в Саратов обо всех происшествиях. Известно, что в ночь с 7 на 8 ноября 1942 г. дом, где находилось имущество Я.М. Боровского, подвергся немецкой бомбардировке, в результате чего оказалась снесена крыша дома и поставлено под угрозу ценное книжное собрание филолога. В архивах сохранилась переписка, проводившаяся на уровне ректора, о спасении библиотеки Я.М. Боровского и перенесении ее в безопасные места⁸⁷. Основная часть подразделений эвакуированного университета разместилась в Саратове, некоторая — в Елабуге⁸⁸. Одновременно с этим стал происходить пересмотр программ, чтобы максимально приблизить их к потребностям войны⁸⁹. Материальная база Саратовского университета оказалась недостаточной для полного восстановления учебной и научно-исследовательской деятельности одного из старейших университетов страны. Кроме того, если в довоенное время на разных факультетах обу-

---

⁸⁵ Так, за И.М. Тронским была сохранена 93-метровая квартира по адресу: Невский проспект, 11/2, кв. 2, о чем свидетельствовала выданная справка: СПбФ АРАН. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 159. Л. 5.

⁸⁶ РО ИРЛ. Ф. 607. Оп. 1. Д. 438. Л. 1 об.

⁸⁷ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 717. Л. 47.

⁸⁸ Соболев 1962, 176.

⁸⁹ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 696. Л. 2 об.

чалось около 6000 человек без учета заочного отделения, то 1 апреля 1942 г. к занятиям в Саратове приступил 361 человек (треть студентов влились в ряды Народного ополчения, другие отчислились в связи с индивидуальной эвакуацией, попали в больницы, погибли либо разъехались по домам)⁹⁰. Для увеличения контингента обучающихся были поданы объявления в центральные и местные органы печати об открытии Ленинградского университета в Саратове, была проведена профориентационная работа с оканчивающими среднюю школу. В результате 575 человек подали заявления о зачислении, а приступили к занятиям 1 сентября 1942 г. только 387: остальным приехать в Саратов не удалось из-за нехватки пропусков и транспортных проблем⁹¹. Всего же в тот период обучалось 669 человек, из них на филологическом факультете — самом многочисленном (sic!) — 156⁹². Но в этих условиях нашлись возможности для реализации учебной программы по классической филологии.

На фоне общего сокращения числа специальностей, по которым велась подготовка кадров в университете, с 42 (в довоенное время) до 22 (1942 г.), а кафедр с 98 до 50 сохранение старейшей, но вместе с тем, казалось бы, «неактуальной» для периода войны специальности позволяет предположить, что даже в тяжелых условиях продвижения по территории страны оккупационной армии университетское начальство и ученые стремились сохранять научные традиции, видимо понимая, что в послевоенное время предпринятые усилия позволят вернуть достижения мирного времени. Кафедра классической филологии была эвакуирована в Саратов в неполном составе. На 1941/42 учебный год на кафедре было запланировано 24,5 ставки: 1 для зав. кафедрой-профессора, 1 профессорская, 10 доцентских, 12,5 ассистентских⁹³. Подразумевалось привлечение к педагогической работе большого числа недавно выпустившихся воспитанников кафедры. Но уже в первые месяцы войны штатное расписание было пересмотрено, и на 1 августа 1941 г. оказалось выделено 17 единиц (2 профессорских, 4 доцентских, 11 ассистентских) с резолюцией «освободить 4 преп[одавателя]»⁹⁴. К началу пер-

⁹⁰ Там же. Л. 5—5 об.

⁹¹ Там же. Л. 6 об.

⁹² Там же. Л. 7.

⁹³ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 705. Л. 72.

⁹⁴ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 708. Л. 8.

вого военного учебного года на кафедре состояли: профессор О.М. Фрейденберг, И.И. Толстой; доценты А.В. Болдырев, Я.М. Боровский, М.Е. Сергеенко, И.М. Тронский; старшие преподаватели М.Н. Дювернуа, В.В. Петухова; ассистенты Ф.Г. Яковиди, Л.Л. Спасский, Ф.Т. Тимофеев, Е.Л. Мисевра, Е.М. Заплата. В аспирантуре были О.А. Гутан, Т.Н. Чикалина⁹⁵. После эвакуации в Саратов за кафедрой числились: профессор И.М. Тронский (заведующий кафедрой), доценты Я.М. Боровский и Г.А. Стратановский, ассистенты Е.Л. Мисевра и Т.Н. Чикалина (последняя являлась аспиранткой). В Ленинграде осталась О.М. Фрейденберг, тяжело пережившая блокаду, в Казани как сотрудник Института истории литературы АН СССР в середине 1942 г. оказался И.И. Толстой со своей женой С.В. Меликовой-Толстой (умерла 31 июля 1942 г.)⁹⁶, не отправилась в эвакуацию и М.Е. Сергеенко⁹⁷.

Студенческий состав отделения классической филологии можно восстановить по делопроизводственной документации. Из всех обучающихся довоенного времени в Саратов удалось эвакуироваться лишь Т.А. Лукиной⁹⁸, остальные либо ушли на фронт, либо не пережили зиму 1941—1942 гг. Т.А. Лукина поступила в университет в 1938 г. и окончила его по ускоренной программе в августе 1942 г.⁹⁹ Причем в последний год обучения, вероятно, вследствие нехватки педагогов ей пришлось прослушать курсы китайского и японского языков¹⁰⁰. Сведениями об обучающихся делится И.М. Тронский в письме Е.А. Миллиор от 23 декабря 1942 г.: «Студентов немного — трое новопринятых на первом курсе, среди них один мальчик, очень способный,

⁹⁵ Там же. Л. 94—95.

⁹⁶ См.: Архив РАН. Ф. 597. Оп. 4. Д. 70. Л. 1.

⁹⁷ Гаврилов, Казанский 1993, 319.

⁹⁸ «Я выжила просто чудом» — такими словами Т.А. Лукина закончит повествование об эвакуации в Саратов: Лукина 2011, 543.

⁹⁹ В самом начале войны Всесоюзный комитет по делам высшей школы при Совете народных комиссаров СССР ввел новые учебные планы, по которым срок обучения в университетах сокращался с 5 до 3.5 лет, в педагогических институтах — с 4 до 3 лет за счет увеличения учебной недельной нагрузки (с 36 до 42 часов), уменьшения времени на каникулы, практики и дипломное проектирование: Высшая школа 1995, 28.

¹⁰⁰ ОА СПбГУ. Ф. 1. Личные дела студентов 1930—1941 гг. Св. 16. Д. 380597. Л. 15 об.

одна студентка на втором курсе (так и говорим: второй курс сегодня заболела), старших курсов у нас нет»¹⁰¹.

Учебная нагрузка преподавателей кафедры классической филологии была огромной, если учесть наличие курсов по древним языкам и античной литературе на других специальностях филологического и исторического факультетов. Заметим, что, например, на историческом факультете латинский язык изучался в течение 5 семестров: на 1-м и 2-м курсах по 4 часа в неделю (в год — 136 часов), на 3-м курсе 2 часа в неделю (34 часа в семестр)¹⁰². В университетском фонде Центрального государственного архива Санкт-Петербурга чудом сохранился единственный протокол заседания кафедры классической филологии военного времени — от 6 апреля 1944 г.¹⁰³ На заседании происходило в том числе обсуждение учебной работы. Документ позволяет выяснить, что в тот год на первом курсе обучалось 4 человека (Розина, Банная, Кочеткова, Кольман)¹⁰⁴. Древнегреческий язык вел Я.М. Боровский по дореволюционной хрестоматии П.М. Носова, латинский язык — И.М. Тронский и Т.А. Лукина. На втором курсе числился один студент Р.В. Кинжалов, который «особого интереса к языку <...> не проявлял» и допускал у Я.М. Боровского на занятиях по чтению Геродота «элементарные ошибки»¹⁰⁵. Чтение латинских авторов (Тита Ливия, Вергилия и Горация) у Я.М. Боровского и И.М. Тронского одним-единственным студентом осталось без оценки кафедры. Р.В. Кинжалов, в будущем известный исследователь культур Мезоамерики, попал на кафедру

¹⁰¹ Из «ижевского» архива Елены (Нелли) Миллиор 2000, 78.

¹⁰² ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 733. Л. 32—34.

¹⁰³ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 807. Л. 184—184 об.

¹⁰⁴ Указаны, к сожалению, только фамилии. Воспоминания Р.В. Кинжалова позволяют восстановить только имя первой из этого списка — Татьяны Розиной, которая вместе с Кинжаловым оканчивала филологический факультет в послевоенное время (Кинжалов 2013, 112).

¹⁰⁵ Вот как о преподавании Я.М. Боровского вспоминает Р.В. Кинжалов: «Вторым моим учителем в саратовский период был Яков Маркович Боровский. Он должен был преподавать мне древнегреческий. Пишу “должен был” потому, что это не было обучением в собственном смысле слова. Я.М. был убежден, что всякий приходящий на классическую кафедру должен знать древнегреческий. Можно представить мой ужас, когда Боровский при первой нашей встрече, небрежно полистав гимназический учебник Кюнера, сказал: “Ну, вот, к следующему занятию освешите память по всем склонениям!” А я и греческий алфавит знал лишь по школьному курсу геометрии и тригонометрии» (Кинжалов 2013, 79).

случайно. В октябре 1942 г., освободившись от службы в армии по состоянию здоровья, он приехал в Саратов с надеждой изучать клинопись, однако для этого не имелось возможности (не было соответствующих пособий), и его И.М. Тронский уговорил учиться на классическом отделении, которое Кинжалов окончил уже в послевоенное время. Состав третьего курса поименно в протоколе не называется, лишь сообщается о чтении студентами Геродота и Исократ (у Я.М. Боровского), Ливия, Тибула (у него же) и Горация (у И.М. Тронского).

Нельзя вместе с тем не отметить, что для организации учебного процесса по чтению древних авторов в Саратове имелся, вероятно, неплохой книжный фонд с соответствующими текстами, оставшийся от дореволюционных гимназий и от функционировавшего здесь в 1917—1920 гг. отделения классической филологии, организованного С.В. Меликовой-Толстой, на котором преподавали также М.Е. Сергеенко и В.Я. Каплинский¹⁰⁶. Об уровне подготовки достаточно красноречиво свидетельствуют фигуры выпускников этого отделения — А.В. Болдырева, А.И. Доватура. В Саратове завершала свое обучение М.Е. Сергеенко, сдавшая в городе на Волге в 1920 г. магистерские экзамены¹⁰⁷. Поэтому, в отличие от других отделений филологического факультета, на классическом отделении эвакуированного Ленинградского университета вопрос о недостаточной обеспеченности пособиями не стоял столь остро¹⁰⁸. Среди преподавателей классического отделения эвакуированного Ленинградского университета не упоминается Г.А. Стратановский, хотя он числился в штатном составе кафедры. Но дело в том, что в Саратов не приехал ни один историк-антиковед¹⁰⁹, поэтому курс по древней истории попросили

¹⁰⁶ Подробнее см.: Кашеев 2020, 364—367.

¹⁰⁷ Там же. С. 366.

¹⁰⁸ В целом, недостаток книг и учебных пособий неоднократно упоминается в отчетах. См., напр.: ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 696. Л. 3 об.; ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 740. Л. 33 об. и т. д.

¹⁰⁹ С.И. Ковалев в письме Е.А. Миллиор от 26 марта 1944 г. о себе сообщает следующее: «С семьей эвакуировался из Ленинграда 12 июля 1942 г. с последним академическим эшеленом (страшно не хотелось покидать родного города)... мы все очутились в Елабуге вместе со многими академическими работниками. Но часть их уже осенью 1942 г. разъехались — часть в Ташкент, другие в Алма-Ату, третьи в Саратов. Мы решили остаться, так как в начале сентября приехал Воронежский университет, и работы нам всем было более чем достаточно (в Елабуге есть, кроме

взять сначала И.М. Тронского, который в свою очередь, сославшись на невозможность разработки нового курса в сложившихся условиях, переложил его на Г.А. Стратановского. Надеялись на прибытие С.Я. Лурье, который еще с августа 1941 г. находился в эвакуации в Иркутске, где занимал место профессора и декана исторического факультета, а с января 1943 г. — в Москве, куда был вызван по специальной телеграмме вице-президента Академии наук В.П. Волгина и зачислен в Институт истории для подготовки сборника в честь 300-летия И. Ньютона¹¹⁰. Лурье не спешил в Саратов, на письма оттуда не отвечал, долгое время сохраняя молчание¹¹¹, и появился в городе на Волге лишь к осени 1943 г., когда, вероятно, подготовил докторскую диссертацию «Художественная форма и вопросы современности в античной трагедии» и планировал ее защищать. В одном из писем к Е.А. Миллиор от 3 марта 1944 г. он объяснил свое поведение следующими словами: «Береженого и бог бережет»¹¹².

Образовательный уровень студентов, зачисленных в Ленинградский университет в те годы, был невысок. В отчете филологического факультета за 1942/43 учебный год содержится настоятельное требование преподавателям обратить особое внимание на ликвидацию «литературной малограмотности» и поднятие культурного уровня студентов первого и второго курсов¹¹³. Такое положение стало следствием отмены традиционных вступительных испытаний ввиду низкого конкурса: без экзаменов принимались кандидаты, окончившие среднюю школу на «отлично» и «хорошо», а при наличии свободных мест — просто с положительными в аттестате отметками¹¹⁴. Нельзя не упомянуть и об общих условиях проведения занятий. Аудиторный фонд был крайне

этого, Учительский институт, где мне также пришлось и до сих пор приходится читать почти все исторические курсы!» (РО ИРЛ. Ф. 607. Оп. 1. Д. 438. Л. 1—1 об.). Из этого же письма становится известно о местонахождении в военные годы других сотрудников кафедры истории Древней Греции и Рима: Д.П. Каллистов работал в Институте истории АН СССР в Москве, К.М. Колобова — в Куйбышевском педагогическом институте.

¹¹⁰ Жмудь 2016, 13.

¹¹¹ О «полном молчании» С.Я. Лурье сообщает, например, Э.А. Солomonик в письме Е.А. Миллиор от 27 апреля 1944 г.: РО ИРЛ. Ф. 607. Оп. 1. Д. 488. Л. 1 об.

¹¹² Из «ижевского» архива Елены (Нелли) Миллиор 2000, 83.

¹¹³ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 740. Л. 44 об.

¹¹⁴ Высшая школа 1995, 29.

ограничен: в одной комнате могли заниматься сразу несколько групп; для обеспечения учебного процесса использовались коридоры и другие малопригодные помещения без досок и необходимой мебели¹¹⁵. При минусовой температуре в аудиториях лекции и практики переносились в общежитие для преподавателей, располагавшееся в бывшей гостинице «Россия». Руководство университета сообщало в вышестоящие инстанции об успешном преодолении трудностей. Сохранились подготовительные материалы к отчету за первое полугодие 1943 г., содержащие показательные исправления. Так, была вычеркнута строчка о способе преодоления нехватки аудиторий путем размещения нескольких групп в одной комнате, а также об отрицательном влиянии на научно-исследовательскую работу недостатка приборов¹¹⁶. Но зато включены в текст следующие восхваления: «Огромное значение для укрепления морального и физического состояния коллектива... имело исключительное внимание правительства, которым неизменно пользовался Ленинградский университет. В частности, университету неоднократно предоставлялись дотации пищевых продуктов и отпускались промтовары первой необходимости»¹¹⁷. И.М. Тронский таким образом оценивает «продовольственную ситуацию»:

Питание ниже среднего, рынок почти недоступен, разве только в обмен на какие-нибудь излишки выдаваемых продуктов. Все же время от времени подкидывают кое-что, масло, сахар и пр. Это т. н. «дотация», или, как говорят студенты, «додация», и распределяется она тоже по строгой иерархии: нам причитается один профессорский и один доцентский паек. Впрочем, несмотря на весь опыт прошлой зимы [речь идет о зиме 1941/42 г. в Ленинграде. — *Авт.*], я не могу приучить себя смотреть на все эти вещи, как на нечто серьезное¹¹⁸.

Молодой ректор ЛГУ А.А. Вознесенский, который с мая 1942 г. являлся одновременно и ректором Саратовского университета¹¹⁹, что позволило объединить ресурсы двух учреждений, рапортовал, что к сентябрю 1942 г. все студенты были прикреплены к столовой и обеспечены жилплощадью; нуждающимся

---

¹¹⁵ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 807. Л. 47.

¹¹⁶ Там же. Л. 47—47 об.

¹¹⁷ Там же. Л. 48.

¹¹⁸ Из «ижевского» архива Елены (Нелли) Миллиор 2000, 79.

¹¹⁹ Аврус, Гапоненков, Данилов 2009, 196.

«выдавались [курсив наш. — Авт.] продовольственные дотации (сахар, масло, яйца)» и «оказывалась промтоварная помощь: выдано 3577 метров белого материала, 117 пар обуви, 11 костюмов, трикотажных изделий 197 шт.»¹²⁰. На деле еды настолько не хватало, что некоторые студенты умирали с голоду¹²¹. Контингент обучающихся стремились сохранять (ввиду его малочисленности) и не отчислять за несданные зачеты и экзамены. Так, например, в первое полугодие из 138 отчисленных только двое отнеслись к категории «неуспевающие»¹²². Помимо учебной работы, преподаватели уделяли внимание и научному творчеству, о чем структурные подразделения университета подавали регулярные отчеты. Но возможность публикации серьезных исследований в годы войны практически отсутствовала. Перед вузами была поставлена задача: в течение 1941/42 учебного года всю учебную и научную работу подчинить интересам войны под лозунгом «Все для Победы!».

Конечно, руководители университетов и институтов рапортовали по итогам года о пересмотре программ с целью приближения их к потребностям военного времени. Ректор ЛГУ А.А. Вознесенский отмечал, например, что практика геолого-почвенного факультета проводилась в рамках специального задания по изысканию залежей угля и стали, студенты-биологи изучали водоросли саратовских озер для поднятия эффективности рыбного хозяйства, а в программы по истории литературы и по истории искусства внесены темы, связанные с отражением войны в художественных текстах и произведениях искусства, профессорами всячески подчеркивались патриотические темы в творчестве русских писателей. Общая для филологического факультета ЛГУ научная тема на 1942 г. звучала незамысловато: «Литература и война». Конкретные тематические разделы формулировались следующим образом: «проблема героизма и мужества в освещении

¹²⁰ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 696. Л. 7.

¹²¹ Вот что вспоминает Р.В. Кинжалов: «В Саратове голодали все — и студенты, и преподаватели. Хлеб профессуре ЛГУ выдавался в том же банкетном зале, где И.М. Тронский занимался со мной, и я часто был свидетелем этой процедуры. Б.М. Эйхенбуам, получив хлеб, нес его в свой номер как драгоценность на раскрытых ладонях. Другой профессор, отойдя от киоска, не мог удержаться, чтобы не отщипнуть кусочек корочки. Может быть, из-за голода многие курили» (Кинжалов 2013, 87; о случаях голодных смертей см.: Кинжалов 2013, 96).

¹²² ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 807. Л. 184 об.

литературы; патриотизм народа, защищающего отечество; проблема справедливых и несправедливых войн; проблема морали, понимания личности; философские вопросы, связанные с темой войны»¹²³. Исходя из своих собственных интересов, поставленных руководством задач и имеющейся скудной литературы в библиотечных фондах Саратова, филологи предложили и разработали такие вопросы: «Героический эпос и война» (В.Я. Пропп), «Воинская повесть русского Средневековья» (И.П. Еремин), «Война в русской литературе XVIII и начала XIX вв.» (Г.А. Гуковский), «Проблема войны в творчестве М.Ю. Лермонтова» (Б.М. Эйхенбаум), «Некрасов и война» (В.Е. Максимов)¹²⁴. После коренного перелома в войне возобладали тенденции прославления многовековой предыстории Советского государства, причем с акцентом на исключительную роль русского народа в истории, его культурном превосходстве, заслугах перед Европой. В соответствии с генеральной линией историками и филологами ЛГУ в 1943 г. были прочитаны циклы лекций «Классики русской культуры» и «Великие русские ученые»¹²⁵. На этом фоне представлявшиеся по различным поводам доклады сотрудников кафедры классической филологии звучали в определенном смысле диссонансом. Так, согласно отчету о НИР за 1943 г., Я.М. Боровский подготовил сообщение «К толкованию сатир Горация», Г.А. Стратановский «К толкованию Monumentum Ancusumanum», И.М. Тронский «Пережиточные моменты в употреблении множественного числа в греческом и латинском языках»¹²⁶. Вероятно, поэтому в общих годовых отчетах филологического факультета не дается оценка кафедре классической филологии, а о ее научной работе говорится абстрактно, вскользь и между прочим. Например, в отчете за 1942 г. содержатся следующие строки: «Много внимания было отдано исследованиям по фольклору и по классической филологии (В.Я. Пропп, И.М. Тронский, Я.М. Боровский, И.М. Колесницкая)»¹²⁷.

В сохранившихся документах имеются лишь общие формулировки тем, поэтому не представляется возможным выяснить содержание докладов. Но этих формулировок вполне достаточно

¹²³ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 730. Л. 16.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 807. Л. 87.

¹²⁶ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 805.

¹²⁷ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 730. Л. 16 об.

для понимания избранного эвакуированными филологами-классиками способа адаптации к действительности. Даже в период сильных эмоциональных, бытовых, физических потрясений они стремились организовать вокруг себя прежнюю повседневность и не потерять лицо ученого. Отношение заведующего кафедрой И.М. Тронского к популярным темам пропагандистского характера можно понять из строчек ироничного характера, содержащихся в упомянутом выше письме к Е.А. Миллиор: «Все ожидали мы приезда Солом[она] Яковлевича, но он что-то не едет и почивает на своих иркутских лаврах, расправившись с Платоном и Аристотелем, к[ото]рых он произвел в античные предшественники фашизма»¹²⁸. Далее автор сообщает о своих планах: «Собираюсь в 1943 г. заниматься тем, что по местным условиям возможно: кое-что лингвистическое, затем облюбовал себе Эсхила и, наконец, хочу попробовать темы антично-русских отношений, в частности вопрос о взглядах шестидесятников — Добролюбова, Чернышевского (Саратов!) и др. на античную культуру и об отражении этих взглядов в методологии русских филологов-классиков»¹²⁹.

Несмотря на трудности, сведения о своей деятельности И.М. Тронский обобщит следующей фразой: «Работаем здесь полным ходом, поскольку речь идет об *университетских занятиях* [курсив наш. — Авт.]»¹³⁰. Последние слова выражают желание человека, их написавшего, следовать профессиональным стандартам преподавателя университета даже в период войны. Под руководством И.М. Тронского в начале 1944 г. была защищена кандидатская диссертация по классической филологии выпускницей кафедры Т.Н. Чикалиной «Структура предложения в памятниках древнейшего римского права». Тема латинского синтаксиса стала одной из коллективных тем кафедры классической филологии ЛГУ еще в 1939 г.¹³¹, а через год Чикалина стала аспиранткой. В тексте самой работы не прослеживается налета военного времени. В первой главе автор анализирует неопределенно-личное употребление 3-го лица единственного числа активного залога, характерное для древнего законодательства, во второй — на основании статей, посвященных предписаниям

¹²⁸ Из «ижевского» архива Елены (Нелли) Миллиор 2000, 79.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Там же. С. 78.

¹³¹ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 518. Л. 5 об.

и запретам, выявляет генезис вокатива, императива, условного предложения, а также возможности употребления отрицания при императиве, наконец, в третьей — изучает вопросительное предложение на основе вопросо-ответных формул при договоре *stipulatio*¹³². Конечно, диссертант в ходе подготовки исследования встретила с проблемой недостатка литературы в Саратове, но ей удалось на лето 1943 г. получить командировку в Казань, где имелись основные книги на иностранных языках по специальности до 1920 г. издания¹³³. Там же она смогла проконсультироваться по возникшим вопросам с И.И. Толстым.

Не имея возможности в полной мере заниматься излюбленными научными сюжетами, И.М. Тронский изучал вопросы рецепции античности, продолжал совершенствовать свое учебное пособие по истории античной литературы и концептуально осмысливать его. На юбилейной научной сессии в честь 125-летия Ленинградского университета (февраль 1944 г.) он сделал доклад о стадийном развитии античной литературы. По его словам, «изучение античной литературы в ее стадийно закономерных движениях и стадийно обусловленной ограниченности позволило конкретизировать в применении к литературе мысль К. Маркса об античном обществе как особой ступени развития в истории человечества», а греческая и римская литература должны рассматриваться как два варианта стадийно единого процесса¹³⁴. Проведенный в разгар войны с помпой юбилей Ленинградского университета¹³⁵ явился поводом для актуализации истории отдельных его кафедр и научных направлений, что позволяло установить связь между различными поколениями, консолидировать сообщество универсантов¹³⁶. Советский период истории науки позиционировался как логичное продолжение дореволюционной российской науки. Ленинградские ученые середины XX в. представлялись наследниками своих великих предшественников. И это обстоятельство лишней раз подталкивало к соблюдению тех научных принципов и методик, которые отстаивали учителя и на которых зиждились достойные научные открытия. Поэтому, думается, не случайно в 1944 г. кафедрой классической филологии

¹³² ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1803. Л. 2.

¹³³ РО ИРЛ. Ф. 607. Оп. 1. Д. 447. Л. 2.

¹³⁴ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1074. Л. 107 об.

¹³⁵ Тихонов 2003, 440—441.

¹³⁶ Репина 2017, 144—146.

на три года была определена респектабельная научная тема «Лукреций», вписывавшаяся в ряд тогдашних юбилеев великих личностей и вместе с тем служившая одной из ниш, в которой можно было продолжить разработку традиционной научной проблематики.

Интерес к этому античному автору И.М. Тронский, руководитель группы, обосновывал с нескольких позиций: 1) с точки зрения господствующей в Советском Союзе марксистской философии произведение Лукреция «О природе вещей» представляет несомненный интерес, так как здесь изложен античный атомизм в его самой развитой форме; 2) вклад в филологическую науку мог быть внесен путем изучения жанра «философской поэмы» как определенной ступени в истории художественного освоения действительности; наконец, 3) 1945/46 год является юбилейным в связи с двухтысячелетием смерти поэта. В таком обосновании видится четко выверенная стратегия по актуализации далеких во временном и проблемном отношении тем: следовало показать важность для марксизма — идеологической основы советского государства и общества, теоретическую значимость для общей филологической науки, а также подчеркнуть значимость для мировой науки, вследствие чего участие советских ученых в «мировых» проектах выглядело вполне закономерно. Последний аргумент приобрел особую важность после победы Советского Союза в Великой Отечественной войне и последовавших геополитических изменений в мире. Грамотно продуманное обоснование темы стало своеобразным «прикрытием», позволявшим, например, Я.М. Боровскому изучать не идеологическую и социальную подоплеку произведения Лукреция, а сконцентрироваться на вопросе, «как отвлеченный смысл учения выражается в поэтическом слове <...> каким образом точная аргументация перемежается и обогащается живыми образами <...> где и почему за изложением глубоко усвоенного чужого учения можно обнаружить собственное мироощущение человека и поэта», тем самым продолжая научную школу своего учителя Ф.Ф. Зелинского¹³⁷.

Широкое наименование самой темы, состоящей лишь из одного слова «Лукреций», предоставляло широту выбора проблематики для докладов и статей. Так, С.Я. Лурье, занимаясь специально Демокритом, разрабатывал аспект «Лукреций и Демокрит»,

¹³⁷ Верлинский 2004, 78.

И.М. Тронский исследовал текстологию и синтаксические особенности поэмы¹³⁸. Заявленного в плане срока исполнения в несколько лет было явно недостаточно для комплексного изучения Лукреция. Формально разработка темы была завершена в год 2000-летия со дня смерти Лукреция — в 1946 г. Именно в этот год 21—22 октября кафедра классической филологии ЛГУ почтила память позднереспубликанского автора проведением специальной научной сессии, где выступили с докладами: И.М. Тронский («Вступление к поэме Лукреция»), Я.М. Боровский («Образ Эпикура у Лукреция»), С.Я. Лурье («Лукреций и Джордано Бруно»)¹³⁹. Я.М. Боровский занимался теми или иными аспектами творчества Лукреция и позже, издав за период 1941—1967 гг. 9 работ¹⁴⁰.

В качестве сравнительного материала приведем данные по кафедре классической филологии МГУ. На заседании 4 мая 1942 г. кафедра постановила воспитательную работу проводить по двум направлениям. Во-первых, поднятие общей культуры студенчества. Во-вторых, воспитание патриотизма, военной доблести и самоотверженности. Второе направление решено было реализовывать прежде всего путем чтения специальных лекций по античной культуре с изображением героизма и самоотверженности греков и римлян. Тексты с соответствующими сюжетами советовалось брать для занятий по переводу и комментированию древних авторов. Преподавателям рекомендовалось активнее использовать визуальный материал — изображения памятников античного искусства, показывающие идеалы физической и моральной красоты, а также военной доблести. На заседаниях кафедры планировалось заслушивать доклады на темы войны, патриотизма и «разоблачения фашистских лжеучений об античном мире»¹⁴¹. Решение кафедры не осталось лишь на бумаге и в скором времени начало исполняться. На заседании 11 мая 1942 г. С.И. Радциг сделал доклад «Образы патриотизма, военной доблести и самопожертвования в поэзии древних греков». В обсуждении присутствующие отметили «удачно подобранные сведения о воззрениях древних греков на обязанности гражданина, идеалы борца и защитника отечества, выполнения долга перед

---

¹³⁸ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1074. Л. 107 об.

¹³⁹ Тронский 1947, 203—205.

¹⁴⁰ Верлинский 2004, 69.

¹⁴¹ ОР РГБ. Ф. 662. Картон 21. Ед. хр. 9. Л. 11.

родиной»¹⁴². Тот же автор 21 января 1943 г. предложил слушателям «Опровержение фашистских теорий в отношении античного мира». 17 марта 1943 г. Л.П. Богоявленский прочитал доклад «Г. Юлий Цезарь как полководец, дипломат, агитатор, тактик по данным 1 книги “Записок о Гражданской войне”»¹⁴³. Как следует из протокола, выступающий обосновывал, что в основе деятельности Цезаря лежало знание массовой и индивидуальной психики «своих» и «чужих» воинов. По мнению Богоявленского, римский полководец учитывал психологию удачи и неудачи, психологию толпы, психологию местного населения. Далее автор доклада, стремясь актуализировать античность, сравнивал Цезаря с А.В. Суворовым и М.И. Кутузовым — якобы такой подход позволяет глубже понять тактику римского полководца, основанную на знании человеческой психики¹⁴⁴.

Конечно, такие доклады на заседаниях кафедры не превалировали¹⁴⁵, а с 1944 г. и вовсе отсутствовали. Их появление можно легко объяснить директивами, спущенными «сверху». Однако, как кажется, такое объяснение упрощает ситуацию и представляет ученых простыми исполнителями воли государственных лиц. Внешние обстоятельства и фон жизни и деятельности так или иначе оказывают воздействие на характер научного творчества. Приведем выдержку из письма К.М. Колобовой своей близкой подруге Е.А. Миллиор, написанного 27 апреля 1943 г.: «Никогда еще, несмотря на физическое ослабление, накал мысли не был так ярок, и, если бы была возможность, я бы писала дни и ночи, так многое хочется сказать и современникам, и потомкам. Античность для меня стала формой, но содержание ее — мысль современника, мысль убежденного советского человека, и поэтому все вокруг меня выглядит иначе и обо всем старом хочется говорить новыми словами»¹⁴⁶. В этих словах нетрудно увидеть определенный психологический подъем и желание переосмыслить ряд

¹⁴² Там же. Л. 14.

¹⁴³ ОР РГБ. Ф. 662. Картон 21. Ед. хр. 10. Л. 1—2.

¹⁴⁴ Там же. Л. 6—6 об.

¹⁴⁵ Все же большинство докладов на кафедре было посвящено традиционным научным филологическим вопросам, как, например: «Миф о дочерях Даная и связанные с ним мифы в свете современной науки (к истории сюжета трагедии Эсхила “Просительницы”» (С.И. Радциг), «Римские литературные нравы в изображении Марциала» (Ф.А. Петровский) (ОР РГБ. Ф. 662. Картон 21. Ед. хр. 10. Л. 9—10) и т. п.

¹⁴⁶ РО ИРЛ. Ф. 607. Оп. 1. Д. 439. Л. 8 об.

ранее выдвигавшихся идей. Автор письма убеждена, что древних греков и римлян она стала лучше понимать благодаря изменившимся условиям: по ее мнению, люди разных исторических периодов, помещенные в сходные условия, будут иметь одинаковые мысли и чувства. Эмоциональное сопереживание настолько приближало человека далекой эпохи, что рождало обманчивое представление о проникновении в его сознание, понимании его мировоззрения. Этому способствовала превалирующая в античных текстах военная тематика. Конечно, стратегии жизни и творчества у ученых-гуманитариев в военное время были различны: одни — переключились на пропагандистскую работу, другие — использовали турбулентный период для достижения эгоистических целей, третьи же продолжали занятия традиционной наукой. Государство снисходительно относилось к последним. Даже в условиях войны большая часть ученых-филологов стремилась следовать своим жизненным и научным принципам. Оптимистичная фраза И.М. Тронского «Работаем здесь полным ходом» свидетельствует, конечно, не о восстановлении в полной мере научного быта, а о желании ученых погрузиться, насколько позволяют обстоятельства, в научное творчество, дистанцируясь от официальной идеологии и пропагандистского шума. С этой целью и выбирается в 1943 г. Лукреций как объект исследования кафедры.

2.4. Античность в школьном историческом образовании в годы войны

Перед учителями средней школы стояла прежде всего задача воспитания учащихся как членов советского общества, а для этого, кроме всего прочего, требовалось объяснить учащимся доходчиво исторический процесс с точки зрения материалистического подхода, а также в связи с актуальными политическими задачами. В объяснительной записке к школьным программам по истории указывалось, что «на учителя возлагается задача — воспитать юношей и девушек как подлинных патриотов, безгранично любящих нашу Родину, на героических традициях прошлого народов СССР и прогрессивного человечества», а также «воспитывать в учащихся чувство священной ненависти к фашистским захватчикам, вероломно вторгшимся в нашу страну, временно захватившим часть нашей территории и осквернившим

ее своими неслыханными злодеяниями»¹⁴⁷. М.И. Калинин подчеркивал: «Учитель, преподавая историю, заставил школьников пережить прошлое народа, когда он зажег в их глазах огонь гордости славными победами наших войск и талантами наших полководцев»¹⁴⁸. О высокой роли и значении учителя говорит и то обстоятельство, что в 1943 г. правительство подняло им заработную плату¹⁴⁹.

Уже в 1941 г. Наркоматом просвещения были пересмотрены учебные планы и программы для всех типов общеобразовательных школ: исключались «второстепенные» предметы (во всех классах — рисование и пение; в 6—7-х классах — черчение, в 9-м классе — основы дарвинизма); история, география и естествознание становились отдельными предметами уже в 4-м классе¹⁵⁰. История древнего мира же изучалась в 5—6-х классах, когда учащимся было 11—12 лет. В связи с этим в преподавании важное место имеют яркие образы, занимательные сюжеты, интересные сведения, но не научные рассуждения. Заметим, что в годы войны наблюдался недостаток наглядных материалов и даже учебной литературы¹⁵¹, основным источником информации оказывался учитель. От степени владения им педагогическими приемами зависел и успех конечной цели, поэтому на высшем уровне важное внимание уделялось разработке методических указаний.

Советский историк, член ВКП(б), член-корреспондент АН СССР А.М. Панкратова выделила несколько ключевых задач, стоящих перед средней школой. Во-первых, это разоблачение теорий, сформировавшихся в Германии и Италии, при помощи которых агрессоры объясняли свои претензии на господство, «недоразвитость» славян или гонения на евреев и доказывали особое положение в мире и истории немцев или итальянцев. Причем разоблачением должны были заниматься не только ученые, но и учителя. Во-вторых, следовало объяснить ученикам само понятие «война», рассказать о способах ее ведения в древности и факторы победы той или иной стороны. Этот материал подавался через призму ленинского учения о войне, в

---

¹⁴⁷ Цит. по: Огоновская 2015, 259—260.

¹⁴⁸ Калинин 1975, 140.

¹⁴⁹ Овчинников 2020, 11.

¹⁵⁰ Огоновская 2015, 260.

¹⁵¹ Жукова 2014, 73.

соответствии с которым войны делились на справедливые и несправедливые, захватнические и национально-освободительные. Поскольку в этих рассуждениях войны представлялись однотипными по своей сути и сопутствующими всей истории человечества, то в них всегда проявлялся героизм народов или конкретных личностей перед лицом врага. В-третьих, предстояло доказать ученикам историческую неизбежность поражения фашизма, но фундированно с точки зрения учения исторического материализма. Так патриотическое воспитание увязывалось с идеологией.

Об актуализации исторического материала в связи с вопросами современности особо говорили на совещании историков Пермской железной дороги¹⁵². Предостережение от искусственного подхода к проблеме и формализма высказывала одна из авторов методических указаний П.И. Циликаина: «Необходимо выделить важнейшие темы, а внутри — важнейшие вопросы, изучение которых поможет учащимся не только представить историю той или иной эпохи, но и правильно подойти к оценке современной действительности»¹⁵³. Предполагалось не просто заострять внимание на актуальных проблемах, а выводить их из конкретного исторического материала, отталкиваясь именно от исторических фактов. Помня о недостатках «разоблаченной» «школы Покровского», историки указывали на Постановление СНК от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР», в соответствии с которым изложение истории не должно нести схематичный и отвлеченный характер, а проходить в занимательной форме и изобиловать фактами¹⁵⁴.

Более конкретно задачи средней школы изложены в статьях А.М. Панкратовой и В.И. Авдиева, опубликованных на страницах «Исторического журнала» в 1942 г. Это издание до Великой Отечественной войны имело специальный раздел «История в школе», где печатались методические рекомендации. В годы войны на страницах журнала методика преподавания стала меньше освещаться, поскольку издание выполняло организационно-идеологическую роль. Печатались те работы историков, тематика которых была тесно связана с войной против фашизма, что убедительно продемонстрировал Г.Д. Бурдей¹⁵⁵. Кроме того,

---

¹⁵² Наумов 1943, 4.

¹⁵³ Циликаина 1942, 2.

¹⁵⁴ Наумов 1943, 4.

¹⁵⁵ Бурдей 1995.

сотрудники алма-атинской и ташкентской групп Института истории АН СССР, как и другие профессора эвакуированных университетов, регулярно выступали перед учителями с лекциями об особенностях трактовки того или иного исторического периода, а также выпускали методические пособия, призванные помочь организовать работу на уроке¹⁵⁶. Тем же занимался и профессорско-преподавательский состав исторического факультета МГУ¹⁵⁷.

Выступления профессоров, а также статьи на страницах «Исторического журнала» стали основой изданных местными органами власти в годы войны учебно-методических пособий по преподаванию истории. К сожалению, эти брошюры выходили малыми тиражами и на некачественной бумаге, многие сегодня списаны из фондов библиотек. Учебное же пособие по истории древнего мира, изданное в это время под авторством А.В. Мишулина¹⁵⁸, имеет конкретно историческое содержание и минимум программных высказываний относительно войны, но при этом включает ряд тем, важных для идеологического воспитания советских школьников.

Наиболее интересным для нашего исследования представляется статья В.И. Авдиева, историка, довольно близкого к власти¹⁵⁹. В начале войны в письме И.В. Сталину он заявил о желании использовать свои знания в области идеологической борьбы с фашизмом¹⁶⁰, что выразилось впоследствии в ряде статей, опубликованных на страницах «Исторического журнала». Однако важно отметить, что не только актуальные события определили проблематику методических статей Авдиева, но и ситуация в науке о древности, сложившаяся в 1930-х гг. В этом контексте следует вспомнить слова И.В. Сталина, произнесенные на съезде колхозников-ударников в 1933 г.: «Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся»¹⁶¹. Историки древности подхватили произнесенные Сталиным слова и стали опираться на них в своих построениях при изучении древних обществ¹⁶².

---

¹⁵⁶ Метель 2021, 142.

¹⁵⁷ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 2. Д. 3. Л. 36—52.

¹⁵⁸ Мишулин 1943а.

¹⁵⁹ Ладынин, Тимофеева 2017, 385.

¹⁶⁰ Тимофеева 2014, 69.

¹⁶¹ Цит. по: Крих 2013, 119.

¹⁶² Там же. С. 121.

В.И. Авдиев, как пишет И.А. Ладынин, также с глубоким энтузиазмом принял слова «вождя» и опирался на них в своих работах¹⁶³.

Советские историки стремились разоблачать и концепции своих немецких коллег. Говоря о фальсификациях ученых из противоположного лагеря, А.М. Панкратова заявляла, что фашисты ополчились против объективного исторического подхода, ликвидировав историю как науку и заменив ее рядом тенденциозно подобранных исторических фактов или, чаще всего, прямых фальсификаций об избранности германцев и их исключительной исторической роли как «высшей расы». С точки зрения исследовательницы, антропологические, этнографические и лингвистические факты ясно показывают, что германцы в древности и в более позднее время представляли собой далеко не однородную в расово-этническом и культурном отношении массу, а являлись лишь конгломератом разных племен и рас¹⁶⁴. А значит, мнение немецких ученых об уникальности и особой роли немцев как наследников древних германцев несостоятельно: в становлении германской нации играли роль и другие этнические субстраты. К числу фальсификаций фашистских ученых ташкентский историк Ю.А. Соколов относил и претензии Б. Муссолини на преемственность современной Италии с Римской империей: «вражеские историки», по его мнению, ложно заявляли о создании Рима силами жителей Лациума, умышленно игнорируя при этом роль и значение других народов Средиземноморского бассейна¹⁶⁵, — данное наблюдение совпадает с мыслями А.М. Панкратовой относительно древних германцев. Примечательны в этом смысле появляющиеся в данных статьях сравнения с СССР, который официально объявлялся союзом свободных и равных народов. Таким образом, советские ученые пропагандировали идею о сильном государстве как результате сотрудничества самых разных народов, примером чему был, по их мнению, Советский Союз, а значит, по логике авторов, факты истории свидетельствуют в пользу приоритетности Советского государства. Суждение же противоположного лагеря, где господствовала мысль о главенствующей роли одного, наиболее выдающегося народа, объявлялось ложным. Другими словами,

---

¹⁶³ Ладынин 2020, 7.

¹⁶⁴ Панкратова 1942, 146.

¹⁶⁵ Соколов 1942, 2.

фашистской историографии отказывалось в научном статусе, ее положения объявлялись бездоказательными.

При проведении уроков по древней истории, таким образом, предлагалось обратить пристальное внимание на тему «Древние германцы», для чего педагогам следовало проштудировать одноименную работу Ф. Энгельса. Сообщения античных авторов, по мнению Ю.А. Соколова, подрывали представления немецкой пропаганды о германцах как о народе, обладающем высоким воинским духом и непревзойденной культурой. Приводя цитату из Веллея Патеркула, советский историк ссылается на Ф. Энгельса, что само по себе является примечательным: «Германцы при всей своей дикости — настоящие продурные бестии и словно созданы для лжи»¹⁶⁶. Подобные эмоционально сильные фразы, которые эффективнее должны были воздействовать на формирующиеся личности школьников, чем рациональные рассуждения, нацеливались на доказательство несостоятельности идеологии фашизма, строящейся вокруг идей о превосходстве германской расы¹⁶⁷. По мнению Ю.А. Соколова, «фашистские фальсификаторы» приписывали древним германцам, находившимся в то время в состоянии варварства, первенствующую роль в развитии военной техники и стратегии в древнем мире¹⁶⁸.

По словам В.И. Авдиева, при изучении проблемы культурного наследия каждому становится ясным, насколько бессмысленны, неисторичны и ложны утверждения фашистских историков о том, что «нордическая раса» есть «высшая героическая раса» и что якобы она одна создала всю мировую культуру. Историк стремился здесь актуализировать и свое научное направление — востоковедение: просматривается желание отойти от европоцентричного подхода и восприятия стран Азии и Африки как мировой периферии. Именно культуре древневосточных народов, по словам В.И. Авдеева, нужно уделить большое внимание, демонстрируя тем самым, что именно она легла в основу античной, что греки много заимствовали на Востоке и

---

¹⁶⁶ Там же. Предложение из Веллея Патеркула: «At illi, quod nisi expertus vix credat, in summa feritate versutissimi natumque mendacio genus» (Vell. II. CXVIII. 1) — точнее можно перевести так: «Но они — едва ли поверит тот, кто сам не испытал, — при крайней дикости были племенем чрезвычайно хитроумным и словно рожденным ко лжи» (пер. В.А. Конопаткина).

¹⁶⁷ Наумов 1943, 14.

¹⁶⁸ Там же. С. 16.

в свою очередь многое дали Риму¹⁶⁹. Принципиальный отказ от ранжирования государств, учет Советским Союзом культурных традиций стран, находившихся долгое время под колониальной зависимостью, имел и политическую перспективу — налаживание доверительных отношений с соседями и распространение в конечном счете своего влияния.

В связи с разоблачением немецких историков имели значение темы, посвященные славянам. Педагогу, по мнению методистов, следовало сформировать у учащихся представление о классификации славянских народов — делении их на восточных, западных и южных — с тем, чтобы к школьникам пришло осознание масштаба силы, борющейся с фашистской Германией. В качестве иллюстративного материала использовались выдержки из агитационных речей лидеров славянских народов на Всеславянском митинге в Москве 4 апреля 1942 года¹⁷⁰. Подобранный материал нацеливался на опровержение тезиса фашистской пропаганды о низких качествах славян как этноса.

Особую актуальность приобретала тема «Царство израильское и иудейское», при изучении которой представлялось важным отметить высокоразвитую культуру евреев, указать причины антисемитизма гитлеровской Германии, рассказать об антифашистском еврейском митинге в Москве в сентябре 1941 г., о стремлении фашистов уничтожить все еврейское население Европы и о мерах, предпринятых демократическими странами против этого «зверства»¹⁷¹. Учащимся для углубленного изучения материала рекомендовалась книга популярного в СССР писателя Л. Фейхтвангера «Иудейская война»¹⁷².

Другой важной частью преподавания древней истории в школе становилась проблема классификации войн. А.М. Панкратова отмечала, что в школьном курсе важны темы, посвященные истории освободительных войн народов Советского Союза, и темы, связанные с пониманием справедливых и несправедливых войн. Примечательно, что, как и в случае с Авдиевым, рассмотрение этой проблематики Панкратовой обуславливалось не только актуальной темой борьбы с фашистскими захватчиками, но и конкретными интересами исследователи-

¹⁶⁹ Авдиев, Косминский, Ефимов 1942, 124.

¹⁷⁰ Там же. С. 125.

¹⁷¹ Наумов 1943, 14.

¹⁷² Наумов 1943, 48; Соколов 1943, 15.

цы как непримиримого идеологического бойца и бдительного коммуниста.

По мнению В.И. Авдиева, следовало четко классифицировать войны в древности: показать, что одни были захватническими, грабительскими, несправедливыми и реакционными, а другие — отечественными, освободительными, справедливыми. Историк акцентировал внимание на том, что, например, войны ассирийцев являлись грабительскими и захватническими, поэтому привели к падению ассирийских царей. То же самое, в его представлении, являл опыт империи Александра Македонского и Рима¹⁷³. Поэтому при изучении темы образования восточных деспотий, а также походов Александра Македонского и завоеваний Рима, с точки зрения В.И. Авдиева, следовало резче подчеркнуть мысль, что все попытки создать при помощи оружия мировые империи неизменно кончались крахом в силу сопротивления завоеванных народов¹⁷⁴.

Ю.А. Соколов в своем методическом пособии обращает внимание на возрастные особенности школьников и отмечает, что в 5—7-х классах учащиеся не способны понять большевистское учение о войне в полном объеме, поэтому преподаватель должен сосредоточиться на конкретной истории, дабы наглядно продемонстрировать специфику разнообразного характера войн. Он приводит примеры борьбы народа за сохранение своей независимости: войны греков против персидских захватчиков; войны согдийцев, бактриан, даев и многих других против македонцев; борьбу испанского народа против Рима — все это войны несправедливые, которые велись для захвата колоний, рабов, ценностей, рынков в своих классовых интересах. С его точки зрения, необходимо резко подчеркнуть факты возникновения союзов между правящими классами государства-захватчика и эксплуататорской верхушкой покоренных народов¹⁷⁵. Таким образом внешнеполитический аспект вписывается в марксистскую теорию.

Ю.А. Соколов приводит и другой пример. Греко-персидские войны для эллинов были справедливые, для персов — захватнические, а значит, несправедливые. Такая незамысловатая классификация соответствовала духу времени — упрощению исторического процесса в пропагандистских целях, что легко

¹⁷³ Авдиев, Косминский, Ефимов 1942, 124.

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Соколов 1943, 14.

усваивалось обучающимися. Пунические же войны трактовались как несправедливые для обеих сторон, поскольку и Рим, и Карфаген ставили своей целью поработение народов и захват территорий¹⁷⁶. Исторический материал, по мнению Ю.А. Соколова, свидетельствовал, что все попытки при помощи оружия создать мировые империи неизменно кончались крахом в силу сопротивления завоеванных народов: объединение народов должно было строиться на иных началах¹⁷⁷. Потому оказывались важны и такие темы, как: «Завоевания Александра Македонского», «Пунические войны», «Падение Западной Римской империи». Для внеклассного чтения рекомендовалась работа М.П. Баскина «Войны справедливые и несправедливые» (М.: Госполитиздат, 1939. 56 с.).

В этом ключе огромную значимость имела тема «Греко-персидские войны». Разбирая материал, следовало заострить внимание учеников, почему победила маленькая Греция сильную Персию. При этом проводилась параллель с современностью: героическая партизанская война греков с фашистскими оккупантами¹⁷⁸. Древние Греко-персидские войны позволяли показать прекрасный пример античной освободительной войны, имевшей огромное моральное значение, так как они воспитали в победителях чувство благородного патриотизма и национальной сплоченности. Недаром, по словам В.И. Авдиева, имена Леонида, Мильгиада и Фемистокла вошли в мировую историю как имена великих патриотов свободолюбивого греческого народа, всегда боровшегося за свою независимость¹⁷⁹.

Кроме того, при рассмотрении военной тематики, по мнению авторов, важно было заострить внимание и на технических вопросах. В процессе рассказа полагалось подчеркивать техническую слабость персидского флота и отсталость военной тактики персов, заострить внимание на качествах спартанцев-воинов: физической крепости, выдержке, смелости, совершенстве владения оружием, доблести и чувстве гражданского долга¹⁸⁰. Следовало показать учащимся огромное значение военных технологий. Этому должны были способствовать рассказы о боевых

---

¹⁷⁶ Там же. С. 5.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Наумов 1943, 14.

¹⁷⁹ Авдиев, Косминский, Ефимов 1942, 124.

¹⁸⁰ Соколов 1943, 13.

колесницах, македонской и римской фалангах. Военная организация квиритов рассматривалась как высшее военное достижение древности¹⁸¹. Обозначенные аспекты укладывались в ленинскую теорию войн. Ведение грабительских и захватнических войн являлось признаком архаичных обществ, которые существовали только за счет экспансии и эксплуатации покоренных народов, но при этом не имели никаких качественных преимуществ, поскольку подобный тип существования препятствовал прогрессу. Более того — захватчики оказывались всегда неумелыми воинами в отличие, например, от спартанцев, для которых оборонительный и патриотический характер войны способствовал повышению боевых качеств. Любопытно, что вопросы завоевания спартанцами Лаконики и Мессении и эксплуатации коренного населения илотов умалчивались, хотя тема рабства для советских историков, изучающих древний мир, являлась ключевой.

Конечно, исходя из теории войн, советский народ позиционировался как сторона, ведущая справедливую и освободительную войну, а Германия — захватническую и грабительскую. Древняя история должна была показать бесперспективность последних. Материал далеких веков однозначно приводил к выводу, что победа всегда стоит на стороне защитников отечества и свободы, которые, побужденные высокими мотивами, проявляли героизм и самоотверженность. Такой вывод приобретал как бы характер научного за счет большого количество доказательств из истории. Преподавание названных тем должно было внушить ученикам неизбежность победы СССР в войне, во-первых, ввиду ее освободительного и справедливого характера, а во-вторых, благодаря героизму, который всегда свойственен защитникам родины. Поэтому еще и крайне важно было преподносить сюжеты, посвященные деятельности отдельных исторических лиц, представляющие собой вдохновляющие образцы героической борьбы за независимость, честь и свободу своей родины¹⁸².

Даже тема «Греческие мифы» приобретала актуальный характер. В этом контексте, по мнению А. Наумова, важен миф об Антее. Как известно, Антей — это великан, который побеждал чужестранцев в сражениях благодаря силе, появляющейся от соприкосновения с Матерью-Землей. О мифологическом герое обмолвился сам И.В. Сталин: «Я думаю, что большевики на-

¹⁸¹ Там же. С. 11.

¹⁸² Панкратова 1942, 148.

поминают нам героя греческой мифологии Антея. Они так же, как и Антей, сильны тем, что держат связь со своей матерью, с массами, которые породили, вскормили и воспитали их. И пока они держат связь со своей матерью, с народом, они имеют все шансы на то, чтобы остаться непобедимыми»¹⁸³. Эти слова были произнесены в 1937 г., однако в годы войны о них снова вспомнили и наделили новым смыслом: Антей воплощал собой весь советский народ и советскую армию, а Гея — Советский Союз.

Не менее важной задачей преподавателей древней истории оказывалось раскрытие школьникам законов исторического процесса в соответствии с теорией исторического материализма. Педагогам следовало заострять значительное внимание на темах, рисующих борьбу прогрессивных исторических сил против отживших реакционных классов¹⁸⁴. Особую актуальность в связи с этим приобретало рабовладение в древнем мире. Только изучая историю древнего мира под углом зрения классовой борьбы, полагалось возможным понять основные формы эксплуатации рабского труда и громадное значение «революции рабов»¹⁸⁵. Учителю было важно показать, что рабовладельческий строй в свое время был прогрессивным по отношению к предшествующему ему первобытнообщинному, но давно изжил себя и был уничтожен более полутора тысяч лет назад. Поэтому идея фашистов о восстановлении рабства в современном обществе являлась «реакционнейшей», противоречащей прогрессу, а значит, обреченной на провал¹⁸⁶. На примерах восстаний рабов в Греции и Риме следовало показать тесную внутреннюю связь между тяжелой эксплуатацией рабского труда и военной политикой древних государств. Методистами выстраивалась следующая логика: захватнические войны приводили к увеличению количества рабов и к усилению рабовладения, а военные неудачи и поражения создавали обстановку, которая благоприятствовала восстаниям бесправного населения¹⁸⁷. Историческое развитие как бы наглядно демонстрировало, что рабовладение, возрождаемое нацистами, предполагало вызревание в государстве внутренних сил, которые приведут к «революции рабов» и смене

---

¹⁸³ Наумов 1943, 14.

¹⁸⁴ Панкратова 1942, 148.

¹⁸⁵ Авдиев, Косминский, Ефимов 1942, 122.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ Там же.

социально-политического режима, поскольку рабовладельческий строй реакционен по своей сути и всегда будет уступать более прогрессивным силам — так выстраивается исторический процесс в соответствии с законами исторического материализма.

В контексте раскрытия сущности деспотического общества, по мнению В.И. Авдиева, учитель должен объяснить, что термин «деспотия» означает государство, возглавляемое царем, власть которого считалась неограниченной и приравнивалась к власти богов. Рассмотрение обозначенного вопроса дает возможность коснуться вопроса о государственном строе, религии древних египтян и об устройстве древнеегипетского общества, проявлении классовой борьбы в котором, естественно, являлись восстания рабов и бедняков¹⁸⁸. При этом учитель не должен был забывать, что абсолютно неправильны попытки фашистских «историков» идеализировать рабовладение и рабовладельческое государство Древнего Востока, ибо подобные размышления резко противоречат историческим фактам¹⁸⁹.

Особенности общественного устройства древнего общества, по мнению методистов военного времени, свидетельствовали не только о неизбежности его падения вследствие вызревания противоречий внутри производительных сил. Рабовладельческий строй также сказывался на характере и тактике войн, техническом оснащении вооруженных сил, экономике государства. Рассматривая войны древности, учителю следовало подчеркивать все нарастающую губительность войн, все большее вовлечение тыла в войну и, как следствие, военные столкновения в условиях классового общества. Потому полагалось, что необходимо ясно показать учащимся иной характер революционных войн, их прогрессивное значение и народное происхождение с сопутствующим им ростом массового крестьянского и рабочего партизанского движения¹⁹⁰. Следовало оттенить, как постепенно, вместе с ростом пролетариата и степени его организованности, расширялись и углублялись цели революционных войн¹⁹¹.

Исходя из приведенных построений, немцы не могли обладать техническим превосходством на военном поприще, поскольку в основе их производства лежали отжившие свой век

---

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Соколов 1943, 14.

¹⁹¹ Там же.

производственные силы, основанные на рабовладении. В данном контексте представлялось уместным привести сравнение с современной борьбой советского и других пострадавших от нацизма народов, поскольку именно эти народы стремились сохранить не только свою свободу, но и избавиться от эксплуатации, имеющейся в классовом обществе.

Ввиду всего вышеизложенного подчеркивалась важность таких тем, как «Рабство» и «Положение рабов». Указывалось, что учитель при изложении рабовладельческой идеологии должен был интерпретировать ее и как основу фашистского мировоззрения, скрывавшегося за «расовой теорией»¹⁹². Доказательством этому служило сопоставление положения римских рабов с положением населения на оккупированных фашистами землях¹⁹³. Особое значение должно было придаваться и причинам падения рабовладельческих режимов, в особенности теме «Причины гибели Римской империи». Предполагалось уместным вспомнить на уроке и довести до учащихся следующую мысль И.В. Сталина об одной из причин гибели рабства:

Известно, что старый Рим точно так же смотрел на предков нынешних германцев и французов, как смотрят теперь представители «высшей расы» на славянские племена. Известно, что старый Рим третировал их «низшей расой», «варварами», призванными быть в вечном подчинении «высшей расе», великому Риму, причем, между нами будь сказано, — старый Рим имел для этого некоторое основание, чего нельзя сказать о представителях нынешней «высшей расы». А что из этого вышло? Вышло то, что не римляне, т. е. все «варвары», объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим. Спрашивается: где гарантия, что претензии представителей нынешней «высшей расы» не приведут к тем же плачевным результатам? Где гарантия, что фашистско-литературным политикам в Берлине не посчастливится больше, чем старым и испытанным завоевателям в Риме? Не вернее ли будет предположить обратное?¹⁹⁴

Интересно, что это высказывание рекомендовалось использовать в контексте темы, посвященной рабовладению, однако приведенные выше слова И.В. Сталина резко контрастировали с его же пассажем о «революции рабов» (1933), уже приводимом нами. Вместо социально-классового понимания событий падения

¹⁹² Наумов 1943, 15.

¹⁹³ Там же. С. 16.

¹⁹⁴ Цит. по: Наумов 1943, 16.

рабовладельческих обществ предлагалось национальное и военно-патриотическое¹⁹⁵. И.В. Сталин обращался к истории с чисто потребительской целью: не для анализа и уяснения опыта, а для подтверждения тех идей, которые были ему политически необходимы в той или иной ситуации¹⁹⁶. Схожим же образом к выстраиванию уроков подходили и методисты военного времени: как идея о «революции рабов», так и идея о восстании угнетенных народов оказывались полезными в стремлении доказать несостоятельность нацистского режима.

Таким образом, падение Рима обуславливалось его рабовладельческой сущностью, неспособной устоять перед более прогрессивными силами. Потому учителю при сопоставлении с актуальными для страны событиями следовало подчеркнуть полную политическую свободу граждан социалистической родины, где уничтожены всякие формы эксплуатации человека человеком, а значит, попытки превращения свободного пролетариата, живущего в условиях социалистической формации, в рабов, существовавших исключительно в рамках древних обществ, противоречат транслируемым законам исторического развития.

Советские учителя стали важнейшими работниками идеологического фронта. Уроки по истории древнего мира решали разные задачи, так или иначе способствовавшие вселению уверенности в подрастающее поколение в том, что Советский Союз находится на правильной стороне в разворачивающихся событиях. Борьба Советского Союза сравнивалась с освободительными войнами древности, где героизм отдельных людей или целых народов был связан с правильными, с точки зрения советских ученых, стремлениями к свободе от эксплуатации и сохранению своей независимости и т. п., в отличие от Германии, которая имела злые помыслы и вела грабительскую войну. История древнего мира была призвана продемонстрировать, что уже на заре человечества подобные стремления были обречены и представлялись провальными, ведь любое государство, построенное на насилии и порабощении свободных народов, неизбежно проигрывало, будь то Ассирия, империя Александра Македонского или Древний Рим.

Древняя история преподавалась детям 5—6-х классов, а это диктовало определенную методику изложения материала. Так,

¹⁹⁵ Дубровский 2017, 97.

¹⁹⁶ Там же. С. 96.

события представлялись в упрощенном виде: государства, ведущие войны в древности, объявлялись либо однозначно «хорошими», либо однозначно «плохими», в зависимости от целей учителя. Эта дихотомия создавала простор для исторических аналогий: приводились сравнения с современностью, которые для наглядности также максимально упрощались. Очевидно, ученики в разгоравшейся войне поддерживали свою страну, ради которой на фронте погибали их отцы и братья, однако требовалось дать обоснование того, что эти смерти не напрасны. В этом помогала история, позволявшая подчеркнуть неизбежность победы тех, кто занимает «правильную» сторону. Упрощенные трактовки, смелые аналогии, эмоциональные характеристики нацеливали учителя на соответствующую однозначную подачу материала. Авторы пособий актуализировали свои исторические эпохи: даже древний мир не представлялся чуждым и далеким, а полным идей, схожих с современностью. Вечные темы — войны и мира, патриотизма и предательства — представлялись лишенными историко-культурного своеобразия, а нормы морали — вечными и неизменными.

2.5. Актуализация классической филологии на заключительном этапе Великой Отечественной войны

Общеизвестно, что классическая филология после установления советской власти переживала кризисное время. Очевиден контраст между периодом ее стремительного взлета последней трети XIX — начала XX в. и 1920—1930-ми годами. Воссоздание соответствующих кафедр в ЛИФЛИ (1932) и МИФЛИ (1934) отношения к классической филологии не изменило: на эту дисциплину часто смотрели как на пережиток прошлого. Латинский и древнегреческий языки прочно ассоциировались в общественных кругах с охранительным режимом царского времени. Приходя в университет, выпускники школ 1930-х гг. выбирали «классическую филологию» по остаточному принципу. В результате отделение заканчивали единицы, быстро находившие себе место работы либо на той же кафедре, либо на факультетах/в институтах иностранных языков и в медвузах. Поэтому, на первый взгляд, может показаться необычным ряд мероприятий советского правительства середины 1940-х гг.

Еще на заключительном этапе войны, 27—29 июня 1944 г., ВКВШ при СНК СССР провел конференцию о постановке классического образования в СССР. Приказом ВКВШ от 4 ноября 1944 г. на 1944 и 1945 гг. был увеличен набор до 45 человек на классические отделения в Московском и Ленинградском университетах¹⁹⁷. Открыты классические отделения в Казани и Томске, в МГПИ им. В.И. Ленина. В конце 1940-х гг. в МГУ на основе кафедры классической филологии планировалось организовать два новых подразделения: кафедру древнегреческого языка и кафедру латинского языка¹⁹⁸. Основана специальная серия «Римские классики», в рамках которой в 1946—1948 гг. были выпущены 10 книг, представлявших комментированные издания латинских авторов. Наконец, согласно Постановлению Совета Министров СССР от 22 июля 1947 за № 3315 и Постановлению Совета Министров РСФСР от 18 августа 1947 за № 618 «О введении в некоторых средних школах университетских городов преподавания латинского языка», с 1948/49 учебного года в 9 средних школах РСФСР у восьмиклассников в расписании появилась латынь¹⁹⁹.

Для выявления причин резкого изменения статуса классического образования обратимся к архивным документам ВКВШ, а именно созданной в конце 1943 г. экспертной, или методической, комиссии по классической филологии, просуществовавшей до конца 1945 г. Сохранившиеся в Государственном архиве РФ протоколы заседаний позволяют выявить не только направления деятельности, но и факторы возникновения такой структуры.

Возглавлял комиссию неизменно профессор Николай Федорович Дератани, обязанности секретаря чаще всего исполнял Александр Николаевич Попов. Выбор фигуры Н.Ф. Дератани в качестве председательствующего вполне объясним, если обратиться к его биографии. Он незадолго до революции (1916) защитил магистерскую диссертацию об Овидии на латинском языке, состоял в партии октябристов, однако после революции изменил свои политические взгляды, стал марксистом и некоторое время даже работал в Институте красной профессуры. В 1937 г. ему удалось добиться открытия кафедры классической

¹⁹⁷ ГА РФ. Ф. Р-586. Оп. 1. Д. 163. Л. 1.

¹⁹⁸ ОР РГБ. Ф. 662. Картон 21. Д. 25. Л. 1—1 об.

¹⁹⁹ ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 71. Д. 617. Л. 19.

филологии в Педагогическом институте им. В.И. Ленина. Незадолго до войны, в 1940 г., он вступил в ВКП(б)²⁰⁰.

Кроме того, Н.Ф. Дератани, являясь членом комиссии ВАК по романо-германской и классической филологии, рецензировал с конца 1930-х гг. защищавшиеся диссертации по греко-латинской литературе и словесности. В источниках личного происхождения о Н.Ф. Дератани современники отзываются не самым лестным образом. Так, А.А. Тахо-Годи характеризует его как склочника, интригана, который объединился с «молодыми партийными неучами»²⁰¹. Ж.С. Покровская в письме А.И. Доватуре сообщает о близости Н.Ф. Дератани к властным инстанциям и называет его виновником «умаления престижа классической филологии» и деморализации кафедры в 1950-е гг.²⁰² Защитники традиционного представления о задачах классической филологии (например, А.И. Доватур) обвиняли Н.Ф. Дератани в попытке установить соответствие между характером подготовки студентов по этой специальности и профилем практической работы, что означало определенный отход от установившегося порядка в области преподавания классической филологии²⁰³.

Первое заседание комиссии состоялось 18 декабря 1943 г., последнее — 13 декабря 1945 г. За первый год своей работы комиссия собралась 13 раз, за второй — 14. Ее персональный состав был довольно представительным. В 1944 г. туда входили 9 человек: Н.Ф. Дератани, С.П. Кондратьев, Ж.С. Покровская, А.С. Попов, М.Е. Грабарь-Пассек, С.И. Радциг, Б.В. Горнунг, Ф.А. Петровский. В 1945 г. последний был заменен М.Н. Петерсоном. Их участие в методической работе вполне достойно оплачивалось. В 1944 г. за присутствие на заседании (без учета длительности) рядовой член комиссии получал 30 руб., председатель — 50 руб. В 1945 г. ставки возросли: уже каждый час, проведенный на заседании, оценивался в 30 руб. Если учесть, что повестка исчерпывалась в среднем за 3—3.5 часа, то можно представить уровни выплат. Председателю добавлялся один час, секретарю — два, вероятно, для подготовки заседания (которое включало в себя, как правило, два вопроса). Чтобы понять уровень

²⁰⁰ Цыпилева 2009, 29—31.

²⁰¹ Тахо-Годи 2009, 422.

²⁰² НИА СПб ИИРАН. Ф. 17. Оп. 3. Д. 139. Л. 23 об.

²⁰³ НИА СПб ИИРАН. Ф. 17. Оп. 3. Д. 36. Л. 33.

зарплата, приведем следующие данные. Согласно официальным статистическим отчетам в 1945 г. жалование работника сферы просвещения (сюда же относились и вузы) было немного выше среднего уровня (в 442 руб.) и составляло 488 руб.²⁰⁴ Другими словами, за одно методическое заседание можно было получить до 1/4 от средней зарплаты в научной сфере.

Отраженный в документах фактический материал позволяет реконструировать рабочий процесс и оценить результативность деятельности комиссии. Большинство заседаний имело организационно-методический характер. Предметом обсуждения часто выступали программы учебных курсов. В связи с недостаточностью материальных ресурсов машинописная рукопись проекта имелась в одном экземпляре. Общее представление о ее содержании формировал во многом рецензент (чаще всего один), выступавший с подробным отзывом. Отзыв оглашался на заседании, после чего следовали вопросы. Таким способом были рассмотрены и одобрены: учебник латинского языка А.Н. Попова и П.М. Шендяпина; программы по методике преподавания древних языков, исторической грамматике латинского и древнегреческого языков, введению в античную культуру, древнегреческому и латинскому языкам для классических отделений; латинско-русский словарь И.Х. Дворецкого и Д.Н. Королькова, а также словарь А.М. Малинина и учебные планы по подготовке филологов-классиков в МГУ и МГПИ. Ряд вопросов из повестки дня носил информационный характер: на одном заседании члены комиссии актуализировали кадровую проблему в связи с чтением курса по античной литературе в вузах, на другом — Н.Ф. Дератани сообщал о доставке из Германии изданий античных авторов (вероятно, трофейных книг) и о состоянии дел на кафедрах классической филологии в МГУ и МГПИ. Проводились и организационные совещания²⁰⁵.

Сохранившиеся документы изумляют неспешностью принятия решений по тем или иным вопросам. Так, учебнику латинского языка А.Н. Попова и П.М. Шендяпина посвятили пять заседаний: на первом определили необходимость внесения в повестку такого вопроса, на следующих двух слушали рецензентов — сначала Н.Ф. Дератани, затем С.П. Кондратьева, на четвертом — рассматривались дополнения, на заключительном —

²⁰⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 113. Л. 161—161 об.

²⁰⁵ См.: ГА РФ. Ф. 8080. Оп. 2. Д. 211—212.

утверждали окончательную редакцию²⁰⁶. Но если в данном случае длительность рассмотрения вопроса вполне объясняется сложностью такого типа издания, то в отношении, например, изложенной на трех страницах программы курса по методике преподавания древних языков трудно подобрать адекватные аргументы в пользу шестикратного внесения ее в повестку дня. Для утверждения программы по исторической грамматике латинского и греческого языков было проведено 7 заседаний, что во многом объясняется спецификой самой дисциплины: на одном заседании постановили создать комиссию и два раза слушали только принципы построения программы²⁰⁷. Но при этом, например, межфакультетскую программу по античной литературе, наиболее значимую с точки зрения охвата аудитории и идеологической составляющей, приняли сразу же после заслушивания отзыва рецензента²⁰⁸, как и пособие по введению в античную культуру²⁰⁹. Думается, объяснение этому кроется в фигуре автора предлагаемых разработок: им был Н.Ф. Дератани.

Довольно сложно оценить результативность работы методической комиссии по классической филологии. Практический итог за 2 года — подготовлено несколько учебных программ для классических отделений. Но, думается, не эти показатели являлись наиболее важными.

Самое значимое мероприятие, проведенное комиссией, — это первая конференция преподавателей классической филологии и древних языков московских вузов, собравшая более 30 участников и состоявшаяся 27 июля 1944 г. Событие действительно неординарное, если учитывать исторический контекст ее проведения. Идейным вдохновителем и организатором мероприятия выступил Н.Ф. Дератани. Формально ученые и преподаватели собрались для обсуждения методических вопросов, но в действительности присутствующим предстояло выслушать и принять к сведению новое обрамление своей дисциплины. Конференция, носившая без преувеличения знаковый характер, ознаменовала смену приоритетов и вектора развития дисциплин греко-римского цикла, своего рода эпох в истории классической филологии в России. Поэтому при исследовании смысла и задач

²⁰⁶ ГА РФ. Ф. 8080. Оп. 2. Д. 211. Л. 2—4, 6, 8.

²⁰⁷ ГА РФ. Ф. 8080. Оп. 2. Д. 212. Л. 5, 8—11, 14, 15.

²⁰⁸ ГА РФ. Ф. 9396. Оп. 16. Д. 429. Л. 200—226.

²⁰⁹ ГА РФ. Ф. 8080. Оп. 2. Д. 212. Л. 2.

мероприятия следует обратить внимание на идеологическую политику того времени.

В нашем распоряжении имеется протокол заседания конференции и выработанная на ней резолюция. Открывая первое заседание, Н.С. Чемоданов (представитель ВКВШ) акцентировал внимание на необходимости подготовки новых высококвалифицированных кадров для послевоенного развития социалистической родины и выработке конкретных практических результатов по улучшению дела подготовки филологов. Далее же докладчики в своих выступлениях много размышляли об актуализации античности и творческом использовании греко-римского наследия в социалистической культуре — в области литературы, театра, искусства. Об этом говорил, в частности, С.П. Кондратьев. Ему вторил преподаватель Черемухин, обративший внимание на «могучие и неизученные античные ресурсы — Ольвию, Фанагорию, Пантикапей, Херсонес и другие героические города Причерноморья», которыми обладает СССР «как ни одна страна в мире». С.И. Нюберг высказался, что во всем преподавании латинского языка нужно постоянно делать акцент на связь «с нами». М.Е. Грабарь-Пассек в короткой реплике развила тезис о классической филологии как основе европейского языкознания и литературоведения, З.Г. Гринберг говорил об усилении изучения связи античной культуры с новой литературой, особенно русской. С.И. Радциг настаивал на том, что при обучении древним языкам следует не только давать специальные знания, но и «обогащать сведениями, необходимыми для понимания окружающей нас современной культуры». Он также акцентировал внимание на совершающееся переосмысление истории русской культуры, в связи с чем филологи-классики «должны признать влияние античности. С Грецией наша родина тесно связана с Византией, а также с городами Причерноморья»²¹⁰.

Высказанные выступающими тезисы позволяют встроить неожиданно возникший интерес к классической филологии в обновляющуюся на заключительном этапе Великой Отечественной войны идеологическую программу. В историографии замечалось, что 1943 год явился переломным в истории советской пропаганды. В начале войны, когда Красная армия вела оборонительные бои, росло значение культа героев прошлого (прежде всего дореволюционного) — полководцев, адмиралов, князей,

²¹⁰ ГА РФ. Ф. 8080. Оп. 2. Д. 211. Л. 16—18 об.

царей, обретавших характер символов величия русского (советского) народа. С 1943 г. ситуация меняется. Уже весной этого года состоялось совещание писателей, художников, композиторов по вопросу превосходства русской культуры над западной. Началось прославление тысячелетней предистории Советского Союза, причем с руссоцентристским уклоном — с акцентом на исключительной роли русского народа в истории, его культурных преимуществах, заслугах перед Европой не только в Великую Отечественную войну, но и в войну с Наполеоном²¹¹ и в период монголо-татарского нашествия²¹². Символической вехой стал известный тост И.В. Сталина за здоровье русского народа 24 мая 1945 г.

На конференции филологов-классиков середины 1944 г. декларировалась связь русской и античной культур. Посредниками в этой связи выступали причерноморские города и Византия. В резолюции утверждалось, что «СССР более, чем какая-либо другая страна (если не считать Греции и Италии), связана в своей истории с античной культурой»²¹³. Такое заявление призвано было продемонстрировать не просто тесное сцепление двух традиций, но представить советскую культуру как прямое продолжение античной. История России, начинавшаяся, как правило, с IX в., приобретала еще более глубокие основания, уходившие корнями в античность. В резолюции конференции отмечается: «А наша культура своими далекими корнями восходит к античной культуре, созданной в древней Греции и отразившей период “детства человеческого общества там, где оно развивалось всего прекрасней”²¹⁴». И далее: «После победоносного окончания Отечественной войны [социалистическая культура] поднимется на небывалую высоту»²¹⁵. Два важных аспекта следует выделить в этих цитатах. С одной стороны, речь в них идет не о заимствовании каких-то идей из античной культуры или о влиянии древней культуры на русскую, а утверждается факт естественной связи двух культур и проводится идея преемственности. Органичной в этом контексте выглядит цитата из К. Маркса, смысл которой был несколько изменен. Древняя Греция и Советский Союз

²¹¹ Тарле 1943; Каганович 2014.

²¹² Бранденбергер 2017, 264; Дубровский 2017, 330, 333.

²¹³ ГА РФ. Ф. 8080. Оп. 2. Д. 211. Л. 29.

²¹⁴ Маркс, Энгельс 1935, 204.

²¹⁵ ГА РФ. Ф. 8080. Оп. 2. Д. 211. Л. 29.

представлялись двумя возрастными ступенями единого организма. В первом случае — детство, во втором, как можно предположить, — зрелость.

Исходя из сказанного, преподаванию древних языков отводились не только узкоспециальные задачи, но и более широкие — мировоззренческие. Показательно, что в дальнейшем при формировании хрестоматии по латинскому языку для школьников были вычеркнуты традиционные для первого этапа постижения этого языка «Записки о Галльской войне» Цезаря и вставлены отрывки из Геродота и Юстина о Скифии, Матвея Меховского о двух Сарматиях и проч., т. е. те пассажи, которые описывали древнее состояние территорий, входивших в СССР²¹⁶.

В новой парадигме Советский Союз представлен частью мирового сообщества, которое, как и другие, с высоким почтением относится к античной эпохе. Рамки традиционного взгляда на классическую филологию расширились. Древнегреческий и латинский языки рассматривались как инструмент, позволяющий глубже знакомиться с греко-римской культурой, а также и проводить параллели с окружающей действительностью. Не случайно Н.Ф. Дератани настаивал на том, чтобы при составлении учебных планов специальности «Классическая филология» в вузах включались самостоятельные курсы по разным аспектам античной культуры — литературы, искусства, различные вспомогательные дисциплины²¹⁷.

Подобные рассуждения о значимости античной культуры позволили включить в резолюцию пункты о необходимости в средних школах ввести, а в педагогических вузах расширить преподавание латинского и греческого языков на гуманитарных факультетах; поставить вопрос об основании собственного печатного органа и выделении ассигнований на издание учебной литературы²¹⁸.

Сама же методическая комиссия по классической филологии после конференции середины 1944 г. просуществовала еще полтора года. Парадоксально, но вскоре, когда в 1947 г. был издан приказ о введении латинского языка в школах и остро встал вопрос о подготовке качественного учебника и методическом обеспечении преподавания нового предмета, наспех написанный по

²¹⁶ Кондратьев, Васнецов 1950, 128.

²¹⁷ ГАРФ. Ф. 8080. Оп. 2. Д. 211. Л. 12.

²¹⁸ Там же. Л. 29—32.

этому случаю учебник С.П. Кондратьева и А.А. Васнецова никаких обсуждений не проходил, хотя и встретил волну критики. В этом отчасти и кроется одна из причин неудачи эксперимента по введению латинского языка в средней школе в конце 1940-х гг. Думается, Н.Ф. Дератани, который во многом продвигал идею «школьной» латыни, стремился сосредоточить всю организационно-методическую работу именно на своей кафедре, кафедре классической филологии МГПИ им. В.И. Ленина. Он же явился инициатором создания экспертной комиссии по классической филологии при ВКВШ и проведения конференции московских филологов-классиков в 1944 г., где играл первую роль, стремясь представить себя лидером сообщества филологов-классиков. Появление отдельной структуры при ВКВШ не было продиктовано насущными методическими задачами, и практические результаты ее деятельности оказались довольно скромными.

2.6. Античность на страницах «Исторического журнала» в годы войны

В самом начале войны перед историками была поставлена задача противостоять фашистским захватчикам на идеологическом фронте, оспаривая «фашистскую псевдонауку». Ученым следовало разоблачать теории, сформировавшиеся в Германии и Италии, при помощи которых агрессоры объясняли свои претензии на господство. В целом деятельность историков была направлена на воспитание советского патриотизма, популяризацию героических страниц отечественной истории, развенчание члеловеконенавистнических расистских теорий. В условиях военного противоборства исторические образы и факты превращались в мощное оружие пропаганды²¹⁹.

В годы войны «Исторический журнал» был практически единственным изданием, публиковавшим статьи по истории. Самым частым автором среди антиковедов был уже неоднократно упоминавшийся А.В. Мишулин. В годы войны он писал на разнообразные темы: и по истории Римской империи, и ранней Византии, и особенно — Великому переселению народов.

В первом же военном номере «Исторического журнала» Мишулин публикует статью «Историческая фантазия о “военных

---

²¹⁹ Бранденбергер 2017; Дубровский 2017.

доблестях нордической расы”»²²⁰. Историк, вольно обращаясь с источниками, отмечает, что галлы превосходили германцев доблестью и по собственному почину затевали войны с соседями, выводя впоследствии колонии за Рейном²²¹. Чтобы убедить читателя в своих словах, он рекомендует обратиться к отрывкам из источников в сборнике «Древние германцы»²²². Приводимые примеры позволяют проследить работу Мишулина с источником. Так, Цезарь писал: «Ac fuit antea tempus, cum Germanos Galli virtute superarent» (Caes. Gall. VI.24.1). Другими словами, римский полководец сообщает о превосходстве в доблести галлов над германцами в прежние времена, но в своей статье А.В. Мишулин опустил первую часть предложения, и в результате появилось утверждение, якобы принадлежащее Цезарю, о вневременном превосходстве галлов над германцами. Более того, римский автор также писал, что галлы после многочисленных поражений уже и не думали о том, чтобы поравняться в храбрости с германцами (Ibid. VI.24.6) — эти сведения советский историк предпочел не упоминать.

Схожим образом историк обращается с сочинением Тацита. Согласно интерпретации А.В. Мишулина, германцы «все свое время проводят частью на охоте, но больше в (полной) праздности, предаваясь сну и еде». Создается тем самым образ нетрудолюбивого, ленивого народа, над которым без особых усилий возможно одержать победу. Однако А.В. Мишулин снова опускает первую часть предложения Тацита, которая содержит слова «quotiens bella non ineunt» («когда на войны не идут») (Tac. Germ. XV). При этом римский автор писал, например, и следующее о германцах: «Nihil autem neque publicae neque privatae rei nisi armati agunt» («ни частные, ни публичные дела не ведут, если они не вооружены»), а также не терпят покоя, регулярно отправляются на войну, чтобы добыть пропитание грабежом (Ibid. XIII—XIV). Далее А.В. Мишулин цитирует следующие строки Тацита: «Благодаря смешанным бракам, они [германцы. — *Авт.*] в значительной степени обезобразились наподобие сарматов»²²³. Заметим: античный автор в данном эпизоде характеризовал не всех германцев в целом, а только племя певкинов, по поводу ко-

²²⁰ Мишулин 1941а, 75—80.

²²¹ Там же. С. 76.

²²² Древние германцы 1937.

²²³ Мишулин 1941а, 77.

торых Тацит даже сомневался, можно ли их отнести к германцам (Ibid. XLVI). При этом А.В. Мишулин утверждал, что распространённое провозглашение немцами своих традиционных военных доблестей, идущих от германцев, противоречит свидетельствам древних авторов, которые якобы сообщают в большей степени о трусости германцев.

Надуманными А.В. Мишулин называет военные успехи германцев: Цезарь их якобы легко побеждал, а в Тевтобургском Лесу римляне проиграли германцам только по причине беспечности и неудачливости Вара²²⁴. И даже в IV в., по словам советского историка, ссылающегося на Аммиана Марцеллина, германцы не смогли обессмертить себя военной доблестью: принять участие в сокрушении Рима германцам удалось только потому, что рабовладельческий строй Рима клонился к закату — рабы, колонны и германские племена нанесли лишь заключительный удар. Развиваемая А.В. Мишулиным характеристика древних германцев укладывалась в общую советскую пропаганду на ранних этапах войны, в соответствии с которой немцы представлялись в юмористическом ключе и беспомощном виде, и это, по словам О.С. Макаровой, способствовало недооценке врага и его потенциала²²⁵.

Вывод А.В. Мишулина пересекается и с актуализированным в военное время высказыванием И.В. Сталина в 1934 г., согласно которому старый Рим точно так же смотрел на предков нынешних германцев и французов, как смотрят теперь представители «высшей расы» на славянские племена. В итоге это вылилось в то, что все «варвары» объединились против общего врага и «опрокинули» Рим. «И где, — вопрошает И.В. Сталин, — гарантия, что претензии представителей нынешней “высшей расы” не приведут к тем же плачевным результатам?»²²⁶

Разбираемая статья А.В. Мишулина интересна не только тем, что с ее помощью историк недвусмысленно доносит до читателей мысль об отсутствии исторических оснований под тезисом о доблести немецких солдат, поэтому их и возможно победить, но и тем, что в ней представлен определенный взгляд на причины падения Римской империи. Рим пал, по мнению историка, из-за совместного выступления против него всех угнетенных слоев

²²⁴ Там же. С. 78.

²²⁵ Макарова 2023, 588.

²²⁶ Цит. по: Мишулин 1939, 293.

населения. Эта идея пересекается с методическими рекомендациями учителям истории средних школ под авторством В.И. Авдеева в статье, о которой уже речь шла, и является реализацией теории «революции рабов».

В 5-м номере за 1942 г. вышла статья А.М. Панкратовой «Преподавание истории СССР в средней школе в дни отечественной войны против германского фашизма»²²⁷. В ней автор повторила задачи, которые в то время стояли перед историками в борьбе против фашизма. Косвенно была затронута и тематика Римской империи. Преподавателям древней истории важнейшей целью ставилось раскрытие обучающимся законов исторического процесса в соответствии с теорией исторического материализма. Следовало значительное внимание заострить на темах, иллюстрирующих борьбу прогрессивных исторических сил против отживших реакционных классов²²⁸. Крайне важным оказывалось разоблачение теорий, сформировавшихся в Германии и Италии, при помощи которых агрессоры объясняли свои претензии на господство, «недоразвитость» славян или гонения на евреев и доказывали особое положение в мире и в историческом развитии немцев и итальянцев.

И именно в этом ключе требовалось рассказывать о т. н. «варварах», к которым причислялись и предки русских — славяне. Им уделено большое внимание на страницах «Исторического журнала», в особенности их борьбе с Римской империей. О ранней истории славян писал не только А.В. Мишулин, но и А.Д. Удальцов²²⁹, и Б.Д. Греков²³⁰. Нами уже отмечалось высокое политико-идеологическое значение славянской тематики в годы войны. В этом контексте интерес представляет статья А.В. Мишулина «Древние славяне и крушение Восточно-римской империи», вышедшая в 10—11-м номере за 1941 г.²³¹ В ней опровергается фашистская теория о славянах как о представителях «низшей расы»: напротив, они оказываются одним из древних народов, который вступал в борьбу с Римом еще со II в. н. э. и подрывал тем самым мощь империи. Траяну и Адриану пришлось иметь дело с роксоланами, которые интер-

---

²²⁷ Панкратова 1942, 145—152.

²²⁸ Там же. С. 148.

²²⁹ Удальцов 1943.

²³⁰ Греков 1942.

²³¹ Мишулин 1941б.

претировались Мишулиным как протославяне. Кроме того, борьба Максимиана, Аврелиана, Диоклетиана, Волюзиана с племенами скифов, сарматов приняла трагический оборот для римских войск именно тогда, по мысли советского историка, когда к границам империи начали движение славянские племена. С точки зрения Мишулина, «совершенно естественным является допущение [sic!]», что славянские племена вместе с роксоланами и сарматами выступали против римских завоевателей²³². Во II—III вв. н. э. среди народов Восточной Европы Мишулин на особое место ставит славян-венедов. Более того, по его мнению, даже Готское царство Германариха пало под мощными ударами славянских племен совместно с гуннами, а в VI—VII вв. славяне подвели черту под существованием Восточной Римской империи²³³. Историческая роль их вторжения в Восточную Римскую империю заключалась в привнесении ими общинных порядков, завершивших разложение рабовладельческого строя и давших мощный импульс для наметившейся еще в эпоху Юстиниана феодализации и образования средневековой Византии. В результате первая и значительная страница истории Советского Союза представлялась именно борьбой — борьбой расселяющихся на Балканах славян против Восточной Римской империи.

Повышенное внимание к истории славянского народа обусловлено сопротивлением в период Второй мировой войны славянских народов Германии и ее союзникам, в котором Советский Союз стремился занять лидирующую позицию. Исторический материал I тысячелетия интерпретировался с заданной целью представить славян как объединенный народ, сражающийся с захватчиками, — в этом обнаруживались аллюзии на современные события. Значение германцев в истории принижалось: им отказывалось в какой-либо значимой роли в процессе падения Римской империи, поскольку на Западе движущей силой были рабы и колонны, а на Востоке именно славяне принесли Риму понятия общинности и сотрудничества. В статье 1937 г. в «Вестнике древней истории» А.В. Мишулин прямо пишет, что население империи благодаря славянам, их общинному строю вступило на путь феодального развития ускоренными темпами²³⁴. Таким

²³² Там же. С. 58.

²³³ Там же. С. 59.

²³⁴ Мишулин 1939, 306.

образом, именно славяне, а не германцы оказывались историческим и прогрессивным народом.

Более того, сближение отечественной древнейшей истории с римской и с историей первых европейских феодальных королевств, акцент на участие славян в разгроме древней цивилизации, позволяло включить Советский Союз в плеяду ключевых европейских государств, отсчитывавших свою историю с падения Рима и Великого переселения народов, когда и славяне, как утверждалось, впервые себя проявили на «международной арене». К тому же впоследствии особое значение в пропаганде придавалось единству союзников по антигитлеровской коалиции. От историков ожидалось примеры из прошлого позитивного опыта межсоюзнических контактов.

В 1943 г. выходит в какой-то мере показательная рецензия А.В. Мишулина на работу Владимира Николаевича Дьякова «Таврика в эпоху римской оккупации»²³⁵. Исследование характеризуется в целом положительно, однако отмечается два существенных недостатка. Во-первых, отсутствие ссылок на труды Н.Я. Марра. А во-вторых, слабое освещение вопроса о борьбе тавров с чужеземцами, поскольку этот сюжет имел пропагандистское значение: он позволял осветить один из самых ранних эпизодов в освободительной борьбе народов, существовавших на территории СССР в глубокой древности.

Через год после появления работы В.Н. Дьякова А.В. Мишулин сам пробует исправить указанные недостатки, публикуя работу «О военном искусстве скифов»²³⁶. В ней скифы представлялись древними обитателями русской равнины, традиции которых отразились в национальном характере «великого русского народа»²³⁷. Более того, по мнению А.В. Мишулина, очень вероятно, что скифы являлись далекими предками славян, а значит, история этих кочевых народов — это первая страница советской истории²³⁸. Такое же мнение на страницах «Исторического журнала» выразил и А.Д. Удальцов в статье «Об этногенезе славян»²³⁹. Описывая военные хитрости скифов, А.В. Мишулин отмечает их постоянные успехи в обороне своей территории

---

²³⁵ Мишулин 1943в.

²³⁶ Мишулин 1943б.

²³⁷ Там же. С. 64—65.

²³⁸ Мишулин 1943б, 64.

²³⁹ Удальцов 1943, 68.

благодаря применению тактики отступления и партизанской войне²⁴⁰ — здесь проводились очевидные параллели с действиями Красной армии в начале Великой Отечественной войны. Если принять тезис о скифах как ранних предках славян, то оказывается, что успех славян, а соответственно, и русского народа исторически обусловлен и имеет давнюю традицию, ведь скифы уже успешно боролись с древними греческими полисами.

Таким образом, на страницах «Исторического журнала» страницами, главным образом, А.В. Мишулина реализовывалась задача идеологического противоборства: доказывалась несостоятельность тезиса о военном превосходстве германцев и об их ключевом вкладе в историческое развитие. Именно славяне объявлялись наделенными военными доблестями и носителями прогрессивных тенденций. Советские историки стремились доказать раннее участие славян в событиях, разворачивающихся в античную эпоху, а значит, и историческое значение самого народа. Тем самым отечественная история значительно удревнялась, а Советский Союз оказывался в числе европейских государств, берущих свое начало в античности. Римская же империя интересовалась лишь в контексте ее краха под ударами более прогрессивных сил: в борьбе варваров против Рима выявлялось много общего с противостоянием СССР и союзников гитлеровской коалиции. Отсюда делался вывод о неизбежном крахе Третьего рейха. Это событие оказывалось исторически обусловленным. При этом материал античных источников преподносился в упрощенном виде: подбирались нужные, вырванные из контекста цитаты; допускались смелые аналогии и схематичные трактовки, которые сдабривались эмоциональными высказываниями. Научные принципы отходили на задний план.

---

²⁴⁰ Мишулин 1943б, 68.

Глава III

ПОДГОТОВКА КАДРОВ ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ ПО АНТИКОВЕДЕНИЮ

Цифры свидетельствуют, что в военные годы научная жизнь не остановилась: в 1941—1945 гг. всего было защищено более 2 тыс. докторских и 9 тыс. кандидатских диссертаций, по историческим наукам — 30 докторских и 190 кандидатских¹. Можно даже сказать, что советское правительство стимулировало ученых продолжать научную деятельность: в сентябре 1942 г. работники науки по снабжению продовольственными товарами были приравнены к рабочим промышленных предприятий, что значительно улучшило их довольствие. Медиевист Е.В. Гутнова, вспоминая о своей защите кандидатской диссертации в Томске (1942 г.), написала следующее: «Это казалось мне гарантией моих будущих научных успехов и позднее дало некоторые преимущества в дальнейшем устройстве своей судьбы, но тогда в Томске принесло только ежемесячный паек, что, впрочем, в тех условиях было все же неплохо, особенно потому, что в нем давали масло, сахар, муку, столь необходимые Лешеньке [сыну Е.В. Гутновой. — *Авт.*] и маме»².

Личная переписка является довольно информативным источником для выяснения функционирования диссертационной системы в военные годы. Так, из писем сотрудника Института этнографии Е.Э. Бломквист коллеге Н.П. Гринковой выясняется ряд показательных деталей. Практиковалась заочная защита диссертаций, что разрешалось находящимся на фронте; на основании отзыва специалиста можно было освободить соискателя

---

¹ Бурдей, Бородкин 1995, 109—110, 119.

² Гутнова 2001, 222.

от сдачи кандидатского минимума³. На защитах докторских диссертаций оппонентами порой выступали кандидаты наук. Так, в 1942 г. на защите докторской диссертации у Н.А. Машкина одним из оппонентов был тогда еще кандидат наук А.В. Мишулин, у М.О. Косвена — кандидат наук В.К. Никольский⁴. Чиновники от науки, обеспокоившись качеством представляемых на защиту диссертаций, подумывали в 1944 г. о введении промежуточной между кандидатами и докторами наук ученой степени магистра, чтобы повысить статус докторов наук⁵. Характерна строчка из письма от 18 февраля 1944 г.: «Что такое защита диссертации? — Ответ: “Два часа позора и обеспеченная старость”»⁶. В 1946 г. Е.А. Косминский, выступая на Ученом совете Института истории АН СССР, констатировал, что защита диссертации утратила характер диспута и превратилась в формальность: отзывы на квалификационную работу, с которыми отныне знакомили соискателя до процедуры защиты, стали писать в сжатые сроки и «на скорую руку», пропала живость в обсуждении основных тезисов работы, причем неформально отсутствовало даже требование ответа на все поступившие в адрес испытуемого вопросы⁷. В связи с этим заметим, что анализируемые В.Г. Выскубом в своей монографии документы по аттестации научных кадров, в том числе времен войны, следует рассматривать в контексте исправления катастрофической ситуации с уровнем защит, сложившейся в 1941—1945 гг., а не в ряду планомерных преобразований, начатых в 1934 г. Так, в январе 1944 г. был издан приказ «О мероприятиях по улучшению подготовки аспирантов в высших учебных заведениях», где, в частности, обращалось внимание на более тщательный отбор кандидатов в аспиранты и оговаривалось, что экзамен по специальности должен проходить первым. Приказ от 15 декабря 1944 г. Всесоюзного комитета по делам высшей школы запрещал научным руководителям выступать в качестве оппонентов, обязательным был оппонент извне. Наконец, постановлением СНК СССР от 26 февраля 1945 г. № 367 утверждено Положение о ВАК по присуждению ученых степеней и званий:

³ Бломквист 2013, 240—241.

⁴ Арциховский 1945, 24, 39.

⁵ Бломквист 2013, 271.

⁶ Там же. С. 268.

⁷ Косминский 2016, 174—175.

диссертационные дела отныне предварительно рассматривались в экспертных комиссиях Комитета по делам высшей школы при Совнаркомом СССР с привлечением в необходимых случаях референтов. Во всех перечисленных документах обращалось внимание на качество диссертации, подчеркивалась необходимость квалифицированного и грамотного изложения исследованных вопросов⁸.

Защите достойного научного уровня диссертации препятствовала оторванность от библиотек и архивов. Эта проблема обсуждалась на заседании Ученого совета Института истории 23 августа 1943 г. в рамках вопроса о состоянии работы аспирантуры и докторантуры. Зав. аспирантурой Е.Н. Кушева заметила, что продвижение диссертационных работ во многом зависело от того, удалось ли соискателю еще до войны обработать источники, в военное же время, по ее словам, практически все запросы в архивы оставались без ответа⁹. В относительно выгодном положении находились те, кто писал исследование по региональной тематике, используя провинциальные документальные собрания. Один из выступавших, Яковлев, предлагал аспирантам менять темы, переориентироваться либо на опубликованный материал, либо на доступные архивные источники¹⁰.

Выходом из тяжелой ситуации с архивами и библиотеками была и переориентация соискателей на историографические исследования. По подсчетам Л.И. Бородкина и Г.Д. Бурдея, всего по историографии за годы войны было защищено 16 диссертаций (7,3 % от общего количества)¹¹, и эта цифра выглядит значительной, если учесть, что до войны таковых было всего одна. Историография как учебная и научная дисциплина стала появляться спорадически еще в дореволюционных университетах, но постоянное место в планах подготовки специалистов-историков заняла в 1930-е гг. Она приобрела идеологический характер и использовалась как форма борьбы с концепциями «буржуазных» историков¹². Диссертационная история Н.С. Лебедева представляет собой показательный пример переориентации с византиноведческих штудий на историографические.

---

⁸ Выскуб 2005, 44—47.

⁹ Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 74. Л. 3.

¹⁰ Там же. Л. 16.

¹¹ Бурдей, Бородкин 1993, 119.

¹² Груздинская 2020, 79—80.

3.1. «Мы должны изучать и почитать тех ученых, которые <...> выдвинули русскую науку на первые ряды»: защита диссертации Н.С. Лебедевым о В.Г. Васильевском в 1943 г.

Работа Николая Степановича Лебедева (1893—1959) посвящена не антиковедению, но родственной с ним дисциплине — византиноведению, судьба которого несколько сходна с наукой о классической древности, поскольку оно не было востребовано советской властью вплоть до конца 1930-х гг., когда в ЛОИИ появилась соответствующая научная группа. Анализ диспута Н.С. Лебедева, по нашему мнению, является маркером восстановления и актуализации византиноведения, а также новых процессов в историографии.

Становление Н.С. Лебедева как историка пришлось на время коренных реформ в области высшего образования и науки. Он происходил из крестьянской семьи и довольно рано начал трудовую деятельность. Уже в 15 лет будущий ученый работал на хозяйственных и канцелярских должностях сначала в частном предприятии, затем в министерстве промышленности и торговли, а потом и в Государственном институте опытной агрономии. Параллельно с этим к 1920 г. Н.С. Лебедев получил и первое профессиональное образование библиотекаря при Российской книжной палате, после чего перешел на библиотечную работу¹³.

В возрасте 27 лет он поступил в Петроградский университет, где обучался на этнолингвистическом отделении факультета общественных наук (ФОН), специализируясь сначала по русской литературе XIX в. (творчество Ф.М. Достоевского), а затем по ближневосточной секции. Университет ему удалось закончить в 1925 г. по «византийской специальности». В те годы в университетах еще теплился ряд научных направлений, имеющих истоки в дореволюционной России, как, например, византиноведение. Н.С. Лебедев, имея возможность выбора учебных предметов, посещал лекции и семинары именно по византиноведческой тематике, среди которых «История византийской литературы», «Византийский роман и былина», «Введение в византиноведение», «История Византии», «Европейские владения Византии», «Византийско-греческий язык», «Византийский автор», «Византийский поэт»; спецсеминары «Византийская литература»,

¹³ Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 69. Л. 3.

«История Византии», «Крестьянский вопрос в Византии». Заметим также, что он проявлял интерес к сирийскому языку и литературе, славянским языкам и литературам¹⁴. Его научным руководителем стал Ф.И. Успенский¹⁵. Даже после окончания университета, работая в Государственной Публичной библиотеке, библиотеке Всесоюзной сельскохозяйственной Академии имени В.И. Ленина, библиотеке Центрального научно-исследовательского геологоразведочного института, Н.С. Лебедев продолжал научные занятия. Еще в 1918 г. под началом Ф.И. Успенского возникла комиссия «Константин Порфирородный», целью которой стало издание словаря византийских древностей времен Константина VII. Эта комиссия в 1923 г. слилась с Русско-византийской историко-словарной комиссией, а в 1925 г. и с Комиссией по изучению русско-византийских договоров. Получившееся в результате этого учреждение просуществовало при Академии наук недолго, до 1930 г., но оно объединило в себе специалистов старой школы — Ф.И. Успенского, В.Н. Бенешевича, И.И. Соколова и др., работавших по самым разным темам византийской истории и филологии, стремившихся сохранить традиционные научные принципы¹⁶. Это была и прекрасная школа для молодых исследователей, которые желали продолжать свои научные изыскания. Консультируясь по среднегреческому языку и средневековым реалиям со своим учителем уже после окончания университета, Н.С. Лебедев выполнил перевод романа «Имберий и Маргарона». Кроме того, он специально занимался Морейской хроникой, «Земледельческим законом», делал доклады о новой литературе по своей тематике¹⁷.

Другими словами, несмотря на отсутствие возможности включиться в какое-либо научное учреждение, соответствующее его интересу к византийской истории, Н.С. Лебедев не забросил своих занятий. Поэтому, когда после почти 10-летнего перерыва, в 1939 г., началось постепенное возрождение византиноведения в Советском Союзе: при Ленинградском отделении Института истории АН СССР под руководством профессора М.В. Левченко была создана группа по изучению истории Византии, сюда был принят Лебедев сначала в качестве «договорного работника» в

¹⁴ Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 69. Л. 7.

¹⁵ Горянов 1961, 363.

¹⁶ Барынина 2010.

¹⁷ Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 69. Л. 3.

1940 г., а затем и штатного с 1 июня 1941 г. Тогда же он начал диссертационное исследование по теме «Византия и монголы», в котором поставил задачей проследить политические отношения между Византийской империей в правление первых Палеологов, главным образом Михаила VIII, и монголами, продвинувшимися ко второй половине XIII в. к границам Византии¹⁸. Но начавшаяся Великая Отечественная война внесла существенные коррективы в жизненные и научные планы. В 1942 г. он был эвакуирован в Ташкент, где и продолжил свои изыскания.

Итак, в 1942 г. Н.С. Лебедев в составе Ленинградского отделения Института истории оказался в эвакуации в Ташкенте. Сразу же стало очевидно, что начатую диссертацию о взаимоотношениях Византии и монголов продолжать в новых обстоятельствах нет возможности: библиотека Среднеазиатского университета оказалась крайне скудной. По сведениям Н.С. Лебедева, в ней насчитывалось лишь 75 единиц по византиноведческой тематике в целом¹⁹. По задуманной до войны диссертационной работе он опубликовал в 1944 г. только одну небольшую статью с одноименным названием, которая показательна в содержательном отношении и свидетельствует об условиях работы ученых-историков в военное время. Эта статья имеет ссылки почти исключительно на Георгия Пахимера, кроме двух — общего труда о византийской литературе К. Крумбахера и работы Н. Веселовского о Ногае²⁰. Автор близко к тексту источника излагает взаимоотношения монголов и Византийской империи времени правления Михаила VIII и приходит к выводу, что те уступки, на которые пошел император, — брачные договоры, подкупы ханов — и осторожность базилиевса во внешней политике, проявлявшаяся в дипломатическом маневрировании и отказе от открытых столкновений с восточным соседом, обусловлены слабостью Ромейской империи и мощью Монгольской. Поэтому, по Н.С. Лебедеву, осуждение Михаила Палеолога Пахимером является необоснованным. Здесь прослеживается аллюзия на современные автору статьи события, и общий посыл автора статьи, возможно, таков: несмотря на патриотические чувства, человек своей страны должен объективно оценивать ситуацию, а отступление высшего руководства от принципов не следует рассматривать

¹⁸ Там же. Л. 27.

¹⁹ Там же.

²⁰ Лебедев 1944а, 91—94.

как слабость, но как вынужденную меру, имеющую цель получить передышку для внутреннего усиления государства.

Источников для дальнейшей разработки темы не было, поэтому соискатель решил поменять тему, выбрав ту, которая была бы обеспечена соответствующим документальным материалом. Таковой стала тема, посвященная истории науки, а именно — творчеству В.Г. Васильевского. Отсюда можно предположить, что поворот к историографическим штудиям в годы Великой Отечественной войны являлся вынужденным: вывезенные из столиц в глубь страны архивы были зачастую недоступны исследователям. Сам Лебедев на диспуте сообщает, что делал запросы в Казань с целью допуска в архивы, но ответа не получил²¹.

В своей защитной речи Н.С. Лебедев очерчивает предметное поле историографии. Его рассуждения в данном случае выявляют процесс институционализации этой дисциплины. Так, в центре внимания соискателя находится научное творчество В.Г. Васильевского, которое, как справедливо заметил диссертант, чрезвычайно разнообразно тематически и посвящено широкому хронологическому периоду, поэтому Н.С. Лебедев сознательно ограничивает квалификационную работу трудами своего героя по русско-византийским отношениям, стремясь дать их исчерпывающий анализ. Необходимость выбора таких рамок обусловлена пониманием предмета историографии: соискателю совершенно очевидна опасность трансформации его исследования в библиографический указатель с аннотациями книг, если бы он поставил целью изучить все наследие Васильевского²².

Важно, что первую главу Лебедев посвящает биографии Васильевского, попутно характеризуя эпоху 1870—1890-х гг., в которую творил историк, и воссоздавая тем самым контекст, наполненный бурным общественно-политическим движением. Здесь автор диссертации обращает внимание на особый статус византиноведческих штудий в Российской империи вследствие давних крепких связей между странами, о чем писали уже славянофилы и Т.Н. Грановский²³. Отсюда естественным становится вывод об «объективных обстоятельствах» зарождения первых подлинно научных занятий по истории Византии именно в России. Высказанный тезис не нов, но в условиях 1943 г. его не-

²¹ Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 69. Л. 32.

²² Там же. Л. 28.

²³ Там же. Л. 27.

обходимо было в очередной раз проговорить для обоснования научных разработок в данной области, актуализируя тем самым постепенно возрождающееся научное направление. Обращение же Васильевского к истории Византии Лебедев увязывает с геополитической обстановкой последней трети XIX в., когда внимание общественности было сконцентрировано на разрешении балканского вопроса и на освобождении болгар²⁴. Впрочем, последнее подвергается критике со стороны оппонента В.И. Пичеты, который объяснял возникший у Васильевского интерес к Византии субъективными обстоятельствами — неудовлетворительной работой В.С. Иконникова «Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории о культурном влиянии Византии на Русь» (1867 г.), подвергшейся критике со стороны В.О. Ключевского и В.А. Бильбасова, что создавало необходимость рассмотрения поставленного вопроса заново²⁵.

Биографию Васильевского Лебедев написал на опубликованных материалах (некрологи и воспоминания из ЖМНП). Однако, как уже отмечалось, диссертант пытался получить доступ к архивам дореволюционного ученого. В данном случае, несмотря на отсутствие возможности, важна сама постановка вопроса. В.И. Пичета высказал мнение, что после возвращения в Ленинград необходимо будет изучить архив Петербургского педагогического института, делопроизводственную документацию периода обучения там Васильевского, чтобы понять «кто были его учителя, чему они его учили». Такая работа, в представлении оппонента, необходима «для понимания научного лица Васильевского», в том числе при исследовании вопроса об обращении историка к византиноведческой тематике²⁶.

Вторая глава диссертации посвящена приемам и методам Васильевского, оценке «положительных» и «отрицательных» сторон исследовательского почерка и выводов дореволюционного ученого. Здесь же Лебедев прослеживает то, как концепция Васильевского воспринималась и оценивалась последующими историками. Для этого раскрываются причины, по которым соискатель ограничил исследование творчества первого византиноведа России работами по русско-византийским отношениям. Не останавливаясь на пересказе этих работ, диссертант принимает

²⁴ Там же. Л. 28 об.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Л. 29.

активное участие в споре по существу поднятых Васильевским проблем. Лебедев актуализирует наследие ученого. В годы возрождения науки о Византии важным оказывалось определение «закрытых», а также еще не изученных проблем. Дореволюционная наука при таком подходе становилась как бы частью советской науки, этапом в ее становлении и одновременно гордостью, между этими периодами отныне не существовало непреодолимой грани²⁷. В качестве основных черт В.Г. Васильевского как историка в итоге были выделены: разнообразная тематика при изучении византийской истории; систематическое привлечение источников как восточных, так и западных, не бывших в научном обороте; использование разнообразных источников по жанру и виду; стремление изобразить «Русь как сильное государство, которое с успехом противопоставляет себя Византийской империи и заставляет с ней постоянно считаться»²⁸. Появление последнего тезиса, очевидно, обуславливалось условиями войны. Недостатками трудов Васильевского Лебедев парадоксальным образом считает отсутствие позиции у дореволюционного византиниста в отношении норманнского вопроса, а также одну методологическую особенность: зачастую академик то или иное утверждение, формулируемое им как гипотезу, использует для построения новых теорий²⁹. Приведенные «положительные» характеристики, как бы то ни было, перевешивали «отрицательные».

Сам подход Лебедева, его оценочная дифференциация черт творчества Васильевского, не может не вызвать критики сегодня, но для советской историографии того времени он был характерным явлением. Марксизм признавался вершиной развития гуманитарной науки. Полагалось, что только историк, обладающий марксистским инструментарием, мог осуществлять объективный справедливый суд над предшествующей наукой, обобщая и систематизируя накопленный мировой историографией опыт.

К сожалению, в архивах не сохранилась диссертация Н.С. Лебедева, однако по материалам квалификационного исследования им была выпущена статья в 1944 г., проливающая свет на «творческую лабораторию» соискателя³⁰. Большая ее часть —

²⁷ Дубровский 2017, 327—421.

²⁸ Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 69. Л. 27 об.

²⁹ Там же. Л. 28.

³⁰ Лебедев 1944б, 74—82.

анализ труда В.Г. Васильевского «Византия и печенеги» (1872). Общая схема историографического анализа выглядит следующим образом: перечисление вопросов, ставящихся автором в исследовании — обозначение источников, на основании которых решаются поставленные вопросы — изложение полученных выводов — определение степени новизны выводов и общего значения анализируемого сочинения в науке. В этом контексте заслуживает внимание оценка Лебедевым достижений Васильевского. Советский историк хвалит дореволюционного академика в связи с работой «Византия и печенеги» за объяснение крестоносного движения не «мистическими порывами людей» и пламенной речью Урбана II, а мирскими выгодами, которые могли быть получены рыцарями в результате похода на Восток³¹. При этом Васильевскому, по мнению Лебедева, не достаёт существенного сюжета — описания внутреннего состояния Европы в это время, ведь «Западная Европа <...> была полна самых разнообразных коллизий классового порядка, которые также служили причинами движения людей Запада на Восток»³². Впрочем, советский историк и сам не обращается к разбору этих самых «коллизий», поэтому остается не до конца понятным, что он имел в виду. К новациям Лебедев отнес и то, что Васильевский обратил внимание на роль печенегов в крестовом походе, деятельность ханов Боняка и Тугоркана, о чем не писали зарубежные ученые³³. Но в целом же следует заметить, что в статье и диссертации четко не прослеживается классовый подход в характеристике Васильевского.

Через несколько лет, в конце 1940-х гг., Н.С. Лебедев сделал доклад по материалам своей диссертации в группе по истории Византии ЛОИИ АН СССР, где он состоял научным сотрудником³⁴. Судя по обзорной публикации в «Византийском временнике», выступавшие в прениях отметили, «что докладчик не дал марксистско-ленинской оценки трудов Васильевского (Е.Э. Липшиц) и не подверг достаточной критике их философские и методологические основы (М.А. Тиханова, Б.М. Кочаков, М.В. Левченко, Е.Ч. Скржинская)»³⁵. В период идеологических кампаний,

³¹ Там же. С. 77.

³² Там же.

³³ Там же. С. 78.

³⁴ Горянов 1961, 364.

³⁵ Липшиц 1951, 275.

очевидно, давление на историков возросло. Были выдвинуты и более жесткие требования к научной продукции, которых не было в Великую Отечественную войну, поэтому Лебедев, выступая со «старым» материалом, подвергся критике. Конечно, публикация в «Византийском временнике» в 1951 г. должна была иметь соответствующую стилистику и риторичность, но на пустом месте подобные замечания не возникли бы.

Но возвратимся к диссертации 1943 г. Выводы, к которым приходит Н.С. Лебедев в своем исследовании, излишне оценочны и в какой-то мере имеют декларационный характер. Подтверждением этому служат опубликованные тезисы диссертационной работы — один из обязательных документов, который специально перед диспутом копировался и распространялся среди заинтересованных учреждений и лиц. Некоторые положения столь очевидны, что возникает вопрос, стоит ли формулировать их как авторский вывод:

...3. Первые труды В. Г. Васильевского по истории Византии, относящиеся к 1872—1879 гг., посвящены византийско-русским отношениям.

4. Эти работы были в свое время выдающимися как со стороны примененного в них метода исследования, так и по достигнутым в них результатам.

5. Характерной особенностью рассматриваемых работ В.Г. Васильевского является постоянное стремление исследователя найти новые пути для решения поставленных задач.

6. Как правило, по всех работах В.Г. Васильевского необходимо отметить привлечение новых источников, которые подвергаются им тщательному и подробному изучению.

7. По-новому осветить уже бывшие в обороте памятники и источники — так же отличительная черта критического приема В.Г. Васильевского <...>

9. Работы В.Г. Васильевского о византийско-русских отношениях отличаются богатством заключающихся в них проблем, гипотез и вопросов, которые поднимаются Васильевским в процессе разработки им основной темы <...>

11. Результаты, к которым пришел В. Г. Васильевский в своих работах о византийской-русских отношениях, были чрезвычайно важны. Они вносили, во-первых, много нового и свежего <...>, а во-вторых, при известной спорности и гипотетичности некоторых положений всегда двигали вперед русскую историческую науку по пути дальнейших исследований <...>³⁶

---

³⁶ Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 69. Л. 18—19.

В итоге Н. С. Лебедеву ученую степень все же присудили: 9 голосов «за», 1 «воздержался», «против» нет³⁷. Не исключено, однако, что на исход голосования повлияли не только исследовательские навыки соискателя. Во всяком случае представляется очевидным, что выводы диссертации отвечали политическому запросу того времени. Великая Отечественная война внесла коррективы в государственную идеологию. Уже в начале Великой Отечественной войны стало расти значение культа героев прошлого — полководцев, адмиралов, князей, царей, обретавших характер символов величия русского (советского) народа. Как нами отмечалось, в публицистической литературе и пропаганде с 1943 г. делался акцент на заслугах русского народа в мировой истории. В противовес измышлению Гитлера о неполноценности славян стал развиваться и доказываться на конкретных примерах тезис о значительном вкладе славян, и особенно русского народа, в сокровищницу мирового искусства и культуры. И на этом фоне фигура В.Г. Васильевского, первого византиниста, стала чрезвычайно актуальной. Выявление его научных достижений позволяло доказать приоритет русской науки в целом направлении исторических исследований, имеющем мировую значимость. Показательно, что академик В.И. Пичета в своей речи говорил о достоинствах работы Лебедева через значение личности Васильевского для русской и мировой науки, отмечая приверженность дореволюционного историка русскому языку при написании исследований и его нацеленности на возвращение молодого поколения исследователей. Оппонент отметил: «В то время когда фашисты объявляют, что у нас нет ни науки, ни культуры, научное значение деятельности Васильевского — одного из величайших патриотов своей родины <...> является также патриотичным и вполне *политически* [курсив наш. — *Авт.*] своевременным»³⁸. Другими словами, Пичета в своем выступлении в большей степени говорил о политическом и культурном значении Васильевского, чем об исследовании Лебедева. В отношении же самой диссертации оппонент заметил: «Вы избавили его [Васильевского. — *Авт.*] труды от второстепенных мелочей <...> В результате читатель неподготовленный может составить отчетливое представление о том, каково было научное лицо Васильевского и каково его значение в разработке тех вопросов, которые им были

³⁷ Там же. Л. 33.

³⁸ Там же. Л. 29.

затронуты»³⁹. Второй оппонент, член-корреспондент АН СССР С.К. Богдавленский, также отметил важность политического момента и заслугу Лебедева именно в обработке научного наследия дореволюционного византиниста: «Очень ценна та глава, где автор рассказывает о критических приемах Васильевского, но еще ценнее та, где реферируются работы Васильевского <...> Нужно отметить чрезвычайную добросовестность передачи сочинений Васильевского»⁴⁰.

В ходе свободной дискуссии высказался и Е.А. Косминский, приветствовав появление диссертации по византиноведению и одновременно по историографии, тем дисциплинам, которые «сейчас выдвинуты на очередь и нуждаются в хорошо подготовленных кадрах исследователей», и отметив, что соискатель «восстанавливает славную традицию русской науки»⁴¹. В выступлении Косминского прослеживается ряд аллюзий на современные диспуту внешнеполитические события: академик настаивал на неотделимости русской науки от мировой, поэтому и процесс формирования Васильевского как исследователя должен был изучаться, по его мнению, не только в связи с научными тенденциями и общественным контекстом России, но всего мира. Объединение стран Европы для борьбы с общим врагом актуализировало и интеграцию советских ученых в мировую науку, в том числе историческую.

Приведенные нами материалы диссертации Н.С. Лебедева позволяют расширить и скорректировать вывод В.С. Груздинской, специально исследовавшей становление историографии как научной дисциплины в СССР, что «в годы войны [Великой Отечественной. — *Авт.*] сохранилось отношение к историографии как инструменту борьбы с внешним врагом»⁴². Значение историографического труда в этот период стало видеться значительно шире. Такое исследование выполняло важную идеологическую функцию — демонстрацию достоинств отечественной науки. В борьбе с расовой теорией обращалось внимание в том числе на достижения русских ученых. Тем самым дореволюционное прошлое становилось неотъемлемой частью истории Советского Союза. СССР выступал как бы наследником имперской России.

³⁹ Там же. Л. 30.

⁴⁰ Там же. Л. 31.

⁴¹ Там же.

⁴² Груздинская 2020, 85.

Идеологи высшего уровня оказались заинтересованы в актуализации, казалось бы, классово чуждых идей, возникших в науке до 1917 г. Но Н.С. Лебедев не ограничился лишь констатацией первенства В.Г. Васильевского в мировом византиноведении. Соискатель в своей диссертации ставит вопрос о предпосылках такого лидерства, находя их в «объективных» обстоятельствах, тем самым позиционируя свой вывод как научный. В результате труды В.Г. Васильевского рассматривались как результат определенных общественно-политических и культурных предпосылок, сложившихся в России в 1860—1870-х гг. Актуализация наследия дореволюционных историков стала важной составляющей возрождения отечественного византиноведения в середине 1940-х гг. Характерна реплика Л.А. Мацулевича, одного из выступавших на диспуте Лебедева: «Мы должны помнить, мы должны изучать и почитать тех ученых, которые <...> выдвинули русскую науку на первые ряды, мы должны высоко держать их знамя»⁴³.

3.2. Первая защита диссертации в Москве после реэвакуации: диспут А.В. Мишулина 1943 г.

На личности Александра Васильевича Мишулина (1901—1948) следует остановиться отдельно и подробно, поскольку он был одним из ведущих антиковедов военного времени, именно его перу принадлежало большинство статей по античности, вышедших в «Историческом журнале». В них, как мы покажем в дальнейшем, довольно четко намечаются ориентиры работы специалистов по древности в условиях войны.

За исключением последнего десятилетия, об А.В. Мишулине было написано крайне мало, если не считать некрологов и юбилейных заметок. Очевидной причиной была не слишком высокая значимость его научных трудов, прежде всего о восстании Спартака, которые уже в 1950—1960-е гг. были подвергнуты справедливой критике⁴⁴. Но были ли именно научные труды важнейшей частью наследия А.В. Мишулина? Нам представляется необходимым рассмотреть его научно-организационную деятельность, которая пришлась на период становления советской

⁴³ Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 69. Л. 32.

⁴⁴ Обобщение этой критики: Кузищин 1971.

науки о древности, а также показать его роль в развитии изучения и преподавания истории древнего мира в Москве. Архивные материалы по теме сосредоточены, прежде всего, в Архиве Российской академии наук в Москве; наибольшее значение имеют фонд 1577 (Институт истории АН СССР) и фонд 457 (Отделение истории и философии АН СССР). В фондах содержатся отчетные материалы академических институций, служебная переписка, стенограммы заседаний. Мемуарной литературы по рассматриваемому разделу истории науки крайне мало; некоторый интерес представляют мемуары Л.А. Ельницкого, достаточно субъективные, а также воспоминания И.Л. Маяк, в которых Н.А. Машкин, ученый, противопоставляется А.В. Мишулину, партаппаратчику⁴⁵.

В первой половине 1930-х гг. Москва не была значительным центром изучения древней истории, уступая по всем параметрам Ленинграду, и основные научные силы были сосредоточены именно в «северной Пальмире», превратившейся в «город трех революций». В Коммунистической академии (Комакадемии), руководство которой находилось в Москве, изучение древней истории было к середине 1930-х гг. прекращено⁴⁶. Московское отделение ГАИМК (МОГАИМК) не было влиятельным, из заметных специалистов по истории древнего мира в него входил только сам А.В. Мишулин, которому наезжавшее время от времени из Ленинграда руководство ГАИМК устраивало жесткие разносы⁴⁷. Основание исторического факультета МГУ в 1934 г. несколько оживило картину московского антиковедения, но специалистов решительно не хватало. По всем параметрам соответствующая кафедра ЛГУ выглядела солиднее.

Перевод президиума АН СССР из Ленинграда в Москву в 1934 г. вначале также мало повлиял на изучение древней истории, поскольку все академики, специалисты по истории древнего мира, проживали в Ленинграде: и С.А. Жебелев, и А.И. Тюменев, как и избранный в 1935 г. В.В. Струве. Основание Института истории АН СССР в феврале 1936 г. в Москве (с отделением в Ленинграде)⁴⁸ картины также не изменило: Сектор древней истории базировался в Ленинграде, и возглавлявший его В.В. Стру-

---

⁴⁵ Маяк 2015.

⁴⁶ Иванова, Карпюк 2020.

⁴⁷ Ельницкий 2014, 59.

⁴⁸ Есаков 2000, 219—220.

ве раз месяц приезжал в Москву для руководства немногочисленными сотрудниками, по большей части «договорниками»⁴⁹. Подобное положение было, с точки зрения власти, вполне естественным: древняя история не была «актуальной» дисциплиной и вполне могла разрабатываться вне столицы.

«Провинциальность» московской древней истории контрастировала со столичными функциями Москвы, резко усиленными социалистической гиперцентрализацией. Близость, хотя бы географическая, к центру власти была очевидным (хотя и небезопасным) преимуществом московских историков. И административным, и «мозговым» центром издания и школьных учебников, и «Всемирной истории», в которую должен был войти планируемый шеститомник по древней истории, стала Москва. Издание журнала «Вестник древней истории» именно в Москве, безусловно, повысило значение московского центра изучения древней истории, хотя в довоенные годы большинство статей было прислано из Ленинграда.

Во всех этих проектах А.В. Мишулин играл важную роль. Со времени основания исторического факультета МГУ в 1934 г. он работал там профессором, а с 1935 г. возглавил кафедру истории древнего мира в Московском пединституте. Вот что говорил об этом его ученик, известный историк древности В.Н. Дьяков:

А.В. [Мишулин] был заведующим кафедрой истории древнего мира и, по существу, организатором кафедры в этом институте [Либкнехта]. Он стал работать там с 1935 г. ... Он отдавал ему сил, пожалуй, больше, чем даже Университету, в котором он был профессором, но в котором он вел только семинарские занятия, тогда как в Институте он читал основной курс и, по существу, был основным нашим руководителем и в области научной работы. А.В. [Мишулин]... первый и создал аспирантуру тогда в Москве. Первые аспиранты, которые появились по кафедре древней истории, это были аспиранты, им собранные, и как раз при Институте им. Либкнехта⁵⁰.

После ареста близкого к Сталину А.С. Сванидзе А.В. Мишулин с декабря 1937 г. возглавил «Вестник древней истории», вначале в роли и. о. редактора, а потом и редактора (т. е. главного редактора) первого специализированного исторического журнала

⁴⁹ Карпюк, Крих 2018, 1023—1024.

⁵⁰ Выдержка из стенограммы заседания Ученого совета Института истории АН СССР 25 декабря 1948 г., посвященного памяти А.В. Мишулина (Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 198. Л. 35—36).

в СССР⁵¹. Вот что написано об этом в сохранившемся в Архиве РАН черновом варианте некролога А.В. Мишулина:⁵²

...Он принимает деятельное участие в организации журнала «Вестник древней истории», с конца 1937 года становится ответственным его редактором и дает журналу то направление, какое он сохраняет до настоящего времени. По мнению А.В. [Мишулина], это должен быть научный журнал, печатающий специализированные исследования по древней истории, имеющие научную актуальность. Древняя история, по мысли организаторов журнала, не ограничивается лишь древним Востоком и античностью, в журнале печатаются статьи и по древней истории СССР, большое внимание уделяет журнал и вопросам археологии; специальный раздел критики и библиографии знакомит читателей с новыми трудами по древней истории, появляющимися у нас и за рубежом; в приложениях к журналу печатаются переводы античных авторов. Каждый номер начинается с передовой статьи, мобилизующей советских граждан на разрешение той или иной актуальной задачи в области истории древнего мира... Самим А.В. Мишулиным было написано много передовых статей, другие статьи писались его заместителем и ближайшим соратником А.Б. Рановичем⁵³.

Перед Институтом истории АН СССР была поставлена задача написания многотомных «Истории СССР» и «Всемирной истории», и по этим проектам Академия наук должна была отчитываться перед Совнаркомом⁵⁴. А.В. Мишулину было поручено курировать написание томов по древности для «Всемирной истории»: «В 1938 г. А.В. Мишулин назначается заведующим сектором древней истории Института истории АН СССР. До этого главная работа протекала в Ленинграде⁵⁵. А.В. [Мишулин] создает работоспособный коллектив в Москве. Все внимание московских и ленинградских историков направляется на подготовку “Всемирной истории”...»⁵⁶. А.В. Мишулин впервые появляется в явочном листе членов ученого совета Института истории от 19 июля

⁵¹ Павловская 1998; Карпюк 2016.

⁵² Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 198. Л. 55—73. Черновой вариант содержит много существенных деталей, которых нет в опубликованном некрологе: Профессор Александр Васильевич Мишулин 1948, 135—142.

⁵³ Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 198. Л. 66—67.

⁵⁴ «Подготовка “Всемирной истории” входила в государственный план, а АН СССР должна была отчитываться об этапах подготовки этого издания перед Совнаркомом» (Карпюк, Крих 2018, 1015).

⁵⁵ Предложение в документе зачеркнуто.

⁵⁶ Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 198. Л. 67.

1938 г.⁵⁷ Сектор первоначально состоял из заведующего (Мишулина) и пяти сотрудников (Ранович, Сергеев, Машкин, Зельин, Протасова), к которым в 1940 г. добавился Авдиев. Это малочисленное подразделение, составлявшее только около 4 % сотрудников института, значительно уступало по численности, к примеру, ленинградскому Сектору древнего Причерноморья Института истории материальной культуры им. Н.Я. Марра АН СССР (ИИМК), который состоял из 13 сотрудников (11 научных, 2 научно-технических) во главе с академиком С.А. Жебелевым⁵⁸.

При этом Сектор древней истории отвечал и за научную работу, и за издание «Вестника древней истории». К 1940 г. А.В. Мишулину удалось наконец сделать редакционный процесс по подготовке ВДИ частью академического плана: «Работа нашего сектора не может быть отделена от другой работы <...> Это работа по подготовке очередных номеров журнала “Вестник древней истории”. Здесь приходится вести большую работу, поскольку “Вестник древней истории” стал теперь органом Института истории Академии Наук <...>»⁵⁹.

А.В. Мишулин возглавлял Сектор древней истории в 1938—1940 и 1943—1948 гг. Согласно сохранившемуся в Архиве РАН «Списку сотрудников Института истории АН СССР, имеющих совместительство» А.В. Мишулин, кроме Института истории, работал в МГУ, Московском пединституте им. Либкнехта и исполнял обязанности (главного) редактора «Вестника древней истории». Его совокупная зарплата в декабре 1939 г. составляла 3100 руб., в мае 1940 г. — 2700 руб.⁶⁰ В 1940 г. он временно отошел от заведования Сектором древней истории, поскольку получил сталинскую стипендию для подготовки докторской диссертации⁶¹. После этого А.В. Мишулин посвящает себя партийной работе в отделе науки ЦК ВКП(б) и работе над диссертацией; он поддерживает кандидатуру академика С.А. Жебелева как руководителя Сектора древней истории. Сотрудничество ленинградского академика и московского партийно-научного

⁵⁷ Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 2. Л. 24.

⁵⁸ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1939. Д. 25. Л. 4.

⁵⁹ Там же. Л. 8.

⁶⁰ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1940. Д. 46. Л. 2—4, 5—7, 163—164. А.В. Мишулин не был исключением: все сотрудники возглавляемого им сектора работали в двух-трех местах.

⁶¹ Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 198. Л. 67.

функционера оказалось удачным: это было время совместной и достаточно эффективной работы московских и ленинградских ученых над «Всемирной историей»⁶².

Большой резонанс среди советских историков вызвала статья А.В. Мишулина «На историческом фронте», опубликованная в середине ноября 1940 г. в газете «Правда», органе правящей партии⁶³. Особенно бурная реакция последовала от ленинградских академиков А.И. Тюменева и В.В. Струве, которые в конце ноября 1940 г. на сессии Отделения истории и философии АН СССР вступили в острую дискуссию с автором статьи⁶⁴.

После начала Великой Отечественной войны А.В. Мишулин на заседании кафедры истории древнего мира МГУ выступает с докладом о скифской военной тактике, разоблачает фашистскую пропаганду, идеализирующую древних германцев, печатает статьи о древних славянах. Он был эвакуирован сначала в Ашхабад, затем в Свердловск. Условия работы в эвакуации были непростыми: «Зиму 1942—43 г. А.В. [Мишулин] провел в Свердловске. Вместе с семьей он занимал небольшую комнату, бедно меблированную, так что писать ему приходилось сидя на кровати и разложив рукописи и книги на чемодане»⁶⁵. Тем не менее А.В. Мишулину, несмотря на трудности военного времени, удалось дописать и в срок представить докторскую диссертацию, о которой речь пойдет ниже.

Как уже отмечалось в первой главе, реэвакуация Института истории АН СССР прошла в мае 1943 г., а летом 1943 г. институт стал активно функционировать. 8 июля 1943 г. состоялась защита докторской диссертации А.В. Мишулина «Античная Испания и ее вступление в борьбу за независимость», которая стала событием в научной жизни: «На диспут А.В. [Мишулина] собрались все московские историки, интересующиеся античностью»⁶⁶. После защиты докторской диссертации А.В. Мишулин был вновь назначен заведующим Сектором древней истории, которым оставался вплоть до своей смерти в 1948 г.

Одновременно с октября 1943 г. по сентябрь 1945 г., как уже отмечалось, А.В. Мишулин был заместителем директора Инсти-

⁶² Карпюк, Крих 2018, 1030—1031.

⁶³ Мишулин 1940, № 317.

⁶⁴ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1940. Д. 33.

⁶⁵ Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 198. Л. 68—69.

⁶⁶ Там же.

туда истории материальной культуры АН СССР и способствовал переводу дирекции института из Ленинграда в Москву.

В 1940-е гг. А.В. Мишулин был видным партийным функционером, работал в отделе науки ЦК ВКП(б); не случайно именно на него, профессионального историка, была возложена ответственность за подготовку Археологического совещания 1945 г. Вскоре после этого он получил назначение на руководящую должность в сфере партийного образования: «С мая 1944 г. до августа 1946 г. А.В. [Мишулин] был на руководящей работе в аппарате ЦК ВКП(б), а с августа 1946 г. до августа 1948 состоял ректором Академии общественных наук при ЦК ВКП(б)». А.В. Мишулин расстривал Академию общественных наук (АОН) не просто как партийное учебное заведение. Вот что он говорил на общем собрании профессоров, преподавателей и аспирантов 4 ноября 1946 г.: «...Наше учреждение не обычного типа, мы имеем Академию общественных наук как учреждение учебно-научное, где задачи учебные все время должны находиться вместе с задачами научными»⁶⁷. Была создана система кафедр и научных кабинетов, в которых аспиранты АОН должны были работать на регулярной основе⁶⁸. Для работы в АОН были привлечены ведущие советские ученые, работавшие в АН СССР и в МГУ. Заместителями заведующих кафедрами он предложил утвердить 15 октября 1946 г. «...по кафедре истории международных отношений тов. Рубинштейн[а] Николая Леонидовича; по кафедре всеобщей истории тов. Поршнева Бориса Федоровича... по кафедре истории СССР тов. Федосова Петра Михайловича; по кафедре теории и истории искусств тов. Недошивина Германа Александровича»⁶⁹. Членами кафедр были утверждены, согласно приказу от 17 октября 1946 г., «по кафедре истории СССР Бахрушин С.В., Панкратова А.М., Минц И.И., Пичета В.И., Нечкина М.В., Сидоров А.Д., Третьяков П.Н.; по кафедре всеобщей истории Волгин В.П., Косминский Е.А., Сказкин С.Д., Потемкин Ф.В., Зубок Л.И., Захаров С.В.»⁷⁰. Привлечение ведущих специалистов-историков, докторов и кандидатов наук, продолжалось и в дальнейшем: так, 21 декабря 1946 г. были зачислены на должности в АОН А.И. Шнеерсон, Э.Н. Бурджалов,

⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 86. Л. 3.

⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 2. Л. 9; Ф. 606. Оп. 1. Д. 86. Л. 32—33.

⁶⁹ Там же. Л. 23.

⁷⁰ Там же. Л. 26—27.

С.К. Бушуев и др.⁷¹ Таким образом, по замыслу А.В. Мишулина, АОН при ЦК ВКП(б) становилась важнейшим учебно-научным центром, причем по уровню научно-преподавательских кадров могла конкурировать и с институтами АН СССР, и с ведущими университетами.

В июле 1948 г. А.В. Мишулин лег в больницу, было начато оформление персональной пенсии⁷², а 19 сентября он умер от рака легких. «Лишь несколько дней перед смертью Александр Васильевич не работал»⁷³.

А.В. Мишулин — представитель партийно-научной номенклатуры в СССР, сформировавшейся к 40-м годам XX в. Он работал и в Академии наук СССР, и в различных высших учебных заведениях, и в отделе науки ЦК ВКП(б). А.В. Мишулин сыграл важнейшую роль в становлении и развитии советской исследовательской традиции изучения истории древнего мира и античной археологии, а также играл ключевую роль в организационных преобразованиях в этих сферах в 1930—40-е гг. Празднование десятилетия журнала «Вестник древней истории», который возглавлял А.В. Мишулин, в декабре 1947 г. стало, по сути, первой общесоюзной конференцией советских историков древности⁷⁴. Собравшиеся «тепло приветствовали редколлегияю журнала, ответственного редактора А.В. Мишулина и его заместителя проф. А.Б. Рановича, несменно и плодотворно работающих по изданию журнала»⁷⁵.

Роль А.В. Мишулина в формировании московского центра изучения древней истории трудно переоценить; в результате к середине XX в. московские антиковеды стали доминировать среди своих коллег в Советском Союзе. Уже в 1953 г. проблема стала очевидной, и бюро отделения истории и философии АН СССР предложило руководству «Вестника древней истории» уделять специальное внимание именно немосковским авторам⁷⁶.

⁷¹ Там же. Л. 78—79.

⁷² ГА РФ. Ф. 10249. Д. 3778.

⁷³ Некролог 1948, 139.

⁷⁴ 10 лет ВДИ 1948, 181—182. На нем присутствовали представители научной общественности, ведущих научных журналов по истории, археологии и этнографии.

⁷⁵ Там же. С. 182.

⁷⁶ В «Вестнике древней истории» с № 1 за 1953 г. в скобках после фамилии автора стал указываться город; доля статей московских авторов в журнале, как правило, ограничивалась 50 %. См.: Карпюк 2016, 513.

* * *

Итак, диспут по защите докторской диссертации А.В. Мишулина начал готовиться сразу же после возвращения из эвакуации Академии наук и Московского университета в 1943 г. Соответствующее дело о защите диссертации хранится в Архиве Российской Академии наук⁷⁷. Его изучение заставило обратиться и к более ранним сюжетам биографии историка — 1920—30-м гг., когда шло становление А.В. Мишулина как советского ученого.

В указанном выше деле содержатся следующие документы: постановление ВАК о присуждении степени кандидата наук, список научных трудов соискателя, его автобиография, выписка из постановления кафедры истории древнего мира МГУ. Членам Совета были разосланы извещения, содержащие такую информацию: «8 июля 1943 в 4.30 в Институте истории по адресу: ул. Маркса-Энгельса, д. 11 состоится защита А.В. Мишулина “Античная Испания и ее вступление в борьбу за независимость (до установления римской провинциальной системы в 197 г. до н. э.)”⁷⁸. Экземпляр диссертации находился в общем доступе в библиотеке Академии наук.

Поражает та быстрота, с которой диссертацию поставили на защиту, что, вероятно, свидетельствует о предварительной устной договоренности соискателя с руководством Академии наук: 21-м июня 1943 г. датируется заявление А.В. Мишулина с просьбой о проведении диссертационного диспута⁷⁹, сама же защита была назначена на 8 июля этого же года. Такая спешка, очевидно, связана с тем, что у соискателя заканчивался срок выплаты сталинской стипендии на написание докторской диссертации, которая ему была назначена в 1940 г. на 3 года⁸⁰. Полученные деньги необходимо было оправдать.

Следует отметить единственное нарушение законодательства о защите диссертаций. Оно связано с подбором оппонентов. Их было четверо — В.В. Струве, А.Б. Ранович, Н.А. Машкин, А.В. Арциховский. Второй и третий из них — сотрудники кафедры истории древнего мира МГУ, кафедры, на которой

⁷⁷ Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 72.

⁷⁸ Там же. Л. 1.

⁷⁹ Там же. Л. 5.

⁸⁰ Там же. Л. 6 об.

трудился соискатель, что противоречило требованиям к диспуту. Но данное обстоятельство вполне объяснимо: высококвалифицированных специалистов по античной истории в СССР, в принципе, имелось не так много, к тому же многие из них по-прежнему находились в эвакуации. Отчасти поэтому в ряду оппонентов появился и авторитетнейший востоковед В.В. Струве. Кроме того, положительной рецензией академика можно было защититься от возможных бюрократических нападков. Другим оппонентом являлся археолог-славист А.В. Арциховский. Его приглашение обусловлено содержанием представленной на защиту работы, большая часть которой посвящена доримскому периоду Пиренейского полуострова, изучение которого возможно преимущественно через археологический материал. Лишь А.Б. Ранович и Н.А. Машкин являлись специалистами по античной истории. Первый из них — истории раннего христианства, второй — принципата Октавиана Августа. Современные историографы А.И. Ключев и О.В. Метель заметили, что и Ранович, и Машкин не без участия Мишулина получили до этого ученые степени, а Ранович — и научные должности⁸¹.

Обращает на себя внимание автобиография Мишулина, хранящаяся в деле о защите, где автор сообщает об основных вехах своего жизненного пути. Отталкиваясь от нее, попробуем обозначить путь историка к докторской диссертации. При изучении документа обнаруживается ряд несоответствий сведениям из автобиографий, написанных им ранее. И эти несовпадения вовсе не случайны. На наш взгляд, он пытался сконструировать тем самым идеальную биографию ученого, стремясь выглядеть в научной корпорации не как «выдвиженец», который благодаря партийному стажу, конъюнктурным статьям и докладам стал претендентом на высшую ученую степень, а своим заслугам на исследовательском поприще. К тому же в Ученом совете по защите диссертаций состояло довольно много представителей «старой» школы, которые достигли признания именно через свои труды и прошли типичный для ученого путь: Б.Д. Греков, С.В. Бахрушин, С.К. Богоявленский, В.И. Пичета, Е.А. Косминский и др. Конечно, членами Совета являлись и представители нового поколения историков — А.М. Деборин, А.М. Панкратова и А.Д. Удальцов, но их было меньшинство. А.В. Мишулин вовремя понял веяния времени и возросшее внимание, с середины

⁸¹ Ключев, Метель 2022, 946.

1930-х гг., к опыту старшего поколения историков в связи с написанием многотомных изданий и учебников.

А.В. Мишулин пишет, что после окончания гимназии в 1919 г. «поступил на факультет Самарского университета, а в 1921 г. перевелся в Московский университет»⁸². Заметим, что здесь не сообщается, на какой конкретно факультет поступил соискатель. В официальной биографии будет сказано — «на историко-филологический факультет»⁸³, что не соответствует действительности. В Самарском университете, созданном в 1918 г., было лишь 2 факультета на 1919 г.: естественно-медицинский и физико-математический, в 1920 г. появится агрономический факультет. Вероятно, А.В. Мишулин вовсе не проходил учебу в Самарском университете, поэтому вполне сознательно не указывает название факультета. Это доказывает более ранняя биография 1927 г., содержащаяся в его аспирантском деле. В ней он сообщает, что в Самарском университете состоял преподавателем (читал Конституцию РСФСР) и участвовал в организации агрономического факультета⁸⁴. Это вполне может соответствовать действительности. Нехватка кадров в открывавшихся в годы Гражданской войны высших учебных заведениях ощущалась довольно остро, поэтому порой приглашали более-менее грамотных граждан для ведения курсов. Даже «вчерашний» выпускник гимназии (каковым и являлся А.В. Мишулин) вполне подходил для этой роли.

Далее в автобиографии 1943 г. сказано, что в 1921 г. А.В. Мишулин перевелся в Московский университет, который сначала оканчивает в 1922 г. по смешанной программе⁸⁵, а затем к концу 1923 г. проходит полный курс общественно-педагогического отделения⁸⁶. То есть буквально за два года он заканчивает два отделения. Думается, что на столь стремительное прохождение университетской программы повлияла как партийная, так и активная общественная работа А.В. Мишулина. В перечне прослушанных им дисциплин мы видим большое количество предметов общего характера — Психология, Логика, Государственное пра-

⁸² Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 72. Л. 6.

⁸³ К 10-летию 1958. С. 170.

⁸⁴ Архив РАН. Ф. 478. Оп. 1. Д. 47. Л. 1.

⁸⁵ По смешанной программе в 1922 г. оканчивали те студенты, которые поступали на историко-филологические факультеты, а затем вследствие реорганизации оказались на факультете общественных наук.

⁸⁶ Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 72. Л. 6.

во РСФСР, Учение о происхождении и развитии общественных форм, Статистика, Политэкономия, Исторический материализм и др. Специальных исторических семинаров, которые бы погружали студентов в исследовательскую работу, практически нет, за исключением просеминариев «Русская история» и «История Греции»⁸⁷. А.В. Мишулин прослушал лишь общие лекционные курсы: История Древней Греции, История Древнего Рима, История Древнего Востока, История средних веков, История Запада XIX—XX вв., История России, История русской революции, История рабочего движения, История Парижской коммуны, Старый порядок и Французская революция, История Северо-Американских Соединенных Штатов. По замыслу составителей учебного плана, такого набора дисциплин было вполне достаточно для подготовки преподавателей обществоведения. Кроме перечисленных, прослушаны были и прикладные курсы: Методика преподавания обществоведения, Теоретические основы педагогики, Теория трудовой школы, История народного образования в связи с историей педагогических идей, Экспериментальная педагогика⁸⁸.

Обратимся снова к автобиографии 1943 г. Соискатель сообщает, не уточняя дату, что после окончания университета он поступил в РАНИОН для продолжения научной работы, но по партийной мобилизации выехал в Иваново, где работал до 1927 г., поэтому заново начал аспирантуру в 1927 г.⁸⁹ Очевидно, свой путь в науку А.В. Мишулин пытается представить как типичный, характерный для большинства ученых: университет — аспирантура — защита диссертации. Практически ничего не пишет автор о своей партийной деятельности, об этом можно обнаружить лишь следующие строки: «Во всей, как производственной, так и общественной работе, я твердо отстаивал генеральную линию нашей партии, ни в каких оппозициях никогда не состоял и никаких уклонов никогда не имел»⁹⁰.

Однако личное дело аспиранта Мишулина, хранящееся в архиве Комакадемии (формальной преемницы РАНИОН)⁹¹, начинается именно с 1927 г., нет свидетельств, что он поступал ранее.

⁸⁷ Архив РАН. Ф. 359. Оп. 3. Д. 61. Л. 424 об.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 72. Л. 6.

⁹⁰ Там же. Л. 7.

⁹¹ Архив РАН. Ф. 359. Оп. 3. Д. 61. Л. 179—432.

Из документа выясняется, что после окончания университета он занимался пропагандистской работой, инструктировал рабочих в политшколах на фабриках, вел обществоведение в Централь-ных рабочих курсах, преподавал в совпартшколе, принимал участие в методических комиссиях по обществоведению, состоял в Иваново-Вознесенском губкоме⁹². И только спустя несколько лет, имея большой опыт общественной работы, по рекоменда-циям В.П. Волгина (тогда декана этнологического факультета, а в студенческие годы А.В. Мишулина — ректора Московского университета), Иваново-Вознесенского губкома, Совпартшколы в 1927 г. поступил в аспирантуру РАНИОН, в секцию древней истории. Нужно сказать, что вступительные испытания сда-ны абитуриентом не на высоком уровне: специальность на «4» (зачтена по докладу «Третье сословие в “Государстве” Плато-на»), истмат — «5», политэкономия — «3»⁹³. Решающее значе-ние сыграли рекомендации. К тому же конкурс в секцию древ-ней истории был невысок.

За годы обучения в Институте истории РАНИОН А.В. Ми-шулину следовало в качестве зачетов разработать одну тему по теоретической экономии, одну по истмату, 6 тем по истории (или этнологии), причем 3 по избранной специальности. Соот-ветствующие доклады защищались в специальных семинари-ях, проводившихся под руководством опытных ученых. Плюс к этому необходимо было пройти педагогическую практику и получить зачет по современному европейскому языку. Такие требования казались для многих невыполнимыми. Отнимала время и подработка: чаще всего аспиранты параллельно вели педагогическую деятельность, так как стипендий не хватало. Сам А.В. Мишулин преподавал историю техники в Москов-ском институте инженеров транспорта. Предполагалось, что к 1930 г. он должен был представить диссертацию. В памятной статье отмечено, что в годы аспирантуры А.В. Мишулин специ-ально занимался социальной теорией Платона и Спартаковским восстанием⁹⁴. На самом деле, сочинение о третьем сословии в «Государстве» Платона — его вступительная работа, которую он переработал, дополнил и сдал в качестве одного из докладов по специальности, но уже под названием «Аграрные основы

⁹² Там же. Л. 179.

⁹³ Там же.

⁹⁴ К 10-летию 1958, 170.

государства магнетов»⁹⁵. Оно было оценено следующим образом: «Тщательный анализ источника. Хорошее знакомство с общей и специальной литературой. Склонность к широким обобщениям, не пропорциональным мастерству»⁹⁶. Здесь мы видим характерную для научного творчества А.В. Мишулина тенденцию к обобщениям. Другой доклад, по русской истории — «Социальные мотивы в происхождении церковного раскола XVII в.», носил историографический характер. В отзыве на него отмечено: «Сам доклад — изложение точек зрения на проблему церковного раскола, причем кратко обозначены взгляды церковных писателей. Говорит непоследовательно о слиянии религиозной идеологии с социальным движением»⁹⁷. И в этом случае прослеживается, как мы в дальнейшем увидим, еще одна особенность творчества ученого — большая описательная историографическая часть и построение на ее основе теории.

До закрытия РАНИОН А.В. Мишулину зачли только один доклад — «Диалектика как метод познания и действия и как философская наука» в семинаре у А.Д. Удальцова. В Комакадемии (официально открывшейся в 1929 г.), куда перевели аспирантов из РАНИОН, требования оказались несколько сокращены⁹⁸. Мы не знаем, сколько в итоге А.В. Мишулиным было подготовлено письменных работ. В одной из записок от 19 марта 1930 г. он отчитывается, что написал доклады по истмату, специальности, по русской истории, закончил второй доклад по специальности. В планах было исследование темы о колониальной политике Бисмарка⁹⁹. Но по специальности Мишулин выступил лишь с темой «Восстание Спартака в Риме». Ход обсуждения оказался стенографирован¹⁰⁰. В обсуждении приняли участие П.Ф. Преображенский, Г.М. Приговорский, В.С. Сергеев, Глуховский и Домбровский. Все они отнеслись к докладу довольно скептически, заявив, что не считают возможным на основании фрагментарного корпуса источников делать широкие обобщения о массовом участии в восстании Спартака свободных граждан, о противостоянии рабов всей системе хозяйственных и социально-

---

⁹⁵ Архив РАН. Ф. 359. Оп. 3. Д. 61. Л. 378.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же. Л. 375.

⁹⁸ Грудзинская 2018, 69.

⁹⁹ Архив РАН. Ф. 359. Оп. 3. Д. 61. Л. 432.

¹⁰⁰ Архив РАН. Ф. 359. Оп. 2. Д. 26.

политических отношений, о классовой борьбе между мелким крестьянством и крупными землевладельцами, о датировке начала восстания 74 г. до н. э. Критиковались преувеличение значимости в движении рабов личности Спартака, а также структура доклада. Автор при изложении материала шел за античным автором Аппианом, пренебрегая сообщениями Саллюстия, а в ряде сюжетов — за современным немецким исследователем Шамбургом¹⁰¹.

Другими словами, все выступавшие отметили низкое качество работы. А.В. Мишулин был крайне обижен на оппонентов. Вероятно, не зная, чем возразить, он заявил, что ему не понравилось содержание прений, так как внимание переключилось на мелочи, а не на оценку его концепции. Однако рецензентам было очевидно, что эти «мелочи» рушат само концепцию А.В. Мишулина. Низкая оценка работы не помешала ему стать выпускником аспирантуры 1 октября 1930 г., а затем издать эту работу в виде монографии¹⁰². Причем практически без исправлений. Показательна рецензия П.Ф. Преображенского в журнале «Историк-марксист» на монографию 1936 г.: в ней приведены те же самые замечания («автор стремится быть самым настоящим исследователем, что ему не всегда удается», многие выводы не находят подтверждения в источниках), что и на обсуждении доклада¹⁰³. Более того, монографию «Спартакосское восстание» зачли в качестве кандидатской диссертации без защиты в 1935 г. Ленинградский антиковед С.И. Ковалев в отзыве отметил, что источники подвергнуты «правильному критическому разбору», «работа <...> обнаруживает хорошее знакомство с источниками и литературой вопроса, умение самостоятельно ставить и решать конкретные исторические проблемы и владение методами исторической критики», и вообще — это «первая серьезная попытка марксистско-ленинского истолкования великого восстания италийских рабов»¹⁰⁴. Хотя позже, находясь в местах лишения свободы, С.И. Ковалев будет довольно скептически отзываться о способностях А.В. Мишулина, назовет его малоквалифицированным ученым, обладающим плохим стилем¹⁰⁵. Вероятно,

¹⁰¹ Там же. Л. 10—38.

¹⁰² Мишулин 1936.

¹⁰³ Преображенский 1936, 207—208.

¹⁰⁴ Архив РАН. Ф. 478. Оп. 1. Д. 47. Л. 5—6.

¹⁰⁵ Сворцов 2017, 221.

в середине 1930-х гг. С.И. Ковалеву выгодно было поддержать А.В. Мишулина.

Далее в автобиографии историк пишет только о своих должностях в учебных и научных учреждениях (директор Московского отделения ГАИМК, профессор кафедры истории древнего мира МГУ, зав. Сектором древней истории Института истории АН СССР, сотрудник «Вестника древней истории»). Ни слова о том, что он состоял в Обществе «Историк-марксист» или был председателем месткома в ГАИМК с 1935 г.

Итак, в середине 1943 г. А.В. Мишулину предстоял второй в его жизни крупный научный диспут. Структуру работы можно представить на основе посмертно изданной С.Л. Утченко и Я.А. Ленцманом книги «Античная Испания», в основу которой легло диссертационное исследование А.В. Мишулина. Для монографии лишь добавлена глава о римской административной политике в Испании. Редакторы отмечают, что автор планировал издать этот труд сам, работал над ним время от времени, но не успел закончить¹⁰⁶.

Структура работы, на наш взгляд, очень показательна для характеристики творчества историка. Приведем ее по изданию 1952 г. Первая часть «Обзор источников и историографии» составляет 100 страниц. Вторая — «Формирование иберийской культуры» — 105 страниц. Третья — «Борьба иберов против карфагенских и римских завоевателей» — 99 страниц (за вычетом 11 страниц, более позднего добавления, — 88 страниц). Другими словами, более трети содержания — это только обзор археологических и письменных источников. Эти 100 страниц предвещают как бы огромную исследовательскую работу автора. Но надежды читателя не оправдываются: собственно аналитическая часть не такая объемная. Притом второй раздел строится практически целиком на археологических трудах Х. Мелиды, П. Бош-Гимперы, П. Пари и посвящен вопросу происхождения иберов. Об этом свидетельствуют, в частности, многочисленные сноски на этих авторов. А третий — на работах А. Шультена и Гецфрида. Если обратиться к именному указателю в конце книги — количество упоминаний указанных историков бросается в глаза. А.В. Мишулин идет вслед за ними и в вопросе определения прародины иберийцев, помещая ее на юго-восток Пиреней, их этногенезе, путях дальнейшего расселения, определения степени историч-

¹⁰⁶ Мишулин 1952, 4.

ности данных о царстве Тартесса, которое по особенностям своего развития объявлялось схожим гомеровскому обществу. Такие заключения позволили А.В. Мишулину, как и его предшественникам в историографии, по-иному взглянуть на борьбу иберийцев с завоевателями. Иберийцы изображались как народ, обладающий национальным самосознанием и переросший стадию варварства: «То, что раньше казалось коварством иберийцев, их варварством, приобретает смысл, потому что нам удается уловить определенную линию поведения иберов в тех столкновениях, которые имели место на Иберийском полуострове во второй пунической войне»¹⁰⁷. То есть борьба иберов мыслилась как национальная борьба против захватчиков. Утверждалось, что в течение 200 лет население Пиренейского полуострова сдерживало натиск иноземцев, но в итоге оказалось под властью римлян. Очевидно, автору важно было в условиях военного времени продемонстрировать героическую борьбу против захватчиков.

Защитная речь А.В. Мишулина строится по тому же самому принципу, что и будущая монография. Большая ее часть — обзор историографии, изложение истории изучения древнейшей Испании с конца XIX в. и лишь четверть — выводы, представленные тезисно. При этом мы не видим ссылок на основоположников марксизма (за исключением указания на Ф. Энгельса в связи с «военной демократией» тартессидов). В адрес зарубежных исследователей Испании и их трудов неоднократно звучат лестные эпитеты («изумительный материал», «яркие интерпретации» и т. д.). А в конце объявляются благодарности — П. Пари и С.А. Жебелеву. Первому — за вдохновение, второму — за ценные консультации.

Таким образом, А.В. Мишулин стремится презентовать свой труд как подлинно научное сочинение, а не просто умозрительное построение схем на базе трудов основоположников марксизма-ленинизма. Для этого он постоянно сообщает о разноплановых источниках по теме, о сложности их сопоставления с нарративной традицией. Сама дискуссия идет исключительно в академическом ключе. Соискатель пытается заслужить себе авторитет в ученом сообществе, добиться признания его научных заслуг со стороны коллег, в чем не могла помочь монография о восстании Спартака. Формально А.В. Мишулин добивается

---

¹⁰⁷ Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 72. Л. 38 об.

поставленной цели: при закрытом голосовании все члены Совета высказались «за» присуждение ему степени доктора наук¹⁰⁸.

Исследование документов, связанных с защитой диссертации А.В. Мишулина, позволяет выявить особенности, связанные с подготовкой и защитой диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук, обусловленной как историческими условиями защиты, так и необходимостью создания работы в соответствии с идеологическими установками времени, а также желанием автора стать полноправным членом научного сообщества.

3.3. Дореволюционные традиции, классовый подход и веяния военного времени в диссертации Л.М. Осипова 1944 г.

Научная и учебная деятельность аспирантов-антиковедов исторического факультета МГУ в годы войны специально в литературе не рассматривалась. Протоколы заседаний кафедр позволяют взглянуть на нее изнутри, раскрыть механизмы организации обучения и научной работы в условиях бытовых ограничений и дефицита ресурсов. Анализ этих документов позволяет глубже понять, как кафедра адаптировалась к военным условиям, каким образом она реагировала на вызовы времени и какие новации в образовательном процессе и исследовательской работе были внедрены для поддержания уровня подготовки аспирантов. Кроме того, анализ протоколов позволяет выявить изменения приоритетов в исследованиях, преподавательский состав, а также оценить вклад кафедры в научные и образовательные инициативы того времени.

В июле 1943 г. всего на историческом факультете числилось 44 аспиранта, из них по кафедре древней истории — семеро¹⁰⁹: В.И. Мошинская, О.И. Савостьянова, В.П. Рыжкова, Т.Н. Савельева, Н.М. Постовская, Т.В. Бороздина, Н.В. Жар-

---

¹⁰⁸ Отметим, что в дальнейшем, в 1950—1970-е гг., в мемориальных статьях говорится о непростых условиях работы А.В. Мишулина над докторской диссертацией, что отразилось и на ее качестве. Многие выводы его представлялись отнюдь не бесспорными (Клюев, Метель 2022, 945).

¹⁰⁹ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 2. Д. 7. Л. 219.

децкая¹¹⁰. Всего по древней истории в МГУ в годы войны было защищено тоже семь диссертаций: В.И. Мошинской, О.И. Савостьяновой, Н.Н. Пикуса, А.С. Шофмана, Л.М. Осипова и С.И. Протасовой. Рассмотрим подробнее диссертационные истории первых двух (Ванды Иосифовны Мошинской и Ольги Ивановны Савостьяновой), прошедших аспирантуру в военные годы, а также Леонида Михайловича Осипова.

В ноябре 1942 г. на заседании ученого совета исторического факультета МГУ профессор Л.Н. Рубинштейн выступил с докладом «О работе с аспирантами», в котором поднял вопрос об изменении в этом направлении, что обсуждалось еще до войны¹¹¹. Проблемы оказывались ровно теми же, что и в 1930-е гг.¹¹²: необходимость прочтения аспирантами большого количества общей литературы по разным разделам истории, из-за чего меньше времени оставалось на специализацию; слабая связь аспирантов с кафедрой и научными руководителями; отсутствие у аспирантов должной подготовки в области источниковедения и историографии. После доклада Л.Н. Рубинштейна и его обсуждения ученый совет утвердил целый ряд задач, по поводу которых каждая кафедра должна была принять конкретные решения. Задачи были следующие:

1. Пересмотреть списки кандидатской литературы в направлении индивидуализации и специализации с повышением научного уровня;
2. Уделить повышенное внимание источниковой и историографической подготовке специалистов;
3. Дополнить подготовку аспирантов курсом истории философии и двумя иностранными языками (отмечалось, что на кафедре древней истории знание древних языков находится на хорошем уровне);
4. Усилить связь кафедры с аспирантами — обучающиеся должны представлять свои доклады на кафедре наряду с прочими сотрудниками, а также принимать участие в занятиях со студентами;
5. Усилить контроль за аспирантами со стороны научного руководителя путем увеличения встреч и консультаций — на кафедре должны заводиться листки, где отмечались бы посещения аспиранта¹¹³.

Изучение протоколов заседаний кафедры древней истории позволяет увидеть, как исполнялись эти задачи. В частности,

¹¹⁰ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 2. Д. 8. Л. 227.

¹¹¹ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 2. Д. 4. Л. 118.

¹¹² Скворцов 2021.

¹¹³ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 2. Д. 4. Л. 220.

можно отметить, что исходя из всех имеющихся протоколов заседаний с 1942/43 учебного года до 1944/45 аспиранты на кафедре не читали своих докладов, более того — они даже не выступали с результатами диссертационного исследования, а решение о рекомендации к защите принималось на основании отчета научного руководителя. Например, 3 декабря 1943 г. А.В. Мишулин рекомендовал допустить к защите аспирантку О.И. Савостьянову¹¹⁴, а затем кафедре представили свои отзывы оппоненты — С.И. Протасова и А.И. Болтунова¹¹⁵. Аналогичным образом были допущены к защите В.И. Мошинская¹¹⁶, Л.М. Осипов¹¹⁷, Т.Н. Савельева¹¹⁸. Причем оппонентами оказывались сотрудники кафедры и назначались уже после рекомендации к защите, иными словами, члены кафедры, кроме научного руководителя, знакомились с работой после того, как кафедрой принималось решение ходатайствовать о допуске.

Нельзя утверждать, что аспиранты держали членов кафедры совсем в неведении относительно своей работы. Периодически они выступали с индивидуальными планами и отчетами, которые отражали только степень готовности диссертации, но не содержательную часть и научные выводы. Такое предположение можно сделать из отчета о работе аспирантов кафедры А.Г. Бокщанина, сделанного на ученом совете в июле 1943 г. Выступающий отметил, что, например, В.П. Рыжкова предоставила научному руководителю две главы, Т.Н. Савельева — одну, а В.И. Мошинская и В.П. Савостьянова уже завершили работу¹¹⁹. На основании отчетов о готовности работы принимались решения о переносе сроков защиты, если это требовалось¹²⁰.

Проследить по протоколам вовлеченность аспирантов в работу со студентами не представляется возможным. В отчетах преподавателей и в обсуждении итогов экзаменационных сессий роль аспирантов не отмечается. Возможно, если они и привлекались к учебному процессу, то неформально. Постоянно аспиранты

---

¹¹⁴ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 44. Л. 13.

¹¹⁵ Там же. Л. 19.

¹¹⁶ Там же. Л. 4.

¹¹⁷ Там же. Л. 19.

¹¹⁸ Там же. Л. 13.

¹¹⁹ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 2. Д. 8. Л. 57; Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 59. Л. 22; Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 34. Л. 2.

¹²⁰ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 34. Л. 2.

иногда принимали активное участие в заседаниях кафедры. Например, аспирантка Л.З. Полякова высказывала мнение после сообщения Н.А. Машкина по вопросу о повышении уровня общего курса, о более тщательном контроле кафедры над практическими занятиями и об идейно-политическом воспитании студентов¹²¹. А Мошинская на другом заседании при обсуждении учебного плана выступила с предложением ввести факультативный курс эпиграфики¹²².

Главным же направлением работы аспиранта оставалась диссертация, написание которой было сопряжено с рядом трудностей. Помимо тяжелых бытовых условий, связанных с эвакуацией, тяжелой жизнью в условиях ограничений военного времени, красной нитью во всех защищенных работах проходит проблема доступности литературы. В частности, на защите кандидатской диссертации Е.М. Штаерман «Кризис 3 в. в Галлии и Африке» оппоненты Оранский и Лясковский критиковали соискателя за слабое использование археологического материала. Однако, по словам Е.М. Штаерман, необходимая ей литература была вывезена из Москвы во время эвакуации¹²³. Савостьянова также сетует на недоступность литературы: в конце диссертации она даже поместила список литературы, неиспользованной по причине ее отсутствия в московских книгохранилищах¹²⁴.

Вернемся непосредственно к диссертациям. На торжественном заседании «кафедры истории древних веков» исторического факультета МГУ в честь десятилетия постановления Совнаркома о преподавании гражданской истории С.И. Протасова выступила с речью, в которой в том числе охарактеризовала аспирантов кафедры. Она заявила, что работы аспирантов так же, как и работы состоявшихся ученых, отражают своеобразие развития советской науки, направляют ее в настоящем и делают заметки для исследовательской работы в будущем¹²⁵. Этот тезис можно интерпретировать двояко. С одной стороны, вероятно, профессор имела в виду, что у аспирантов было больше свободы при выборе темы, т. е. их работы отличались своеобразием по отношению к работам уже сложившихся советских ученых.

¹²¹ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 44. Л. 18.

¹²² Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 34. Л. 4.

¹²³ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 2. Д. 3. Л. 110.

¹²⁴ Савостьянова 1944, 248.

¹²⁵ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 44. Л. 22.

Все-таки более вероятной кажется интерпретация, что под словом «своеобразие» понимается качественное отличие диссертаций от буржуазных аналогов, и сама фраза носит скорее перформативный идеологический характер. То есть имеется в виду, что работы аспирантов движутся в общем русле советской историографии, но предлагают новые темы. Собственно, из всех 7 диссертаций, защищенных в годы войны, часть была традиционного нарративного характера, часть источниковедческая, другие же были посвящены проблеме классовой борьбы и продолжали дискурс 1930-х гг.¹²⁶

Большемому пониманию фразы Протасовой служит выступление проф. А.В. Мишулина, который уже упоминал конкретных диссертантов¹²⁷. Он отметил В.И. Мошинскую и ее диссертацию «Азиатский Боспор в VI—IV вв.», в которой она остановилась на вопросах догреческого населения Боспора и охарактеризовала греческие города, установив те специфические черты, которые были характерны для всех греческих городов и того самобытного, что наблюдалось в городах азиатского Боспора. По словам Мишулина, Мошинская обнаружила, что «варвары оказали огромное влияние на греческие города»¹²⁸. Интересно, что А.В. Мишулин в своем выступлении несколько исказил выводы Мошинской: ни о каком «огромном» влиянии варваров она не писала, а характеризовала это влияние, скорее, как незначительное¹²⁹, но А.В. Мишулину важно идеологически заострить выводы аспирантов кафедры, с этой целью он допускает искажение.

В целом же, диссертация Мошинской практически не идеологизирована: в ней не цитируются классики марксизма-ленинизма, тема и содержание работы не отвечают требованиям со-

---

¹²⁶ Е.М. Штаерман «Кризис III в. в Галлии и Африке», 26.08.1942; А.С. Шофман «Завоевания Филиппа и политика Демосфена», 28.04.1942; Н.Н. Пикус «Тегтннисский папирус № 703 как исторический источник», 06.04.1942; С.И. Протасова «Социальная борьба в древнем Риме во II—I вв. до н. э.», 16.04.1943; В.И. Мошинская «Азиатский Боспор в VI—IV вв.», 22.12.1943; О.И. Савостьянова «Восстание 88 г. до н. э. в Афинах (к истории социальных движений в греческих городах во время Первой Митридатовой войны)», 10.05.1944; Л.М. Осипов «Вооруженные силы Римской империи на Черноморье (I—III вв. н. э.)», 12.07.1944.

¹²⁷ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 44. Л. 48.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Мошинская 1943, 101.

циально-экономического анализа, более того — в работе отмечается невозможность исследования форм производства в силу отсутствия источников (!). Ее научным руководителем был К.К. Зельин — выпускник дореволюционного университета, ученик Р.Ю. Виппера, который, по замечанию С.Б. Криха, достаточно критически относился к «перекосам» методологии советского марксизма уже в период ее складывания в 1930-е гг.¹³⁰ Опосредованно это влияние, вероятно, испытала Мошинская.

Противоположной же по характеру оказывается диссертация О.И. Савостьяновой, которую также в упомянутой речи характеризует Мишулин¹³¹. Аспирантка рассмотрела классический для советской историографии вопрос о классовой борьбе в древности на примере восстания Аристиона, произошедшего в период войны с Митридатом VI. Савостьянова показала связь движения Аристиона с другими восстаниями эллинистической и римской эпохи. Она утверждала, что восстание Аристиона связано, с одной стороны, с афинскими традициями демократических массовых движений, а с другой — «в нем нашли преломление те радикальные лозунги, которые характерны для конца античного мира»¹³². Савостьянова тем самым стремится подчеркнуть революционный характер разбираемого восстания и его направленность на свержение рабовладельческого строя. В отличие от Мошинской, у Савостьяновой часто упоминаются классики марксистской науки, цитируется В.С. Сергеев, согласно которому «афинское движение против Рима — это восстание рабов и бедноты, которое сбросило олигархическое правительство работорговцев, купцов и арендаторов государственных рудников»¹³³. Если исследовательница Боспора сожалела о невозможности рассмотреть все стороны античного общества из-за нехватки источников, то Савостьянова готова делать смелые предположения на основе ограниченного материала, в частности, об участии в афинском движении рабов, ведь «историки античности скорее мешают объективно-исторической оценке, которую преследует марксистский подход»¹³⁴. Справедливо отмечая, что про участие рабов информации нет, далее пишет: «Надо думать,

---

¹³⁰ Крих 2013, 171.

¹³¹ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 44. Л. 48.

¹³² Там же.

¹³³ Савостьянова 1944, 240.

¹³⁴ Там же. С. 162.

что они естественно к нему присоединились»¹³⁵. Работа Савостьяновой содержит все те же приемы, которые использует в публицистических статьях военного времени ее научный руководитель — А.В. Мишулин.

Своеобразием отличалась диссертация Л.М. Осипова «Вооруженные силы Римской империи на Черноморье (I—III вв. н. э.)», защищенная летом 1944 г. Великая Отечественная война выдвинула перед советской наукой новые задачи. 14 апреля 1941 г. Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) сформулировало их так: разоблачение фашизма как ложной идеологии и демонстрация исторического значения Отечественной войны. В центре внимания историков должна была стать агитационная работа, направленная на формирование образа непобедимой Советской армии и развенчание мифа о непобедимости немцев¹³⁶. Схожие задачи в том же году были сформулированы Институтом истории АН СССР: концентрация усилий на разгроме врага и воспитание советского патриотизма¹³⁷. Исследования предполагалось вести по следующим приоритетным направлениям: разоблачение фашизма; героическое прошлое Советского Союза; история русской культуры; история славянских стран; разъяснение роли антигитлеровской коалиции и отдельных ее участников как союзников СССР и друзей «по осуществлению исторической задачи разгрома гитлеровской Германии»¹³⁸.

Л.М. Осипов — выпускник историко-филологического факультета Московского университета, специализировавшийся по всеобщей истории¹³⁹. Он родился в 1878 г. в Москве в семье ремесленника живописного цеха; окончил Тульскую гимназию, после чего служил писарем в Московской местной артиллерийской команде, а в 1905 г. поступил в Московский университет, который окончил в 1912 г. с дипломом первой степени, представив выпускное сочинение на тему «Блаженный Августин как родоначальник средневековой теократии», подготовленное в семинаре медиевиста А.Н. Савина¹⁴⁰. После окончания университета Л.М. Осипов отправился в Ростов-на-Дону преподавать историю

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Тихонов 2015, 29.

¹³⁷ Там же. С. 30.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 319. Д. 989. Л. 2.

¹⁴⁰ Там же. Л. 8.

в коммерческом училище. Как складывалась его дальнейшая судьба, к сожалению, неизвестно, но мы знаем, что с 1939 г. и до защиты в 1943 г. он работал в Московском педагогическом институте иностранных языков, по всей видимости, преподавателем латыни, поскольку его перу принадлежит соответствующее учебное пособие. В годы войны Осипов сдал кандидатские экзамены и подготовил диссертацию под руководством А.В. Мишулина, при этом не имея официального статуса аспиранта.

Таким образом, Л.М. Осипов получил классическое образование, что помогло ему широко использовать при написании диссертации литературу на иностранных языках (прежде всего немецком), источники на латинском и древнегреческом языках, причем тексты древних авторов в оригинале приводятся порой целыми страницами. В предисловии соискатель объясняет, что обильное цитирование источников и литературы «придает работе хрестоматийный характер». По его словам, он боялся что-то спутать или недосказать, потому приволил тексты буквально, «заставляя источники говорить в самом тексте самостоятельно»¹⁴¹. Здесь виден пиетет к свидетельствам прошлого, воспитанный у Осипова дореволюционным университетом. С одной стороны, внимание к источникам является безусловным достоинством диссертации, но с другой — в диссертации эти цитаты зачастую используются как иллюстрации, без должной критики, что не позволяет в полной мере говорить о профессионализме Л.М. Осипова как историка, его умения анализировать приведенные данные. Диссертация поделена на две части: «Краткая история римской оккупации Причерноморья» и «Римский военный флот и оккупационная армия на Черноморье». В первой — автором рассматривается следующий круг вопросов: древнее население припонтийских степей и берегов Северного Причерноморья, завоевательная и колонизационная политика римлян в этой области. Вторая же — посвящена организации римского флота, армии, оборонительных рубежей, описанию римского вооружения и технологий. Она носит справочный характер (о чем в предисловии и заявлял сам автор), т. е. не предполагает решения какой-либо новой задачи и не содержит свежих идей. По большей части текст является изложением сведений Вегеция, Иосифа Флавия, Тацита и Аммиана Марцеллина с опорой на дореволюционную литературу и труды зарубежных

¹⁴¹ Осипов 1943, 4.

классиков¹⁴². Интересно, что в списке литературы классики марксизма, представители «новой» советской науки и дореволюционные авторы указываются отдельно, при этом во второй части работы при описании римской армии отсутствуют ссылки на советских историков. Приводимые цитаты в тексте зачастую остаются без комментариев.

Остановимся на другой части диссертации, которая посвящена описанию народов, живших на территории Причерноморья, и их отношениям с римской армией. Здесь Л.М. Осипов почти дословно воспроизводит сочинения современных ему авторов, публиковавшихся в годы войны или незадолго до нее. В предисловии он пишет, что под влиянием статей профессоров В.Н. Дьякова и Д.П. Каллистова об истории Северного Причерноморья ему «пришлось» (sic!) ввести главу о проникновении римлян в этот регион¹⁴³. Остается неразрешенным вопрос, действительно ли указанные работы повлияли на соискателя, либо более существенным оказалось требование, например, А.В. Мишулина, что вполне могло быть, учитывая политико-идеологический момент.

Как бы то ни было, Л.М. Осипов, исходя из идеи, что народы Причерноморья являются «частью нашей истории», сравнивает Рим с Третьим Рейхом и называет его агрессором, а Боспорское царство и другие противники Рима представляются защитниками своего отечества. В частности, автор пишет, что славяне имеют в качестве своих отдаленных предков скифов — «коренных» обитателей Причерноморья, а значит, их борьба с римлянами и греками — это тоже «наша история»¹⁴⁴. Славянская тематика в годы войны имела высокое политико-идеологическое значение: в 1941—1943 гг. проводился Всесоюзный славянский митинг, на страницах «Правды» часто выходили публикации с призывами объединения славян в совместной борьбе против фашизма¹⁴⁵, появлялись диссертационные исследования по славистике. Л.М. Осипов в первой части своего труда на с. 29 приводит мне-

---

¹⁴² Диссертант главным образом опирался на труды Ю.А. Кулаковского, М.И. Ростовцева, А.А. Стрельцова, С.О. Цыбульского, а из иностранцев на А. Домашевского, В. Пфитцнера, Г. Дельбрюка, энциклопедию Паули-Виссова.

¹⁴³ Осипов 1943, 2.

¹⁴⁴ Там же. С. 474—478.

¹⁴⁵ Дубровский 2017, 415.

ние о происхождении славян от скифов как одно из возможных, которое высказывали И.Е. Забелин, Д.И. Иловайский и Д.Я. Самоквасов (видимо, под влиянием А.В. Мишулина подписано ручкой, что к ним впоследствии примкнули А.В. Мишулин и А.Д. Удальцов), но уже во второй части диссертант без сомнений утверждает о родстве скифов и славян, ссылаясь на Удальцова¹⁴⁶.

Не преминул Л.М. Осипов высказаться и относительно немецкого засилья в советской исторической науке (при этом конкретные исследования отечественных историков названы не были), в частности, в связи с вопросом образования государственности у славян. Автор замечает, что немецкие фальсификаторы истории даже не допускали самостоятельного появления у славян культуры, и ее создателями считали немцев¹⁴⁷. На такую точку зрения диссертант отвечает цитатой из сочинения М.В. Ломоносова, адресованной к А.Л. Шлецеру: «Из сего можно видеть, какие пакости может наколобродить в русских древностях такая припущенная к нам с к о т и н а [разрядка Л.М. Осипова]»¹⁴⁸. Появление государственности у славян, конечно, не имело никакого отношения к рассматриваемой проблематике и не требовало от соискателя научных доказательств, потому автор выражал здесь скорее патристический порыв, уместный в научных сочинениях военного времени.

В целом изложение истории Причерноморья и его заселения в диссертации строится на основе работ С.А. Жебелева, В.Н. Дьякова и Д.П. Каллистова¹⁴⁹. Л.М. Осипов либо приводит

¹⁴⁶ Осипов 1943, 475.

¹⁴⁷ Там же. С. 478.

¹⁴⁸ Там же. С. 479.

¹⁴⁹ Тексты военного или предвоенного времени, которые прямо или косвенно цитируются в работе: Панкратова А.М. Преподавание истории СССР в средней школе в дни отечественной войны против германского фашизма // Исторический журнал. 1942. № 5; Греков Б.Д. На заре русского государства // Исторический журнал. 1942. № 7; Мишулин А.В. Древние славяне и крушение Восточно-римской империи // Исторический журнал. 1941. № 10—11; Мишулин А.В. О военном искусстве скифов // Исторический журнал. 1943. № 8; Мишулин А.В. Историческая фантазия о «военных доблестях нордической расы» // Исторический журнал. 1941. № 7—8; Удальцов А.Д. Начальный период восточнославянского этногенеза // Исторический журнал. 1943. № 11—12; Дьяков В.Н. Пути римского проникновения в Северное Причерноморье: Понт и Мезия // Вестник древней истории. 1940. № 3—4; Дьяков В.Н. Оккупация Таврики Римом в I в. н. э. // Вестник древней истории. 1941. № 1; Дьяков В.Н.

обширные цитаты из названных авторов, либо их пересказывает, периодически добавляя свои замечания, заключающиеся в сравнении описываемых событий с текущим моментом. Так, пребывание римских войск на территории Причерноморья называется не иначе как «оккупацией», а противостояние местных народов римлянам — «национально-освободительной борьбой»¹⁵⁰. Такие интерпретации четко вписываются в классификацию войн древности, которую на страницах «Исторического журнала» излагали А.М. Панкратова и В.И. Авдиев, ссылаясь на труды В.И. Ленина¹⁵¹. Согласно этим построениям, войны подразделяются на захватнические и национально-освободительные.

Автор, цитируя Д.П. Каллистова, который, в свою очередь, ссылался на С.А. Жебелева и Н.Я. Марра, заявляет, что «концепция всеильного Рима и пассивного Боспора¹⁵² должна быть пересмотрена по той причине, что, во-первых, она фальшива, но при этом популярна зарубежом, и потому, что история Боспора неразрывно связана с нашей страной»¹⁵³. Например, диссертант утверждает, что поражение Митридата VI надо объяснять не могуществом Рима, а внутренним крахом его политики, выразившейся в поиске опоры одновременно и среди рабовладельцев, и среди варваров, между которыми было классовое противоречие¹⁵⁴. К тому же варварское общество изучаемого времени «пока еще слабее рабовладельческого», значит, римляне не проявили никаких военных успехов, а победили только ввиду слабости своих противников¹⁵⁵. При этом Л.М. Осипов отмечает «стойкость и военную мощь варваров, скифов и сарматов, кото-

---

Таврика в эпоху римской оккупации. М., 1942; Каллистов Д.П. Этюды из истории Боспора в римский период // Вестник древней истории. 1938. № 2 (3); Каллистов Д.П. Этюды из истории Боспора римского времени (политические взаимоотношения Рима и Боспора при царях Фарнаке и Асандре) // Вестник древней истории. 1938. № 4 (5); Каллистов Д.П. Политика Августа в Северном Причерноморье // Вестник древней истории. 1940. № 2 (11).

¹⁵⁰ Осипов 1943, 3.

¹⁵¹ Авдиев, Косминский, Ефимов 1942, 124; Панкратова 1942, 146.

¹⁵² Эту концепцию, по словам Каллистова, разделяли Т. Моммзен, Т. Рейнак, В.В. Латышев, А.В. Орешников и авторы «Кембриджской истории».

¹⁵³ Осипов 1943, 59.

¹⁵⁴ Там же. С. 60.

¹⁵⁵ Там же. С. 63.

рые геройски защищали свою землю от итальянского агрессора»¹⁵⁶. В этих словах невозможно не видеть аллюзии на Великую Отечественную войну.

Римляне оказываются не только, как замечает автор, «пассивными завоевателями», но и явными агрессорами. Например, Л.М. Осипов пишет следующее про завоевание Мезии: «“Подвиги” римлян при завоевании Мезии смело могут быть сопоставлены с “подвигами” их незадачливых потомков, итальянских фашистов в Абиссинии, на Балканах и в СССР (О германских коллегах мы не говорим: это само собой разумеется). Вероломство, грабеж, поджог имущества, зданий и массовое истребление населения — все пускалось в ход, чтобы сломить сопротивление туземцев, защищавших родную землю»¹⁵⁷. Более того, соискатель ставит знак равенства между *Rex Romana* и *die Neue Ordnung*, поскольку «римляне вместо управления похищают, убивают и грабят, а миром называют образовавшуюся в результате пустыню»¹⁵⁸. Тем же самым, по словам Л.М. Осипова, занимаются немцы. Так же, как римлянам оказывали упорное сопротивление британцы и туземцы Северного Причерноморья, так и немецким захватчикам противостоит советский народ¹⁵⁹. Характеристику борьбы римлян с причерноморскими народами автор подытоживает словами: «Тавры и скифы помнили о своих предках и думали о своих потомках, ревниво отстаивали свою культурную независимость и беспощадно расправлялись с теми соплеменниками, которые, по их мнению, изменили обычаям родины»¹⁶⁰. Историк наделяет скифов и тавров такими патриотическими чувствами, которые ожидалось скорее от советских граждан, чем от древних народов.

Крушение же господства римлян на территории Причерноморья в III—IV вв. объяснялось не иначе как «революционными» событиями — выступлением «трудящегося» населения империи (рабов, ремесленников, крестьян) против угнетавшего их рабовладельческого порядка, против своего же государства¹⁶¹. Осипов утверждает: «Коалиция революционно-настроенных

¹⁵⁶ Там же. С. 64.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Там же. С. 470.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Там же. С. 102.

¹⁶¹ Там же. С. 129.

трудящихся с варварами опрокинула римское государство, а не военное и физическое превосходство белокурых великанов над черноволосыми и низкорослыми воинами латинской расы», а *Furor Teutonicus* и *Wille Zur macht* — это выдумки «фашистской псевдоистории»¹⁶². Эти слова перекликаются со статьей А.В. Мишулина «Историческая фантазия о “военных доблестях” нордической расы», а также иллюстрируют уже цитировавшийся нами тезис И.В. Сталина 1933 г. о «революции рабов»¹⁶³. Но Осипов говорит именно о «трудящихся» массах, сокрушивших империю, к которым относит и ремесленников с крестьянами, а не только рабов. Такой же взгляд на причины упадка Рима излагался в годы войны А.В. Мишулиным и В.И. Авдиевым на страницах «Исторического журнала»¹⁶⁴.

Таким образом, рассмотренная диссертация довольно своеобразная. Во-первых, она включает в себя две как бы независимые друг от друга части, одна из которых проецирует представление Осипова об исследовании, сформированное еще в годы студенчества до революции, другая обусловлена идеологическими соображениями и обстановкой войны. В одной части автор попытался провести исследование устройства римской армии на основе источников и литературы. Это исследование получилось неоригинальным, но не было продиктовано идеологическими установками. В другой же части работы автор пересказывает современников, находящихся в фарватере советской исторической науки. Одновременно с этим во второй части он выполняет политико-идеологический «заказ» своего времени, решая задачи, поставленные перед советской наукой: опровергает мнения фашистских историков о германской доблести, выявляет примеры захватнических и национально-освободительных войн в древности, подчеркивает неизбежность поражения менее прогрессивных сил от более прогрессивных. По сути, его диссертация является иллюстрацией выдвинутых в военное время положений о неизбежности поражения фашизма и героическом прошлом советского народа. Подкрепленные дополнительным историческим материалом эти положения должны были звучать более весомо. Автор идет вслед за своим научным руководите-

---

¹⁶² Там же.

¹⁶³ «Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся».

¹⁶⁴ Конопаткин 2024.

лем А.В. Мишулиным, который в годы войны активно прибегал к истории античного мира для решения пропагандистских задач.

Диссертант не предлагает новых решений выдвинутых вопросов, а использует уже сформулированные в науке тезисы, что кажется необычным для кандидатской диссертации. Эмоциональные замечания и исторические аналогии придают тексту излишнюю публицистичность, которая в годы войны была характерна для научных статей, но не для диссертаций. Добавим, что Л.М. Осипову на момент защиты было уже 66 лет, и он являлся представителем старой школы историков, окончивших дореволюционный университет. Таким образом, вряд ли возможно объяснить конъюнктурность работы карьеристскими соображениями, так же, как и затруднительным представляется установление искренности автора в изложении идей. По всей видимости, Л.М. Осипов готовил свою диссертацию с оглядкой на статьи из «Исторического журнала» военных лет, подражая стилю текстов своего времени. Тем не менее диссертация была успешно защищена 12 июля 1944 г. при общем составе диссертационного совета в количестве 7 человек, при этом оппонентами выступали сотрудники кафедры древней истории Н.А. Машкин и А.Г. Бокшанин¹⁶⁵.

Двойственный характер представленной на диспут работы отражает этапность в подготовке диссертации. Первоначально автор, заручившись поддержкой В.С. Сергеева и наметив с ним круг исследовательских вопросов, источников и литературы незадолго до войны, приступил к работе, посвященной изучению истории римского военного дела на Причерноморье, по источникам и литературе, как он когда-то выполнял свои студенческие работы. Опыта проведения исследований у Л.М. Осипова практически не было, да и много времени прошло с окончания университета. Начавшаяся война и смена научного руководителя на А.В. Мишулина (В.С. Сергеев умер незадолго до войны), который предложил свое видение и другую литературу, привели к тому, что Л.М. Осипову фактически «пришлось» написать совершенно другой текст, который бы удовлетворил уже иным требованиям — этим объясняется и гигантский объем получившейся диссертации в 595 страниц, тогда как подобные работы в среднем тогда имели около 200 страниц. Таким образом, представленная работа содержит как бы две параллельные

¹⁶⁵ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 2. Д. 10. Л. 39—40.

диссертации, написанные одним человеком в близкое по хронологии время, но в разных обстоятельствах. Одна отражает представления о научной работе выпускника историко-филологического факультета Московского университета, другая же — советского историка военного времени. Определяющей оказалась роль научного руководителя.

3.4. «Сама по себе совокупность трудов могла бы позволить присудить <...> степень доктора»: защита диссертации С.Я. Лурье в 1944 г.

11 марта 1944 г. на заседании Ученого совета филологического факультета ЛГУ, находившегося в эвакуации в Саратове, состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук «Художественная форма и вопросы современности в аттической трагедии», выполненной С.Я. Лурье. Многими коллегами-современниками такой поступок оценивался как «эксцентричный»¹⁶⁶. Действительно, к этому моменту соискатель уже имел степень доктора исторических наук, полученную в 1935 г. по совокупности трудов, а с 1939 г. он занимал пост заведующего кафедрой истории Древней Греции и Рима ЛГУ. В научных кругах широкую известность ему принесли ряд монографий («Антисемитизм в древнем мире», 1922; «Антифонт», 1925; «История античной общественной мысли», 1929; «Теория бесконечно-малых у древних атомистов», 1935), переводы «Греческой истории» Ксенофонта, а также отдельных «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха (1940), учебное пособие по истории Древней Греции (1940), десятки статей, в том числе в авторитетных немецких изданиях. Опубликованные им работы выявляют его приверженность историко-филологическому подходу. Показательно, что в своей филологической диссертации Лурье высоко оценил ученых конца XVIII — первой половины XIX в. (Маркланда, Барнезиуса, Бека, Дройзена) за универсализм, с сожалением при этом отметив, что «в наше время история и филология — это два различных цеха»¹⁶⁷.

В 1930-е гг. Лурье предпринимал попытку устроиться на кафедру классической филологии, но О.М. Фрейденберг, тогда за-

¹⁶⁶ Лурье 2004, 171.

¹⁶⁷ Лурье 1943, 11.

ведущая этой кафедры, ему отказала под тем предлогом, что он больше историк, нежели филолог. Вероятно, докторская диссертация по филологии нужна была Лурье в качестве формальных оснований для работы на филологическом факультете¹⁶⁸. По крайней мере, его переход сначала с поста заведующего кафедрой античной истории на ставку профессора этой же кафедры в сентябре 1945 г., а затем, через четыре месяца, на должность профессора кафедры классической филологии был добровольным.

На решение Лурье защитить диссертацию по филологии мог повлиять и ряд обстоятельств военного времени. В *curriculum vitae*, составленном по случаю проведения научного диспута, он напишет, используя глагол в пассивном залоге, что «в августе 1941 г. *был эвакуирован* [курсив наш. — Авт.] в Иркутск»¹⁶⁹. На самом же деле ленинградский антиковед в столицу Восточной Сибири уехал по собственному почину еще до официальной эвакуации академических институтов. Доказательством этому являются делопроизводственные документы Ленинградского отделения Института истории АН СССР, где есть строчка об отчислении его из института 19 августа 1941 г. именно по личному заявлению¹⁷⁰. Но в Иркутске он оставался недолго: за доклад «Предшественники фашизма в античности» руководство университета подняло вопрос о сочувствии Лурье гитлеровскому фашизму¹⁷¹. Спасла телеграмма-вызов от вице-президента АН СССР в Москву для написания юбилейного доклада в сборник в честь Ньютона, благодаря чему и случилось его возвращение в академический институт истории в январе 1943 г., но уже в московское отделение¹⁷². В эвакуированный в Саратов Ленинградский университет он приехал только в сентябре этого же года, хотя специалиста-антиковеда очень ждали коллеги, поскольку не имелось лектора для чтения курса по истории Древней Греции и Рима¹⁷³.

С.Я. Лурье олицетворял собой тип настоящего ученого, но все же следует признать, что и он, вероятно, не преминул воспользоваться снижением требований к квалификационным

¹⁶⁸ Жмудь 2016, 14.

¹⁶⁹ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1775. Л. 13.

¹⁷⁰ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1(1941). Д. 1. Л. 88.

¹⁷¹ Лурье 2004, 162—163; Крих 2020, 214—215.

¹⁷² СПбФ АРАН. Ф. 876. Оп. 2. Д. 21. Л. 1 об.

¹⁷³ Об учебном процессе в Саратове см. п. 2.3.

сочинениям в военное время. В связи с этим обращают на себя внимание два обстоятельства. Я.С. Лурье в воспоминаниях об отце лишь кратко упоминает о диссертации¹⁷⁴. Показательно и то, что она осталась неизданной: только в 1950-х гг. на тему политических тенденций в афинских трагедиях С.Я. Лурье публикует две работы¹⁷⁵, где будет уже более осторожен в своих оценках. Так, один из важных выводов диссертации — датировка «Андромахи» Еврипида. Трагедия, по мнению соискателя, относилась к 411 г. до н. э.¹⁷⁶ В статье 1954 г. он выскажется более осторожно: после 412 г. до н. э.¹⁷⁷

Историю создания квалификационного сочинения Лурье на высшую ученую степень позволяют установить ряд архивных документов, а также некоторые замечания в самом тексте работы. Название — «Художественная форма и вопросы современности в аттической трагедии» — предполагает, что автор рассматривает всю совокупность дошедших до нас трагедий, однако в действительности диссертация представляет собой ряд очерков. Первая глава, посвященная теоретическим рассуждениям («историко-литературные проlegomena»), освещает следующие вопросы: политические намеки и художественность, авторская работа над мифологической традицией, подходы к датировке трагедий. В оставшихся трех главах анализируются конкретные тексты на предмет поиска в них аллюзий на актуальные события античной истории. Вторая глава посвящена политическим тенденциям «Евменид» Эсхила, третья — отражению событий Архидамовой войны у Эсхила, четвертая — намекам в трагедиях на политические реалии 411—405 гг. до н. э. Выбор сюжетов для изложения, по сути, оказался случайным. В «Предисловии» к диссертации С.Я. Лурье признается, что в итоговый вариант диссертации не был включен уже законченный сюжет об «Агамемноне», поскольку, будучи в Саратове, узнал о схожих выводах, сделанных ранее И.Г. Дройзеном, публикации которого на эту тему оказались недоступными. В окончательный текст не вошел разбор «Прометея» Эсхила и «Царя Эдипа» Софокла, поскольку, как утверждает соискатель, в Государственной публичной библиотеке им. В.И. Ленина в Москве не оказалось ряда

¹⁷⁴ Лурье 2004, 171.

¹⁷⁵ Лурье 1954; Лурье 1958.

¹⁷⁶ Лурье 1943, 234.

¹⁷⁷ Лурье 1954, 128.

статей, вышедших на эту тему в последнее время за рубежом. В результате в диссертации Лурье дал разбор почти всех трагедий Еврипида (за исключением трех т. н. «аполитичных» пьес), «Евменид» Эсхила и «Филоклетета» Софокла¹⁷⁸.

Очевидно также, что 2—4-е главы имеют в большей степени характер исторического исследования. Это признает и сам автор, предупреждая читателя о возможной «неудачной структуре» текста. Лурье оправдывается тем, что изначально он планировал написать именно исторический труд. Действительно, первые наброски по этой теме, судя по сохранившимся материалам по подготовке к диссертации, относятся к 1940 г.¹⁷⁹ Только в последнюю очередь была добавлена первая глава, где дается разбор возникших по ходу изложения историко-литературных проблем¹⁸⁰. Причем эта глава, как и «Предисловие», вероятно, были написаны на скорую руку. Внимательный читатель заметит в них не соответствующие научному стилю слова и выражения («злободневщина», «бросив к чорту меч» и др.), а также стилистические погрешности («мне удалось, как мне кажется») и излишнее привнесение автором личного начала: воспоминания о том, как автор первый раз увидел на сцене пьесу Гладкова «Давным-давно» и как у него пропало после этого ощущение «нехудожественности» и тенденциозности, которые он испытывал при первом прочтении этого произведения.

В сохранившемся в Научной библиотеке СПбГУ экземпляре диссертации с 243-й страницы отсутствуют цитаты из источников на древнегреческом языке, которые Лурье вписывал от руки, вместо них — лишь пробелы. Остались неоформленными, с той же 243-й страницы, и ссылки на иностранную литературу: имеются только порядковые номера. В диссертации нет таких разделов, как «Содержание», «Заключение» и «Список литературы».

Изложение теорий в литературоведении относительно предмета исследования в первой главе осуществлено довольно поверхностно. Последнее стало предметом критики Б.М. Эйхенбаума, который утверждал, что соискатель упростил вопрос, поставленный В. Кранцем относительно трагического поэта,

¹⁷⁸ Лурье 1943, 8—9.

¹⁷⁹ В деле имеются заполненные требования в Библиотеку Академии наук, датированные 1944 г. (СПбФ АРАН. Ф. 976. Оп. 1. Д. 109).

¹⁸⁰ Лурье 1943, 9.

кратко и неубедительно решил проблему соотношения античной эстетики с современной¹⁸¹. В совокупности формальные и содержательные недостатки диссертации свидетельствуют, вероятно, о некоторой поспешности при ее написании. В «Предисловии» С.Я. Лурье отметил, что писал эту диссертацию в Иркутске и в Москве¹⁸². Судя по сохранившимся требованиям, оформленным в читальный зал Государственной Публичной библиотеки им. В. И. Ленина, все же наиболее интенсивное время ее написания — февраль—март 1943 г. Эти требования имеются в объемном архивном деле (545 листов), содержащем, кроме них, выписки из аттических трагедий на древнегреческом языке и иностранной литературы (в основном немецкой), библиографические карточки — комплекс документов, иллюстрирующих подготовительный этап работы Лурье над докторской диссертацией¹⁸³. Некоторые листы сгруппированы по темам: «Эсхил», «Софокл и Аристофан», «Еврипид». Встречаются как несистематизированные выписки, так и сгруппированные по определенному принципу: «Знатность» (л. 58), «Богатство» (л. 59), «Боги, теодицея, свобода воли» (л. 59 об.), «Полемика с социализмом» (л. 60), «Женский вопрос, дети и семья» (л. 61), «Софистика и борьба с ней» (л. 61 об.), «Патриотизм» (л. 62 об.), «Безопасность человеческой жизни» и «Сверхчеловек» (л. 63), «Рабы и свободные» (л. 64). Совокупность отложившихся в архиве документов позволяет описать творческую лабораторию докторанта: сделав выписки из отдельных трагедий, он распределил цитаты по проблемному принципу, добавив сюда интерпретации, встретившиеся в современной научной литературе. Затем Лурье сразу формировал текст, набирая его, вероятно, сразу на печатной машинке, — показательно, что черновики отдельных параграфов и глав самой диссертации в этом объемном деле не встречается.

Чтобы усилить филологическую составляющую диссертации, С.Я. Лурье первую главу посвящает теоретическим изысканиям в этой области. В частности, во втором параграфе он опровергает мысль ряда ученых, идеализирующих античных драматургов, что всякого рода политическая агитация нехудожественна, и трагики, как великие художники, не могли допустить подобных сюжетов у себя в пьесах. Соискатель доказывает, что

¹⁸¹ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1775. Л. 16 об.—17.

¹⁸² Лурье 1943, 8.

¹⁸³ СПбФ АРАН. Ф. 976. Оп. 1. Д. 109.

аллюзии на актуальную повестку дня у драматургов вполне могут быть частью «художественного». В 3-м параграфе 1-й главы он специально уделяет внимание методам работы Еврипида по актуализации мифологической традиции (синкретизм мотивов, дублирование, мотивированная замена) и приходит к выводу о виртуозной комбинации версий мифов драматургом: «Еврипид достигал нужного ему результата, выбирая из существующих различных версий каждый раз ту (часто принципиально мало популярную), которая больше всего подходила его цели, прибегая к античным приемам, придумывая детали, не противоречащие мифологической традиции. Поэт не изменял миф по своему усмотрению. Он виртуозно комбинировал версии мифов»¹⁸⁴. Наконец, 4-й параграф призван был еще более актуализировать проблему поиска аллюзий на конкретные политические события в афинских трагедиях. Критически разобрав способы датировки драм, встречающиеся в научной литературе (на основе изучения эволюции художественных приемов трагических поэтов; на основе изучения эволюции мировоззрения поэтов; на основе пародий на постановки трагедий, содержащихся в аттической комедии), он подытожил, что если дата трагедии не дана в сохлках, то основным приемом для датировки является непосредственное изучение текста с целью обнаружить в нем намеки на актуальные для времени постановки пьесы политические события. Другие способы датировки, по его мнению, несостоятельны¹⁸⁵. Тем самым Лурье актуализирует общественное значение театра в античности. Вместе с этим заметим, что сформулированная в исследовании цель более подходит для классического исторического исследования: «Извлечь из творения великих греческих трагических поэтов материал для восстановления истории Греции V в.»¹⁸⁶. К своим научным достижениям автор относит новую интерпретацию ряда сюжетов, «которые не только освещают уже известные нам из истории факты с новой неожиданной стороны, но и дают возможность постулировать новые факты, до сих пор вовсе не известные»¹⁸⁷. Ценным он считает определение им даты вхождения Сигея в состав Афинского морского союза — после 458 г. до н. э. (традиционная дата в историографии — 478 г. до н. э.).

¹⁸⁴ Лурье 1943, 72.

¹⁸⁵ Там же. С. 80—81.

¹⁸⁶ Там же. С. 3.

¹⁸⁷ Там же.

Кроме того, проведя анализ трагедий, Лурье выступил против мнения в западноевропейской историографии об Эсхиле как поэте аристократии и охарактеризовал его как «демократа». Другой вывод диссертанта — примирительная позиция Эсхила по отношению к реформам Эфиальта. Анализ трагедий «Гераклиды» и «Молящиеся» позволил соискателю заключить, что Еврипид являлся умеренным демократом, был против агрессивной внешней политики. Другими словами, в труде Лурье органично соединились несколько исследовательских направлений: выявление социально-политических характеристик общественных классов, литературоведческий и исторический анализ. Своему диссертационному исследованию С.Я. Лурье стремится дать приемлемую теоретическую рамку, которая была бы одобрена членами ученого совета, состоящего из специалистов самых разных областей. Выход был найден не в комбинации в выгодном порядке цитат из «классиков» марксизма¹⁸⁸, а в актуализации аттических трагедий через схожесть условий, в которые многие из них были поставлены — военные действия между Афинами и Спартой — с переживаемым в настоящем времени моментом. С.Я. Лурье в самом начале диссертации обозначает свой подход: для правильной трактовки трагедий Еврипида, написанных в период войн, надо «проникнуться как можно глубже теми настроениями, которыми жили афиняне эпохи Пелопоннесской войны <...> В настоящий момент, когда мы переживаем войну, так потрясшую все основы нашей жизни, как Пелопоннесская война жизнь афинян, нам это легче всего сделать»¹⁸⁹. В другом месте соискатель прямо говорит, что для понимания «Андромахи» Еврипида читатель должен перенестись в обстановку 411 г. до н. э. или сходную с ней, а до 1941 г., по его мнению, это было почти невозможно. Ту же мысль можно встретить и в более эмоциональной тональности: «В лихорадочные моменты государственной жизни, во время тяжелой войны, когда самое существование государства в опасности, зритель воспринимает как высокохудожественное то, что читателю другой, мирной эпохи покажется “хриплонаторванным иступленным криком помешанно-

---

¹⁸⁸ Кстати, из всех «классиков марксизма-ленинизма» лишь К. Маркс единожды удостоился у С.Я. Лурье упоминания: соискатель был солидарен с К. Марксом в том, что Эсхил — «ярко выраженный тенденциозный автор» (Лурье 1943, 20).

¹⁸⁹ Лурье 1943, 32.

го»¹⁹⁰. Здесь прослеживаются, на наш взгляд, идеи, сходные с философией и теорией познания В. Дильтея. Немецкий философ был убежден, что основной метод в изучении наук о духе, к которым относится комплекс наук о человеке, — «вживание», тогда как в науках о природе применяется метод объяснения — исследование происходит путем восхождения от частного к общему. Другими словами, чтобы постичь человека исторической эпохи, нужно непосредственно прочувствовать его социальную действительность во всех ее проявлениях. В этом отношении и творения поэтов, по Дильтею, могут быть поняты только в контексте культурных взаимосвязей: «Ведь сюжет, мотив, человеческие характеры всякого выдающегося поэтического творения обуславливаются как жизненным идеалом, мировоззрением и общественной действительностью того времени, в котором оно возникло, так и наоборот — всемирно-историческим перенесением и развитием поэтических тем, мотивов и характеров»¹⁹¹. Культура здесь выступает всеобъемлющим понятием. В ней происходит объективация духа. Важное наблюдение Дильтея: бесчисленные образы культуры обнаруживают в разные эпохи общие линии, поскольку люди испытывают одни и те же проблемы, а значит, принципиально возможно изучать историю через вживание.

Выдвинутый Лурье тезис призван был актуализировать защиту диссертации по античной литературе в годы войны. Так, один из оппонентов Лурье Б.М. Эйхенбаум цитирует упомянутые выше строчки из диссертации, причем никак их не комментирует, но приветствует «современность» как «методологическую основу для решения общего вопроса о соотношении художественности с тенденциозностью»¹⁹². Вместе с тем в них нельзя не увидеть попытку соискателя выйти за рамки экономического детерминизма. Другие же оппоненты были более осторожны в отношении заявленного соискателем теоретического подхода. Например, И.М. Тронский, эмоционально высказавшись о немецком вторжении в Советский Союз, констатировал заслуги Лурье в пересмотре некоторых выдвинутых в науке положений относительно антических трагедий, но со скепсисом высказался о поисках «политических намеков на злобу дня», вносящих

¹⁹⁰ Там же. С. 33.

¹⁹¹ Дильтей 2000, 366.

¹⁹² ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1775. Л. 16 об.

элемент субъективности¹⁹³. Больше же внимание Тронский, как и третий оппонент И.И. Толстой, уделил оценке сделанных соискателем наблюдений.

Заметим, что Лурье не идет по пути многих своих коллег, нещадно разоблачавших фашистскую науку и видевших в прошлом лишь те задачи, которые ставила переживаемая в тот момент борьба с фашистскими захватчиками¹⁹⁴. Актуализировав через современность тематику своей диссертации иным образом, чем это было тогда принято, С.Я. Лурье перешел к вопросам научного характера. Выявленные же Лурье «аллюзии» в трагедиях представляли собой наиболее уязвимое место в диссертации. Очевидно, что материал художественных произведений, в основе которых лежат мифологические образы, трудно однозначно соотносить с определенными историческими событиями. И.М. Тронский вполне резонно назвал довольно гипотетическим утверждением, что в провозглашаемом в «Евменидах» принципе родства детей только с отцом, но не с матерью можно усматривать полемику Эсхила с «проектом» (sic!) радикальных демократов направленного против аристократов закона об исключении из состава афинского гражданства тех лиц, которые происходят от брака афинского гражданина с негражданкой из другой общины (в будущем известен как закон Перикла 451/450 г. до н. э.), либо что в приводе пленного Еврисфея в «Гераклидах» содержится намек на события под Сфактерией 425 г. до н. э. Не согласен был оппонент и с трактовкой 457 ст. «Андромахи», где говорится о неоднократном превращении Менелая «из сухопутного бойца в плохого моряка», как намек на события после октября—ноября 412 г. до н. э., когда спартанцы завели собственный флот. Нельзя, по мнению Тронского, видеть в перемене настроения Тесея в «Молящихся», когда афинский герой отказывает Адрасту в помощи, отражение эволюции позиции самого Еврипида¹⁹⁵.

Ни в отзыве Тронского, ни в отзыве Толстого нет намеков о соответствии выдвинутых в диссертации положений марксистско-ленинскому учению. Квалификационное сочинение оценивается через используемый метод, мастерство анализа текстов и умение формулировать доказательные утверждения. Так, Тол-

¹⁹³ Там же. Л. 19 об.

¹⁹⁴ См., напр., о такой тенденции в диссертациях по истории: Скворцов 2023б, 152—161.

¹⁹⁵ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1775. Л. 20—21.

стой, соглашаясь со многими выдвинутыми утверждениями, критикует Лурье в основном за некорректный перевод отдельных древнегреческих слов и фраз и в неожиданном русле развивает мысль о схожести взглядов Алкивиада и Еврипида. По мнению оппонента, эта схожесть не ограничивается вопросами военной политики, но «корениться могла в принципиальной общности бессознательных, инстинктивных культурно-исторических [курсив наш. — Авт.] заданий обоих» и этих двух знаменитых афинских граждан следует рассматривать как предтечу эллинистической эпохи¹⁹⁶.

Тронский, как, кстати, и Толстой, в вводной части изображает Лурье как широко известного ученого не только в пределах СССР, но и за рубежом, а само исследование соискателя представляет как продолжение «традиции нашего университета», где изучение античной драмы занимало важное место в студиях Ф.Ф. Зелинского и его учеников. Тем самым современный диссертанту советский этап научного поиска не противопоставляется дореволюционному. Последний включается в общую последовательную канву развития античного литературоведения в Советском Союзе, признаются и актуализируются его достижения. Переосмыслению прошлого науки способствовало общее идеологическое послабление в военное время¹⁹⁷, а также внимание пропаганды к победам русского оружия во времена императорской России и Древней Руси.

Линия преемственности прослеживается, по Тронскому, в нацеленности Лурье на установление, дополнение, исправление, истолкование античных текстов, а также в сочетании глубокого исторического знания эпохи с литературоведческим анализом¹⁹⁸. Помимо самой диссертации, свидетельствующей о ряде новых тенденций в науке военного времени, важно обратить внимание и на сопутствующие квалификационному сочинению документы в диссертационном деле, в частности на автобиографию. Ее структуру и содержание задает общественно-политический и культурный контекст, влияющий на модель самопрезентации.

---

¹⁹⁶ Там же. Л. 30.

¹⁹⁷ Исследователи по истории советской пропаганды уже отмечали исчезновение из идеологии, патриотического языка периода Великой Отечественной войны коммунистической составляющей (Лившин, Орлов 2007, 15).

¹⁹⁸ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1775. Л. 18 об.

Презентация ученого в относительно кратком *curriculum vitae* строилась на перекрестии двух основных дискурсов: первый исходил из традиционных (идуших с дореволюционных времен) представлений о процессе формирования научного деятеля, второй складывался из пропагандируемого советскими идеологами образа советского гражданина и ученого. В диссертационном деле Лурье содержится автобиография соискателя¹⁹⁹, обращающая на себя внимание не только в связи с подробным изложением автором всех перипетий своей научной карьеры, но и с рядом других обстоятельств. Во-первых, соискатель изображает себя пострадавшим от царского режима («не имея возможности вследствие ограничений для евреев поступить в Могилевскую гимназию <...>») и одновременно своеобразным борцом с этими несправедливыми порядками. Несмотря на гонения по национальному признаку, ему не только удалось поступить в гимназию, но и закончить ее с золотой медалью. Он трижды упомянул свои отличные оценки: в связи с окончанием прогимназии, затем гимназии и, наконец, в связи со сдачей экзамена по греческому языку в Виленском учебном округе. Во-вторых, Лурье посчитал нужным перечислить своих учителей: С.А. Жебелева, М.И. Ростовцева, Ф.Ф. Зелинского, И.И. Толстого, несмотря на известный факт эмиграции двух из них. А в диссертации Зелинский назван «крупнейшим классическим филологом», наравне с У. фон Вилламовицем-Меллендорфом²⁰⁰. Очевидно, соискатель позиционирует себя тесно связанным с научными традициями именно дореволюционного антиковедения, периода взлета русской науки о классической древности. Об этом же свидетельствует и намеренное упоминание своей первой публикации о херсонесской надписи в «Журнале Министерства народного просвещения». Наконец, в-третьих, Лурье посчитал безопасным упоминание о своих «регулярных» (sic!) публикациях в иностранных журналах. Появление подобной строчки стало возможно, вероятно, в связи с изменением геополитической обстановки (в конце 1943 г. состоялась Тегеранская конференция) и активной подготовкой открытия второго фронта.

Таким образом, совокупность документов, относящихся к диссертационному делу С.Я. Лурье 1944 г., позволяет выявить ряд тенденций в науке заключительного периода Великой Оте-

¹⁹⁹ Там же. Л. 12—13.

²⁰⁰ Лурье 1943, 82.

чественной войны. Произошло некоторое ослабление идеологического давления, показателем чему, например, является отсутствие в диссертации традиционной для 1930-х гг. коммунистической риторики и риторики классовой борьбы. Свои филологические поиски Лурье открыто демонстрировал как продолжение традиций дореволюционного антиковедения. Подход соискателя к анализу аттических трагедий, заключающийся в выявлении в них аллюзий на политические события V в. до н. э., вызвал критику одного из оппонентов — И.М. Тронского, который, охарактеризовав сделанные выводы как «гипотетические», все же высказался за присуждение Лурье степени доктора. Поэтому данную диссертацию следует рассматривать как квалификационное сочинение, необходимое автору, вероятно, для реализации идеи перехода на филологический факультет. Не случайно сам труд так и остался неопубликованным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, подведем итоги. К рубежу 1930—1940-х гг. наука о классической древности в СССР институционально оформилась. Москва и Ленинград были центрами антиковедных исследований и в довоенное время. Силы историков-античников, работавших в институтах АН СССР, в значительной степени были направлены на написание обобщающих трудов, прежде всего «Всемирной истории». Более того, в академическом антиковедении в предвоенные месяцы наблюдается активизация деятельности, чему способствовали: подготовка сборника в честь С.А. Жебелева и завершение работы над главами для «Всемирной истории». Война и эвакуация затормозили осуществление большинства советских «мегапроектов» (была опубликована только «История дипломатии»), способствовали перераспределению усилий на более актуальную тематику.

Начало войны отмечено некоторой дезорганизацией, связанной с эвакуацией. Но в ситуации неопределенности возросла инициатива снизу, исходящая от самих ученых. В целом была продолжена линия на подготовку «Всемирной истории», но и конкретные исторические исследования не оказались полностью отодвинуты на задний план. Реевакуация и восстановление работы академических институтов в конце войны показали, что московским историкам древности и московским гуманитарным академическим учреждениям удалось сохранить работоспособность в условиях эвакуации.

Многие выехавшие из Москвы и Ленинграда историки стремились закрепиться в тех городах, где имелись библиотеки для научной работы. В итоге ряд ученых трудились в «дистанционном» формате, поэтому их деятельность слабо контролировалась руководителями институтов и секторов (что видно на примере ЛОИИ). Появилась определенная свобода в научных занятиях, однако реализация этой свободы ограничивалась бытовыми условиями. Дисперсный характер расселения ученых привел к

тому, что в эвакуации стала вестись работа по исследованию древней местной истории (например, в Казахстане, Туркменистане), а кроме того, возникли центры науки о древности (в 1944 г. в Казани стараниями в том числе И.И. Толстого произошло возрождение классической филологии).

Во время войны не все исследователи устремились заниматься пропагандистской работой и подстраивать свои темы под «политический момент», некоторые разрабатывали вполне традиционные научные сюжеты, начатые до войны. Можно даже сказать, что в ряде случаев заметно стремление погрузиться в научное творчество и максимально дистанцироваться от окружающей действительности. Именно с этой целью в 1943 г. кафедрой классической филологии ЛГУ и выбирается научная тема «Лукреций» (под предстоящий в 1945 г. юбилей римского поэта).

В условиях войны продолжилась защита диссертаций, которые выполняли в том числе важную идеологическую функцию: демонстрацию достоинств отечественной науки. В борьбе с расовой теорией обращалось внимание на достижения русских ученых. Не случайно большое внимание уделялось «историографическому блоку» в диссертациях и в целом росло количество историографических работ. В них дореволюционное прошлое позиционировалось неотъемлемой частью истории Советского Союза. СССР выступал наследником имперской России. В условиях войны и подъема патриотических чувств руководство страны стало поддерживать актуализацию, казалось бы, классово чуждых идей, возникших в науке до 1917 г.; при этом лидерство русских ученых-историков объяснялось «объективными» обстоятельствами.

Советское правительство стимулировало ученых продолжать научную деятельность: в сентябре 1942 г. работники науки по снабжению продовольственными товарами были приравнены к рабочим промышленных предприятий, что значительно улучшило их довольствие. Однако это имело и негативное следствие: стремление в короткое время получить искомую степень и обеспечить себе таким образом относительно стабильное существование привело к росту числа недобросовестных и низкокачественных работ. Практиковалась заочная защита диссертаций, что разрешалось находящимся на фронте. На основании отзыва специалиста можно было освободить соискателя от сдачи кандидатского минимума. На защитах докторских диссертаций оппонентами выступали порой кандидаты наук. Чиновники от науки,

обеспокоившись качеством представляемых на защиту диссертаций, подумывали в 1944 г. о введении промежуточной между кандидатом и доктором наук ученой степени магистра, чтобы сделать более престижной высшую ученую степень. Появляющиеся в это время инструкции от ВАК следует рассматривать в контексте исправления катастрофической ситуации с уровнем защит, сложившейся в 1941—1945 гг., а не в ряду планомерных преобразований, начатых в 1934 г.

Снижением планки диссертационных работ не преминул воспользоваться даже такой авторитетный ученый, как С.Я. Лурье, уже имевший докторскую степень по истории, но решивший в 1944 г. защитить диссертацию по классической филологии. Документы его диспута показывают, что в то время произошло некоторое ослабление идеологического давления, показателем чему является отсутствие в диссертации риторики классово-борьбы. Свои филологические поиски он открыто демонстрировал как продолжение традиций дореволюционного антиковедения. Подход соискателя к анализу аттических трагедий, заключающийся в выявлении в них аллюзий на политические события V в. до н. э., вызвал критику одного из оппонентов, И.М. Тронского, который, охарактеризовав сделанные выводы как «гипотетические», все же высказался за присуждение Лурье степени доктора, расценив сам диспут как формальность.

Интересной и симптоматичной оказывается кандидатская диссертация московского историка Л.М. Осипова. Данный ученый труд включал в себя как бы две независимые части. Одна отражала представления автора как выпускника дореволюционного университета, была фактографической и не несла отпечатка идеологии. Другая же являлась, скорее, иллюстрацией выдвинутых в военное время пропагандистских положений, которые предполагали неизбежность поражения фашизма и возвеличание героического прошлого советского народа.

В вузовских курсах по древней истории актуализировались следующие сюжеты: критика фашистской концепции исторического процесса античности и расовой теории, история древних войн, военное искусство и внешняя политика, борьба поработанных Римом народов против поработителей, роль славян в падении Римской империи и история первых славянских государственных образований. На кафедре классической филологии МГУ для занятий по чтению древних авторов предписывалось подбирать тексты, в которых наиболее ярко демонстрирова-

лись: военная доблесть, самоотверженность, патриотизм греков и римлян. Рекомендовалось проводить параллели между античными и русскими полководцами (например, сравнивать Цезаря с А.В. Суворовым и М.И. Кутузовым). Сокращение объема основных дисциплин по советской и зарубежной истории из-за уменьшения сроков обучения ориентировало лекторов на выборку определенных политически актуальных сюжетов. Сильно пострадал комплекс дисциплин специализации и практикумы по работе с источниками. Это в свою очередь приводило к догматическому восприятию исторического процесса студентами. Кроме того, общий уровень подготовки поступающих на первый курс в годы войны был довольно низким, что вызывало необходимость на начальных этапах обучения заниматься вопросами воспитательной работы и культуры. Анализ источников позволил сделать следующий вывод: в 1941—первой половине 1943 г. исторические факультеты адаптировались к трудностям военного времени, перестраивали программы и курсы, делая акцент на агитационно-пропагандистской или общественно-полезной работе ученых. Со второй половины 1943 г. научная и учебная жизнь постепенно нормализуются.

Уроки по истории древнего мира в школах, исходя из исследованных методических рекомендаций учителям, также должны были способствовать усилению уверенности в подрастающем поколении в правильных и справедливых действиях СССР. Борьба Советского Союза сравнивалась с освободительными войнами древности. История древнего мира призвана была продемонстрировать, что уже на заре человечества захватнические и грабительские устремления отдельных стран и народов в перспективе, как правило, были обречены на провал: любое государство, построенное на насилии и порабощении свободных народов, неизбежно проигрывало. Интерпретация событий древности значительно упрощалась: государства, ведущие войны в древности, объявлялись либо однозначно «хорошими», либо однозначно «плохими». Вместе с тем ставилась задача привить детям историко-материалистическое представление об истории, исходя из которого Советское государство представлялось как находившееся на более прогрессивной ступени развития. На примерах древности школьникам демонстрировалось, как реакционные и архаичные общества уступали свое место более прогрессивным силам — проводились аналогии с современностью.

В условиях военной конфронтации поднимаемые вопросы древней истории неизбежно политизировались, что прослеживается на материалах «Исторического журнала». На его страницах реализовывалась задача идеологического противоборства: доказывалась несостоятельность тезиса о военном превосходстве германцев и об их ключевом вкладе в историческое развитие. Именно славяне объявлялись наделенными военными доблестями и носителями прогрессивных тенденций. Советские историки стремились доказать раннее участие славян в событиях, разворачивающихся в античную эпоху, а значит, и историческое значение самого народа. Тем самым отечественная история значительно удревнялась, а Советский Союз оказывался в числе европейских государств, берущих свое начало в Античности. Римская же империя интересовала лишь в контексте ее краха под ударами более прогрессивных сил: в борьбе «варваров» против Рима выявлялось много общего с противостоянием СССР и союзников гитлеровской Германии. Отсюда делался вывод о неизбежном крахе Третьего рейха. Это событие оказывалось исторически обусловленным. При этом материал античных источников преподносился в упрощенном виде: подбирались нужные, вырванные из контекста цитаты; допускались смелые аналогии и схематичные трактовки, которые сдабривались эмоциональными высказываниями. Научные принципы отходили на задний план.

С 1944 г. стала не только нормализовываться научная жизнь, но и возросла активность ученых в выдвижении новых идей. Выявляется их нацеленность на международное сотрудничество. Несколько ослабевает идеологический диктат. В научных докладах прослеживается надежда на демократизацию политического строя. В 1945 г. закладываются основы сотрудничества советских историков и археологов с коллегами из стран Восточной Европы, начинается подготовка советских зарубежных археологических раскопок.

Для изучения истории древнего мира в России период 1941—1945 гг. стал не просто «перерывом на войну», но и полноценным этапом в развитии антиковедных исследований, приспособления их тематики к современным условиям. В какой-то мере эти тенденции продолжились и в послевоенный период. С другой стороны, сравнительная легкость защиты диссертаций и карьерного роста советских ученых-античников в военный период породила проблемы в дальнейшем, когда контролирующие

органы (и прежде всего ВАК) пытались вводить определенные ограничения.

В конце войны не только восстанавливаются старые кафедры древней истории и классической филологии в университетах, но и открываются новые. Величие Советского Союза получало новые основания. Наметилась тенденция возводить культурные истоки страны через посредничество городов Причерноморья и Византии к Древней Греции и Древнему Риму. Таким образом, между античной древностью и современностью проводилась преемственность: утверждался факт естественной органической связи греко-римской античности и современности, что нашло отражение в развитии классицистических тенденций в культуре в послевоенные годы.

Приложение 1. «Помощь России в войне»: роль историка-античника Мозеса Финли

1.1. Мозес Финли — организатор помощи СССР

Для понимания происхождения взглядов и концепций историка немалое значение имеет рассмотрение его внеакадемической, общественной деятельности, которая в драматические для страны исторические периоды может выходить и на первый план¹. Так, М.И. Ростовцев в годы «Великой войны» (Первой мировой) рассматривал свою деятельность по помощи «увечным» (инвалидам) в качестве первостепенной, отодвигая занятия наукой на второй план².

Мозес Финли (Финкельштейн; Финли поменял фамилию в октябре 1946 г.) (1912—1986), один из самых известных историков-антиковедов, после того как истек его почасовой учительский контракт в нью-йоркском Сити-колледж, с 1942 по 1946 г. работал на полную ставку в некоммерческой организации, которая занималась оказанием помощи СССР³. Он считал эту работу настолько важной, что в конце жизни в интервью корпорации Би-би-си в 1980 г., которое содержит ретроспективную оценку его собственного жизненного пути, сопоставил ее с военной службой⁴.

Финли отказывался признать свое членство в компартии США: он дважды под присягой отрицал этот факт⁵. Однако при

---

¹ Карпюк 2017, 462—474.

² Зуев 1997, 69—70.

³ Об этом периоде биографии Финли см.: Tompkins 2013, 2016; Naiden 2014.

⁴ Cambridge University Library. The Finley Papers. Add 9607. Box 16. F 3.

⁵ Naiden 2014, 258; Naiden 2017, 739.

этом Финли с гордостью говорил о своей эффективной деятельности в комитете по помощи СССР, который товарищ Финли по партии Эмили Грейс называла без обиняков «Обществом помощи Советской Армии»⁶. Почему же и в конце жизненного пути он хотел подчеркнуть важность своей деятельности во время войны?

17 декабря 1942 г., в канун Сталинградской битвы, 1-й секретарь советского посольства В.И. Базыкин отправил из Вашингтона в Москву председателю Всесоюзного общества культурных связей с зарубежными странами (ВОКС) В.С. Кеменову одну из самых длинных телеграмм с записью выступления Чарли Чаплина на благотворительном обеде в Нью-Йорке в отеле «Пенсильвания» 3 декабря 1942 г.⁷ Это мероприятие провел Комитет «Помощь России в войне», в котором уже несколько месяцев работал Мозес Финкельштейн (Финли). Несомненно, он был среди организаторов данного выступления. Идея отправить делегацию известных советских евреев в США для привлечения американской помощи рассматривалась советским руководством еще в середине 1942 г.⁸, но была осуществлена годом позже; ответственным за организацию этой поездки с американской стороны был Финли.

Организация «Помощь России в войне» возникла вскоре после нападения Германии на СССР, еще до вступления США во Вторую мировую войну. Она была зарегистрирована Президентским советом по контролю за организацией военной помощи 12 сентября 1941 г.⁹ Первые массовые митинги и кампании по сбору средств были организованы в Нью-Йорке уже осенью 1941 г. Для выяснения потребностей СССР «Помощь России в войне» связывалась с советским посольством. С целью расширения круга лиц, вовлеченных в оказание помощи СССР, с 1942 г. создаются национальные комитеты (советы), расположенные по тому же адресу, но имеющие свою собственную документацию, в их числе еврейские¹⁰.

В круг обязанностей Мозеса Финкельштейна, исполнительного секретаря Еврейского совета «Помощи России в войне»,

⁶ Kazakevich 2016, 782.

⁷ АВП РФ. Ф. 192. Оп. 9. Д. 41. П. 65. Л. 38—45.

⁸ Вовси-Михоэлс 1997, 159—162.

⁹ Васин, Велембовская 2013, 86.

¹⁰ Naiden 2014, 246—247; Васин, Велембовская 2013, 87.

почетным президентом которого был Альберт Эйнштейн, входила переписка с советскими должностными лицами в ранге посла (М.М. Литвиновым и А.А. Громыко), а также со своим визави в советском посольстве в Вашингтоне секретарем посла Анастасией Петровой. Комплекс писем и телеграмм, хранящихся в Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ)¹¹, дает возможность увидеть методы работы Финли-организатора.

Для поддержки кампании помощи Финли просит направить в США «делегацию ведущих советских евреев»¹², включив в нее не только деятелей культуры Михоэlsa, Фефера и Маркиша, но также и партийного идеолога Мехлиса¹³. Энергичный исполнительный секретарь 10 декабря 1942 г. отправляет телеграмму в Куйбышев (Самару), где находились тогда эвакуированные из Москвы правительственные учреждения, по адресу: ул. Венцка, д. 37 в Еврейский антифашистский комитет: «Еврейский совет Нью-Йорка собрал для “Помощи России в войне” 200 тыс. долларов... Энтузиазм американских евреев потрясающий. Дальнейшее развитие объединенных действий главных еврейских организаций даст многократно увеличенный результат. Конференция в честь первой годовщины Еврейского совета 28 февраля 1942 г. Настоятельно необходимо присутствие делегации вашего комитета с последующей поездкой по стране. Предлагаем Михоэlsa, Мехлиса, Фефера, Маркиша... Пожалуйста, предпримите все необходимые шаги»¹⁴.

Телеграмма была подписана всеми руководителями Еврейского совета, Мозес Финкельштейн перечислен последним, но его авторство очевидно. 30 декабря 1942 г. в Куйбышев была послана вторая телеграмма с просьбой о том, чтобы «группа выдающихся советских женщин», и в числе их Лина Штерн и Суламифь Зильберштейн, подписали и послали телеграммой приветствие женскому комитету Еврейского совета¹⁵. 7 января

---

¹¹ Интернет-публикация была подготовлена российским МИД к празднованию 70-летия Победы в 2015 г.: «СССР и союзники. Документы Архива МИД России о внешней политике и дипломатии ведущих держав антигитлеровской коалиции», ссылка: www.agk.mid.ru, наиболее перспективен поиск по терминам «Рашен Уор Релиф», «РУР».

¹² АВП РФ. Ф. 192. Оп. 10. Д. 52. П. 73. Л. 1.

¹³ Там же. Л. 3.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 4.

1943 г. была отправлена третья телеграмма с просьбой включить в делегацию «еврейских партизан»¹⁶.

Не получив никакого ответа в течение месяца, Финли отправляет 12 января 1943 г. письмо советскому послу М.М. Литвинову, приложив копии всех трех телеграмм. Финли просит посла переслать их в Куйбышев и помочь связаться с Еврейским антифашистским комитетом, указав, что отправка телеграмм была заранее согласована с Литвиновым, который, правда, выразил сомнение в осуществимости транспортировки делегации¹⁷. Секретарь посла Анастасия Петрова оперативно (14 января) подтверждает Финли, что посол прочитал его письмо, телеграммы в Куйбышев посланы, но положительного ответа не обещает. Судя по пометам, для переписки с Еврейским советом «Помощи России в войне» в посольстве была заведена отдельная папка¹⁸. Финли в ответном письме Анастасии Петровой 15 января просит передать благодарность послу и выражает надежду в успешном осуществлении планов¹⁹. Однако срок конференции близится, а о приезде советской делегации никаких вестей нет. М.М. Литвинов направляет приветствие в адрес конференции²⁰, и Финли 8 февраля снова отправляет письмо советскому послу с просьбой выступить на конференции и прислать представителей армии и флота для выступления перед делегатами²¹. Советский посол отказывается выступать и предоставлять спикеров для конференции, о чем извещает Луиса Левина, председателя Еврейского совета²².

Наконец, Анастасия Петрова сообщает в письме от 22 февраля, что, как ей сообщил посол, «Михоэлс и Фефер могли бы приехать в эту страну», но в любом случае не успевают к конференции²³. И тут Финли понимает, что невозможность приехать к началу конференции — очень удобный предлог для отказа, и проявляет бешеную активность; утром 23 февраля, сразу по

¹⁶ Там же. Л. 2.

¹⁷ Там же. Л. 1.

¹⁸ Там же. Л. 5.

¹⁹ Там же. Л. 6.

²⁰ Там же. Л. 7.

²¹ Там же. Л. 8—9.

²² Там же. Л. 10.

²³ Там же. Л. 11.

получении письма, он отправляет Петровой энергичную телеграмму:

Ваше письмо 1-6 JR содержит неясность. Если Михозлс и Фефер в действительности приезжают, их участие в конференции не существенно. Если они приедут несколькими неделями позже, [их] поездка по стране позволит через Еврейский совет «Помощи России в войне» собрать огромные суммы. Употребите все усилия привезти их как можно скорее.

Мозес И. Финкельштейн²⁴.

Петрова отвечает оперативно, уже на следующий день (24 февраля), и по существу: она объясняет, что, поскольку на конференцию приглашенные опоздали, для одобрения новой поездки потребуется новое решение²⁵. Финли настойчив и отправляет 25 февраля письмо, написанное в крайне официальных выражениях, которое почему-то было доставлено только 2 марта:

Дорогая мисс Петрова,

Что касается Вашего письма от 24 февраля (1-6 JR), то я хотел бы поблагодарить Вас за внесение ясности. В то же самое время, я уверен, излишне говорить о том, что такое решение крайне нас разочаровало. Как я писал во вчерашней телеграмме, мы считаем, что, если Михозлс и Фефер приедут в нашу страну, пусть и вне всякой связи с конференцией, это будет иметь огромное значение.

Не дадите ли Вы мне знать, какая процедура предполагается, чтобы поставить этот вопрос вновь.

Искренне Ваш

[подпись]

Мозес И. Финкельштейн,
исполнительный секретарь.

На письме карандашная резолюция посла (М.М. Литвинова): «Пусть телеграфирует прямо Антифашистскому комитету или лично Михозлсу и Феферу»²⁶.

Анастасия Петрова отвечает 4 марта и повторяет рекомендации посла, сообщая при этом хорошо известный Финли куйбышевский адрес. Она понимает недовольство своего визави и завершает письмо не стандартным выражением «искренне Ваша» («sincerely yours»), а с куда большей экспрессией:

²⁴ Там же. Л. 12.

²⁵ Там же. Л. 13.

²⁶ Там же. Л. 14.

«по-настоящему Ваша» («yours very truly»); очевидно показывая этим, что приложила все усилия для решения вопроса. На письме ее карандашная помета о «специальной (т. е. ускоренной) доставке»²⁷.

Финли отвечает 11 марта (письмо доставлено 15 марта), он деловит, холоден и официален:

Дорогая мисс Петрова,

Я прошу прощения, что должен вновь обратиться к Вам по поводу делегации еврейских лидеров из Советского Союза. Тем не менее, мы знаем из предыдущего опыта, насколько существенна поддержка посла, и мы чувствуем, что должны приложить все усилия, чтобы обеспечить продвижение настоящего запроса.

По нашему суждению, каждый следующий день делает все более и более важным, чтобы такая делегация приехала в эту страну и осуществила общенациональную поездку по сбору пожертвований. Я желаю знать, можете ли Вы в полной мере осознать, что Михоэлс и Фефер значат для евреев этой страны и чего мы могли бы достичь в нашей работе по сбору помощи, если бы они были здесь.

Этот вопрос был важен и две недели назад, но он приобретает дополнительную важность сейчас, когда антисоветские элементы в еврейском мире внезапно организовали срежиссированную кампанию поношения. Я приложил типичные образцы из прессы на идиш, чтобы показать, что я имею в виду.

Мы уже отправили телеграмму Михоэлсу и Феферу лично, как Вы предлагали. Я опасаясь, что ничего более мы сделать не можем. Поэтому я желаю знать, будете ли Вы столь добры, что привлечете внимание посла к этому письму.

Искренне Ваш

[подпись]

Мозес И. Финкельштейн,
исполнительный секретарь.

На письме карандашная резолюция Петровой «Приложения передать в отдел печати»²⁸.

Очевидно, твердость Финли возымела действие, и уже 15 марта «мисс Петрова» написала в ответ:

Дорогой мистер Финкельштейн,
по поводу Вашего письма от 11 марта.

Я рада, что имею возможность сказать Вам, что посол получил информацию, что Михоэлс и Фефер прибудут в эту страну. Точная

²⁷ Там же. Л. 15.

²⁸ Там же. Л. 16.

дата их прибытия еще не может быть установлена, так как это зависит от получения приоритетов для мест на американском корабле. Я поставлю Вас в известность, когда мы получим дальнейшую информацию.

Искренне Ваша
Анастасия Петрова,
секретарь посла²⁹.

Финли ответил немедленно, 16 марта: «Мне не нужно говорить Вам, как мы обрадованы услышать о том, что принято окончательное решение о приезде Михоэлса и Фефера в эту страну»³⁰.

Наконец, 8 мая 1943 г. Финли получает долгожданное письмо:

Дорогой мистер Финкельштейн,

В дополнение к нашей переписке я хотела бы информировать Вас о том, что Михоэлс и Фефер сейчас находятся в Тегеране в ожидании транспортировки в эту страну.

Искренне Ваша
Анастасия Петрова,
секретарь посла³¹.

До завершения войны в Европе оставалось ровно два года.

Финли пришлось применить свое искусство убеждения и летом 1943 г., во время поездки Михоэлса и Фефера по США, когда возник вопрос об их сроках пребывания, тогда он решительно настаивал на соблюдении достигнутых договоренностей:

16 августа 1943 г.
Мистеру Андрею Громыко,
Поверенному в делах.
Посольство СССР,
Вашингтон

Дорогой мистер Громыко,

Я прошу прощения, что так сильно беспокою Вас по этому вопросу, но всю прошлую неделю я провел в Филадельфии как раз в то время, когда обсуждался вопрос о конечной дате пребывания [в США] профессора Михоэлса и мистера Фефера. Поэтому я беру на себя смелость добавить некоторую информацию, которая, как

---

²⁹ Там же. Л. 17.

³⁰ Там же. Л. 18.

³¹ Там же. Л. 19.

я полагаю, заслуживает серьезного рассмотрения, и в то же время указывая, почему для меня столь важно получить немедленный ответ.

Во-первых, могу ли я напомнить Вам, что, когда около трех недель назад вместе с мистером Киселевым и профессором Михоэлсом я был в Вашингтоне, после почти четырехчасового обсуждения 20 сентября было согласовано как дата отъезда. И именно на основании этого решения мы разработали определенные очень специфические планы. Поэтому цель данного письма — привлечь Ваше внимание к определенным, уже подготовленным проектам (все укладываются во временные рамки до 20 сентября), которые не могут быть отменены без очень неудачных последствий. Я перечислю только самые важные из них.

1. Вы знакомы, конечно же, с предварительными обсуждениями, предпринятыми профессором Михоэлсом и мистером Фефером с мистером Джеймсом Н. Розенбергом и другими важными руководителями «Джойнта» (Joint Distribution Committee). Эти обсуждения завершились на определенном уровне взаимопонимания, что они должны быть возобновлены и расширены и по содержанию, и по вовлеченным в них людям, где-то после Дня труда. Физически невозможно организовать продолжение этих обсуждений до 10 сентября.

2. Всеми признается необходимость подобающего прощального мероприятия для делегации. Мы уже запланировали банкет на 19 сентября, арендовали место и подготовили 15 тыс. приглашений. Эти приглашения сейчас лежат (sitting) в моем офисе и ждут окончательного решения о немедленной отправке. Более того, все наши волонтеры уже проинформированы об этих планах и начали работу по ним...

[Далее перечисляются еще три запланированные встречи. — *Авт.*]

Я хотел бы повторить, что озвучил только главные мероприятия, которые уже готовятся (underway). Если 20 сентября не будет зафиксировано как конечная дата пребывания наших двух гостей, каждый из перечисленных проектов должен быть отменен; должны быть даны объяснения сотням людей, которые уже начали работу по этим проектам. Только эта ситуация является причиной посылки Вам еще одного письма, касающегося всей этой проблемы.

Искренне Ваш
[подпись]

Мозес И. Финкельштейн,
исполнительный секретарь³².

³² Там же. Л. 26—27.

Мистер «нет» (так прозвали Громыко, когда он был советским представителем в Совете Безопасности ООН) ответил Финли 17 августа, на следующий день:

Дорогой мистер Финкельштейн,
в ответ на Ваше письмо от 11 августа (sic!) я счастлив сообщить Вам, что пребывание в этой стране господ Михоэлса и Фефера продлено до 19 сентября включительно...

Искренне Ваш
А. Громыко,
Charge d'Affaires ad interim³³.

Таким образом, усилия Финли по организации визита советской делегации не пропали даром. Пребывание Михоэлса и Фефера в США в результате было продлено до начала октября. Только 9 октября 1943 г. генеральный консул СССР в Нью-Йорке Е. Киселев получил сообщение из посольства в Вашингтоне, что выездные американские визы получены и «паспорта гг. Михоэлса С.М. и Фефера И.С. оформлены и находятся у нас»³⁴.

Благодаря совместным усилиям, немалая роль в которых принадлежала активному исполнительному секретарю Мозесу Финли, удалось мобилизовать значительные средства для помощи СССР. «Помощь России в войне» собирала до четверти всех частных пожертвований в США, общая стоимость отправленной в СССР помощи составляла около 60 млн долларов³⁵, очень значительную по тем временам сумму. Руководители «Помощи России в войне» в 1945 г. получили советские ордена и медали: председатель Эдвард Картер и исполнительный директор Фред Майерс — орден Трудового Красного Знамени, менее значимые фигуры — медаль «За трудовое отличие»³⁶. Финли среди них не было, хотя его вклад в победу над фашизмом был весьма значителен. Его активное участие в кампании по сбору помощи для Советского Союза в годы войны, безусловно, оказало влияние и на его мировоззрение, и на его гражданскую позицию в дальнейшем.

³³ Там же. Л. 28.

³⁴ Там же Л. 35.

³⁵ Васин, Велембовская 2013, 98.

³⁶ Там же. С. 84.

1.2. Мозес Финли и распределение американской помощи. «Меморандум Финкельштейна»

Одному из самых известных историков античности XX в. сэру Мозесу Финли, эмигрировавшему в конце 1954 г. из США в Великобританию, «не повезло» с переводом его сочинений на русский язык. Несмотря на притягательность идей историка, по разным причинам (и идеологического, и финансового свойства) ни одного перевода его научных трудов не было опубликовано ни в советское время, ни в 1990-е гг. Только в 2003 г. был издан первый перевод сравнительно небольшой статьи М. Финли³⁷. Тем не менее первый перевод на русский язык текста, автором которого был Мозес Финли, датирован 1945 г. Этот текст хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) в Москве и озаглавлен «Меморандум Исполнительного Секретаря Еврейского Комитета Рашен Уор Релиф Финкельштейна об организации “Национальный военный фонд”». Судя по содержанию, документ был написан до 1 октября 1944 г. — в конце лета или в начале осени 1944 г. Русский перевод, выполненный сотрудником Министерства иностранных дел СССР Е. Перфильевым, не датирован, но подшитые рядом с ним в деле документы позволяют предположить, что перевод был выполнен в августе 1945 г.³⁸ Исследователям творчества Мозеса Финли, и российским, и зарубежным, этот документ неизвестен³⁹.

Исследования, вышедшие к 100-летию Финли, внесли большой вклад в изучение не только научного творчества, но и жизненного пути историка. Финли был видным членом американской компартии, активным организатором помощи СССР в годы войны, стал жертвой маккартизма: он потерял работу и был вынужден эмигрировать из США⁴⁰. Документы из московских архивов позволяют уточнить детали биографии и взглядов Финли. В предшествующих публикациях удалось достоверно подтвердить

---

³⁷ Finley 1978, 1—15. Перевод А.В. Зарщикова, О.В. Любимовой на сайте www.ancientrome.ru (дата обращения: 12.12.2020).

³⁸ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 14. Д. 291 (1). Л. 134—138.

³⁹ Не случайно историографы склонны преувеличивать влияние на историка теоретических идей и приуменьшать значение его практической деятельности. См.: Green 2000, 31; Жарков 2008, 19.

⁴⁰ Об этом периоде биографии Финли см.: Naiden 2014, 243—266; Tompkins 2013, 5—30; Tompkins 2016, 13—30.

членство Финли в компартии США с 1937 или 1938 г.⁴¹, его тесное взаимодействие с высокопоставленными советскими дипломатами (включая М.М. Литвинова и А.А. Громыко) в 1942—1943 гг. по организации визита в США советских деятелей еврейской культуры С. Михоэlsa и И. Фефера⁴² и в первые послевоенные годы, в период сворачивания деятельности просоветских организаций в США в 1946—1947 гг.⁴³

В 1942—1947 гг. Финли полностью отошел от преподавания и науки и работал в Нью-Йорке в организациях, тесно связанных с Советским Союзом: в Комитете «Помощь России в войне» в 1942—1946 гг., а впоследствии в «Американо-русском институте» в 1946—1947 гг. Расцвет деятельности «Рашен Уор Релиф» (так в советских официальных документах обозначали название этого комитета, сокращенно — РУР) приходился на последние годы Второй мировой войны⁴⁴. Финли упомянул свою работу в этой организации в интервью, которое он дал в 1980 г. британской вещательной корпорации Би-би-си:

Интервьюер. Имели ли Вы на самом деле что-либо общее с коммунистической партией?

Финли. Поскольку я отказывался отвечать на этот вопрос в течение сорока лет, я буду твердо стоять на этом. Извините.

Интервьюер. Как Вы провели годы войны?

Финли. Я не был призван, по медицинским показаниям. Я нашел работу в агентстве «Помощь России в войне», где проявил себя с самой лучшей стороны, выполняя обязанности директора общенациональных кампаний⁴⁵.

Очевидны причины, по которым Финли отказывался признать свое членство в компартии США: он дважды под присягой отрицал этот факт⁴⁶. Однако при этом Финли всегда гордился своей эффективной деятельностью в Комитете «Помощь России в войне» и в конце жизненного пути хотел подчеркнуть важность своей деятельности во время Второй мировой войны.

---

⁴¹ На основании хранящейся в архиве «Вестника древней истории» записки его товарища по партии Эмили Грейс (Эмилии Львовны Казакевич), которая была написана в 1960 г. См.: Kazakevich 2016, 780—784.

⁴² См.: Карпюк 2018б, 283—292.

⁴³ См.: Карпюк 2018а, 113—121.

⁴⁴ Васин, Велембовская 2013, 84—99.

⁴⁵ Cambridge University Library. The Finley Papers. Add 9607. Box 16. F 3.

⁴⁶ Naiden 2014, 258; Naiden 2017, 739.

Неформальная встреча бизнесменов, религиозных деятелей и филантропов, которая привела к созданию Комитета «Помощь России в войне», состоялась в Нью-Йорке в июле 1941 г.⁴⁷; к 1943 г. число региональных и городских филиалов комитета превысило 400. Самый большой нью-йоркский филиал объединял 30 подкомитетов. В руководстве большинства структур работали добровольцы, и благодаря этому затраты на административный аппарат и управленческие расходы составляли менее 5 %. Волонтеры занимались сбором денег и одежды, распространением агитационных материалов. Во многих городах были созданы собственные небольшие производства и налажена продажа выпускаемой ими продукции⁴⁸.

«Помощь России в войне» подразделялась на национальные комитеты (советы). Мозес Финли с 1942 г. работал на должности исполнительного секретаря Еврейского комитета, выступал в качестве организатора общенациональных кампаний. У Финли накопился большой опыт контактов и с советскими, и с американскими дипломатическими и бюрократическими структурами. «Помощь России в войне», при активном участии самого Финли, вела успешные кампании по сбору помощи для СССР. Как отмечалось в советских дипломатических документах, «“Рашен уор релиф” — широко разветвленная организация военной помощи Советскому Союзу и вместе с тем крупнейшая просоветская организация США — за последние три года прислала в СССР медикаментов, одежды и пр. на сумму свыше 46 млн долларов. Кроме того, кампании, проводимые РУР’ом в США (митинги, посвященные знаменательным датам жизни СССР, опубликование информации о зверствах немцев и т. п.), играют большую положительную роль в распространении в США объективных знаний о Советском Союзе»⁴⁹.

Однако, когда исход войны стал ясен, правительство США переориентировало потоки помощи, которую американские граждане собирали для СССР, на лояльные США режимы и

---

⁴⁷ Carter 1944, 64.

⁴⁸ Васин, Велембовская 2013, 93.

⁴⁹ АВП РФ. Ф. 129. Оп. 29. Д. 81. П. 176. Л. 17. Впрочем, председателю оргкомитета «Помощи России в войне» Эдварду Картеру советские дипломаты сообщили несколько иные цифры: с начала операций (ноябрь 1941 г.) по 1 марта 1945 г. СССР было получено 203 450 мест на сумму 37 868 тыс. долларов. — Там же. Л. 34.

структуры. Национальному военному фонду (НВФ) было передано исключительное право на сбор денежных пожертвований на всей территории США. Этот фонд сам распределял, согласно квотам, средства между организациями-получателями. «Для Раши Уор Релиф была установлена ежегодная квота — 9 млн долларов, превышать которую организация не имела права. Все деньги, перечисленные в местные отделения РУР, регистрировались, и итоговая сумма, превышающая квоту, изымалась»⁵⁰. Такая навязанная сверху переориентация гуманитарной помощи послужила побудительной причиной написания в конце лета или начале осени 1944 г. «Меморандума Финкельштейна». В те годы написание меморандума — документа, который перемещал политический анализ в сферу принятия решений, — стало обычной практикой доведения до руководства собственной точки зрения⁵¹.

Переориентация американской гуманитарной помощи нашла отражение и в советских внешнеполитических документах. 5 февраля 1945 г. исполнявший обязанности председателя правления Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС) А.В. Караганов сообщал заместителю народного комиссара иностранных дел А.Я. Вышинскому, что НВФ с одобрения контрольного комитета при президенте США сократил денежный фонд комитета помощи России с 21 млн в 1944 г. до 7 млн в 1945 г.⁵² Основанием для этого послужило перераспределение средств в пользу только что освобожденных стран Европы⁵³. В переписке советских должностных лиц отмечалось, что сокращение помощи СССР с 21 млн долл. в 1943/44 финансовом году до 7 млн долл. в 1944/45 финансовом году (1 октября 1944 г. — 30 сентября 1945 г.) «объясняется американцами необходимостью выделения фондов для комитетов помощи вновь освобожденных европейских стран»⁵⁴. Уже после окончания Второй мировой войны руководство «Помощи России в войне» было удостоено советских орденов и медалей: председатель

---

⁵⁰ Позняков 1992, 47—48.

⁵¹ См., например, меморандум московского представителя «Помощи России в войне» Лео Грулева, врученный директору Совинформбюро С.А. Лозовскому: Васин, Велембовская 2013, 95.

⁵² АВП РФ. Ф. 129. Оп. 29. Д. 81. П. 176. Л. 10.

⁵³ Там же. Л. 11.

⁵⁴ Там же. Л. 14 (письмо А.Я. Вышинскому от 21 февраля 1945 г.).

Эдвард Картер и директор Фред Майерс — ордена Трудового Красного Знамени, экономический директор Вейнгард и представитель в СССР Лео Грулио — медали «За трудовую доблесть»⁵⁵. В преддверии визита руководства «Помощи России в войне» в Советский Союз, очевидно в августе 1945 г., был осуществлен перевод «Меморандума Финкельштейна» на русский язык.

«Меморандум Финкельштейна» — свидетельство заинтересованного современника об изменениях в советско-американских отношениях, которые происходили в конце Второй мировой войны. Финли и как современник и участник событий, и как профессиональный историк смог определить важнейший поворотный момент, можно сказать, точку невозврата не только в распределении американской гуманитарной помощи, но и в американо-советских отношениях. К осени 1944 г. исход войны стал очевиден. На первый план выходило не сотрудничество, а соперничество держав-победительниц. Гуманитарная помощь стала важнейшим инструментом внешней политики. США с их мощнейшей и не пострадавшей от войны экономикой могли использовать этот инструмент в полной мере⁵⁶. Политические предпочтения историка в 1944 г. были очевидны: член компартии США и убежденный антифашист Мозес Финли выступал за максимальную поддержку Советского Союза как главного и решающего участника войны с нацистской Германией. Приводим ниже документ с сохранением орфографических особенностей.

Документ

Перевод с английского

МЕМОРАНДУМ

Исполнительного Секретаря Еврейского Комитета
Рашен Уор Релиф⁵⁷ Финкельштейна
об организации «Национальный военный фонд»

1. Национальный военный фонд наряду со своей историей имеет и предысторию. В течение многих лет в стране существовала тенденция — объединить сборы средств на общественные мероприятия, такие как финансирование госпиталей, детских

⁵⁵ Там же. Л. 63 (письмо А.Я. Вышинскому от 20 августа 1945 г.).

⁵⁶ Porter 2015, 21—46.

⁵⁷ Russian War Relief — «Помощь России в войне».

домов, учреждений по улучшению быта и т. п., в одну ежегодную кампанию, обычно называемую общественным сбором. Такие сборы имеют три задачи: 1) предохранить жертвователей от необоснованных вымогательств; 2) снизить стоимость проведения сборов и 3) ограничить время сбора средств коротким периодом в году. Как только появились организации помощи военного времени, развилась тенденция объединять их в разных городах с организациями общественных сборов и сборов помощи военного времени. В течение всего 1942 г. такие организации создавались в одном городе за другим. РУР, подобно другим организациям помощи иностранным государствам, договаривалась с каждой такой организацией отдельно о работе, всегда при условии, что РУР прекращает независимые сборы средств в данном районе. (Случайно в гор. Нью-Йорке не существует общественного сбора.)

В начале 1943 г. появилась идея создания Национального военного фонда. Эта идея исходила из группы руководителей крупнейших банков и корпораций, которые хотели избежать необходимости давать деньги большому числу отдельных организаций. Естественно, они получили благословение от Центрального управления военной помощи Президента, возглавляемого братом сенатора Тафта⁵⁸. После нескольких месяцев переговоров и нажима Уинтропом Олдрич[ем]⁵⁹ из Чейз Нэшнл Бэнк и был создан Национальный военный фонд⁶⁰ не как федерация или совет представителей различных организаций помощи военного времени, а как сверхкорпорация, подчиненная интересам Рокфеллера Чейза⁶¹. 16 организаций помощи иностранным государствам стали тогда «организациями-членами» по контракту. Главными условиями контракта были: 1) НВФ будет вручать каждой организации-члену определенную сумму ежемесячно (если деньги

---

⁵⁸ Роберт Альфонсо Тафт — сторонник изоляционизма; его младший брат Чарльз Фелпс Тафт в годы Второй мировой войны возглавлял экономический отдел Госдепартамента США.

⁵⁹ Winthrop W. Aldrich (1885—1974) — американский банкир, с 1930 по 1953 г. президент банка «Чейз Нэшнл» (Chase National Bank), в 1953—1957 гг. американский посол в Великобритании; во время войны возглавлял Национальный военный фонд.

⁶⁰ National War Fund inc.

⁶¹ Семья Рокфеллеров была связана с крупнейшим банком «Чейз Манхэттен» (Chase Manhattan Bank), который впоследствии возглавлял Дэвид Рокфеллер.

будут); 2) каждая организация-член должна прекратить самостоятельные сборы денег; 3) организациям-членам разрешается продолжать собирать вещи и продукты⁶². Вероятно, что основные работники, возглавляющие НВФ, пришли из фирмы Джон Прайс Джонс⁶³, наиболее значительной и наиболее реакционной корпоративной общественной организации в стране.

Первая кампания НВФ была проведена осенью 1943 г. или независимо, как в Нью-Йорке, или, как фактически было во всех других городах, через местные военные сборы. Вторая кампания начнется 1 октября этого года⁶⁴. Кампания будет длиться от одной недели до двух месяцев, в зависимости от величины города, главным образом.

С тех пор как основные 16 организаций подписали контракт с НВФ, в него вступило небольшое число новых организаций с получением свидетельства Центрального управления военной помощи Президента, например: Италиан Уор Релиф, Литвениан Уор Релиф⁶⁵.

2. Задачей НВФ является якобы обеспечение максимальной эффективности сбора средств для помощи военного времени через единую организацию. Три факта показывают его истинное назначение:

1) Ежегодный план сборов НВФ устанавливается не в соответствии с требуемой помощью, а в соответствии с тем, сколько можно собрать без труда. Другими словами, задача НВФ защитить крупных жертвователей, а не получающих помощь.

2) Квота для кампании этого года 115 млн долларов, т. е. на 10.100.000 долларов меньше, чем в прошлом году, несмотря на то что каждая отдельная организация просит больше.

3) Лозунгом прошлогодней кампании было «Дай один раз для всех» — не в смысле единства, а в смысле — дай один раз, и никто не будет беспокоить тебя весь год.

Определение суммы, которую получит каждая организация-член НВФ, устанавливается до начала кампании бюджетным

---

⁶² В том числе так называемые «чрезвычайные наборы для домохозяйств».

⁶³ «Джон Прайс Джонс» (John Price Jones Company) — основанная в 1917 г. компания, специализировавшаяся на сборе пожертвований; она возвратила активную деятельность в середине XX в.

⁶⁴ 1944 г.

⁶⁵ Очевидно негативное отношение автора меморандума к враждебным СССР эмигрантским организациям, в частности литовским.

комитетом НВФ. Он получает детальные бюджеты от каждой организации, покрывающие не только закупки для помощи, но также и административные расходы, собирает совещания, которые довольно нелепы, и тогда определяет получаемую сумму. Случайно ЮСО⁶⁶ по своему контракту с НВФ получила право представлять бюджет без просмотра. Другими словами, они получают столько, сколько просят.

На бумаге прошлогодняя кампания НВФ выполнила свою квоту в 125 млн долларов. Из этой суммы было отпущено только для ЮСО свыше 50 млн долларов, для РУР — 9 млн. В действительности РУР получила значительно меньше, хотя я не знаю точной цифры. Для этого имеются три причины: 1) значительный процент обещанного еще не выполнен; 2) были выплачены суммы новым организациям, которые не входили в число первых 16; 3) имеются какие-то неясные для меня махинации в бухгалтерии.

За предстоящую кампанию РУР представила бюджетный запрос на 15 млн долларов, но после упорной борьбы комитет утвердил 8.5 млн долларов. В действительности даже эта цифра обманчива, так как НВФ сохраняет право пересматривать бюджет каждые три месяца. Исходя из его общей установки, любое изменение бюджета РУР может быть только в сторону снижения.

3. РУР извлек лишь одну выгоду из своего сотрудничества с НВФ — ту, что кампания НВФ довела обращение РУР до многих районов, в которые РУР не была в состоянии проникнуть ранее. В связи с этим РУР привлекла довольно значительное число лиц через НВФ.

Со всех других сторон отношения между РУР и НВФ всегда были плохими и делаются все хуже. Первоначальный контракт был очень плохим для РУР, и это может быть объяснено только неопытностью тогдашнего директора РУР и тем, что большинство членов правления РУР не сумело рассмотреть сущность НВФ за его внешностью. РУР имеет три основных противоречия с НВФ: 1) размер отпускаемых РУР средств и по абсолютной величине, и по сравнению с суммами, отпускаемыми другим организациям; 2) невероятно слабый характер лозунгов кампаний

---

⁶⁶ The United Service Organization (USO) — неправительственная организация, обеспечивающая американских военных и их семьи развлечениями, партнер военного министерства США. Существует с 1941 г.

НВФ; 3) постоянные попытки НВФ вмешаться, на деле помешать кампаниям РУР по сбору вещей и продуктов⁶⁷.

За прошедший год, со сменой исполнительного директора и непрекращающимися конфликтами, правление РУР единодушно приготовилось бороться с НВФ до конца. В прошлом месяце мистер Картер⁶⁸ послал резкое официальное письмо в НВФ с предупреждением о разрыве контракта с 31 декабря 1944 г. Эти действия, как и текст самого письма, получили единодушное одобрение исполнительного комитета РУР. Совсем не обязательно, что это должно привести к разрыву с НВФ, но это, по крайней мере, даст подписание нового контракта, дающего РУР больше прав и выгоды.

4. После всего сказанного мало что нужно говорить о политических тенденциях НВФ. Несколько отдельных фактов, однако, помогут яснее осветить картину: 1) Литература НВФ, предназначенная для кампаний, почти исключительно гуманитарная, а не антифашистская. Никогда не делалось никаких попыток представить идею Объединенных Наций. 2) Щедрость НВФ к литовскому и польскому комитетам военной помощи и одной-двум другим организациям, которые не имеют никакого отношения к помощи. 3) Пытаясь урезать средства, отпускаемые для РУР, НВФ делал определенную попытку передать 7.5 млн долларов из бюджета РУР на ленд-лиз.

Перевел (подпись) Е. Перфильев

ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 14. Д. 291 (1). Л. 134—138.

⁶⁷ В оригинале все три пункта подчеркнуты.

⁶⁸ Эдвард Кларк Картер (Edward Clark Carter, 1878—1954) — общественный деятель США, организатор помощи СССР и Китаю в годы Второй мировой войны, возглавлял «Помощь России в войне».

Приложение 2. Б.В. Казанский
«Ленинградская Академия Художеств в годы осады».
Публикация источника

В качестве второго приложения публикуем небольшой очерк филолога-классика Бориса Васильевича Казанского «Ленинградская Академия Художеств в годы осады», который хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки: Ф. 1393 (Б.В. Казанский). Д. 159. Л. 7—8 об. В этом деле собран ряд других очерков, относящихся к 1941—1942 гг., где дается описание бытовых условий преподавания в учебном заведении.

Б.В. Казанский (1889—1962) закончил классическое отделение Петербургского университета в 1913 г. После революции участвовал в создании Пермского университета, работал в Томском университете; в 1920 г. вернулся в Петроград и поступил на службу в Российский институт истории искусств и Научно-исследовательский институт сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока при ЛГУ, параллельно работая на кафедре классической филологии ЛГУ. В 1930-е гг. работал в Яфетическом институте и ЛГУ. А также с 1937 г. — во Всероссийской Академии художеств. Первую блокадную зиму Б.В. Казанский провел в городе, только 11 июня 1942 г. самолетом эвакуирован в Москву, где писал очерки для ТАСС и Советского информбюро. В апреле 1944 г. вернулся в Ленинград.

Документ публикуется нами в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (1990) и «Методическими рекомендациями по публикации архивных документов в печатном виде» (2022). Без оговорок исправлялись явные опечатки, орфографические и пунктуационные ошибки.

«Ленинградская Академия Художеств в годы осады»

[Л. 7] Массивная, кубическая темная глыба. Три этажа, но таких высоких, что равняются пяти. На фронте, обращенном

на Неву, надпись — «Свободным художествам». Перед зданием на самой набережной два огромных сфинкса, «из древних Фив в Египте», вывезенных в 1830 г., как гласит надпись. Здание занимает целый квартал.

Уже осенью [1941 г.] часть здания занята была военным госпиталем, другая — моряками. Но для занятий оставалось достаточно места. Неудобство было только в том, что приходилось ходить то в ворота, выходившие на 5ю линию, то с противоположной стороны, с 3й линии, то с главного подъезда, с Невы. А между тем нужно было торопиться. Обычно как раз утром, когда профессора и студенты отправлялись в Академию, начинались воздушные налеты, во время которых требовалось укрываться в подъездах, подворотнях и щелях. Особенно трудно было избежать этого, если тревога застигала на пути от Главного Штаба или фондовой Биржи или от Дворца Труда до Академии — вы оказывались на открытом месте: на площади, на мосту, на набережной, и милиционер обязательно загонял вас в укрытие. А это срывало лекцию.

Но когда добежишь до Академии, то уже спокоен. Хоть полагалось и здесь, в случае [Л. 7 об.] тревоги, уходить в бомбоубежище, но это требование редко выполнялось. Занятия проходили как ни в чем не бывало, и мы даже не замечали сигналов тревоги и отбоя.

Труднее стало, когда перестали ходить трамваи и троллейбусы. Пройти весь путь, особенно по главным улицам, без задержки было редкой удачей, тем более что ноги уже у всех ослабели. А так как налеты повторялись раз за разом, то пока дойдешь, несколько раз попадешь в убежище, и окажешься в Академии только через час или два после начала занятий.

Бомбардировок не боялись. Но одно время немцы несомненно бомбили Академию. Вероятно, они знали, что здесь помещается госпиталь и моряки. К тому же, в соседнем Соловьевском сквере расположена была зенитная батарея.

В самое здание попадали только зажигательные бомбы, не причинившие вреда. Но детонацией фугасных бомб выбиты были почти все окна. Недели две ветер гулял по Академии, как по площади, и снегом заметало столы, ближайшие к окнам. Потом окна забили фанерой, стало теплее, но зато темнее.

Лекции начинались осведомлением, все ли целы. И обычно — к удивлению — оказывалось, что да. Более или менее. Из 12 студентов, посещавших мои лекции (та или другая часть отсутствовала по трудмобилизации или на дежурствах ПВО), человека 3—4 пострадало. В дом одного случилось прямое

попадание, потолок в квартире обрушился, и студент получил серьезные ушибы и ранения. И на следующий день пришел с [Л. 8] обвязанной головой и забинтованной рукой. Другой ранен был осколком зенитного снаряда по дороге в Академию. Двое получили большие ожоги при тушении зажигательных бомб.

В столовой обычно оглядывали обедающих — кого-то нет? Большое впечатление произвела гибель талантливого художника и преподавателя А.А. Успенского¹ и профессора К.М. Лепилова². Первый был разорван на куски бомбой в своей мастерской (он жил в районе Московского вокзала), подвергавшейся бомбардировке с первых же дней войны. Лепилов погиб по дороге в Академию. Застигнутый тревогой, он должен был укрыться под аркой ближайшего дома. Бомба упала перед самыми воротами, свод обвалился. И старик был убит на месте. Его откопали только через неделю студенты Академии.

Артиллерийский обстрел неприятнее, потому что методичнее и упорнее. В течение целого месяца немцы упорно стреляли вдоль Невы — вероятно по мосту лейт. Шмидта и по кораблям, стоявшим на реке. Иногда было физически невозможно пройти к Академии и приходилось пережидать за углом, пока снаряды не станут ложиться дальше. И тут было немало жертв, потому что никому не хотелось опаздывать на занятия.

Зимой было очень тяжело. Истощение, дистрофия валили с ног не только старых профессоров, но и молодежь. Одними из первых погибли академики архитектуры Котов³ и Гевирц⁴, академики-художники Савинов⁵ и Наумов⁶, [Л. 8 об.] профессор

---

¹ Успенский Алексей Александрович (1892—1941) — советский художник, считается одним из основоположников Ленинградской школы живописи.

² Лепилов Константин Михайлович (1879—1941) — русский и советский живописец, педагог, профессор.

³ Котов Григорий Иванович (1859—1942) — русский и советский архитектор, реставратор, преподаватель, действительный член Императорской Академии художеств.

⁴ Гевирц Яков Германович (1879—1942) — русский и советский архитектор, декан архитектурного факультета Академии художеств СССР.

⁵ Савинов Александр Иванович (1881—1942) — русский и советский живописец и педагог.

⁶ Наумов Павел Семенович (1884—1942) — русский и советский живописец, график, художник театра, педагог, профессор Академии художеств СССР.

истории античного искусства Богаевский⁷. Старый натурщик Егор Савелов геройски позировал, несмотря на мороз, упрямо заявив, что без обнаженной натуры не может быть учебы в Академии. Он умер от воспаления легких, можно сказать на посту.

Работать в мастерских было трудно. Пальцы коченели от холода, краски ложились плохо. Столярный клей, необходимый для грунта, шел преимущественно на заливное; кедровое масло было съедено в качестве жира. Но занятия шли полным ходом. Никто не хотел эвакуироваться персонально. Академия целиком была эвакуирована особым эшелонем только в феврале в Самарканд. Я бывал там и позднее. Все имело вид, как будто завтра же начнутся занятия <нрзб> порядок, все на чеку, в совершенной готовности. Живой дух славной Академии ощущался на каждом шагу. В центре внимания был стационар, устроенный в огромном зале. Здесь лежал, между прочим, художник Белкин⁸, который не мог уехать с Академией, т. к. уже не в силах был двигаться. Теперь он поправлялся и с увлечением говорил о будущей работе в Самарканде.

Да, Академия Художеств цела — и в Ленинграде, и в Самарканде, несмотря на потери в своих кадрах, и работа в ней кипит. Славнейший питомник русского искусства деятельно готовит новые художественные кадры. Перерыва в росте великого русского искусства не было и не будет.

ОР РНБ. Ф. 1393. Д. 159. Л. 7—8 об.

Подлинник. Машинопись.

---

⁷ Богаевский Борис Леонидович (1882—1942) — русский и советский филолог, историк, археолог.

⁸ Белкин Вениамин Павлович (1884—1951) — русский и советский художник, живописец, график.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

10 лет ВДИ 1948 — *10 лет* журнала ВДИ // Вестник древней истории. 1948. № 2. С. 181—182.

Абрам Борисович Ранович 2018 — *Абрам* Борисович Ранович: документы и материалы / Сост. А.И. Ключев, О.В. Метель. Омск, 2018.

Авдиев, Косминский, Ефимов 1942 — *Авдиев В.И., Косминский Е.А., Ефимов А.В.* Преподавание всеобщей истории в средней школе в дни отечественной войны против германского фашизма // Исторический журнал. 1942. № 3—4. С. 122—129.

Акритас 1944 — *Акритас П.* Работа кафедры истории СССР в Пятигорском государственном педагогическом институте // Исторический журнал. 1944. № 5—6. С. 94—95.

Альтман 1945 — *Альтман В.* Всесоюзное археологическое совещание // Исторический журнал. 1945. № 5. С. 91—96.

Арциховский 1945 — *Арциховский А.В.* Хроника Ученого совета // Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. 1945. Вып. 2. С. 34—43.

Бенклиев 1943 — *Бенклиев С.* Историко-филологический факультет Воронежского государственного университета в дни войны // Исторический журнал. 1943. № 3—4. С. 104—105.

Богаевский 1916 — *Богаевский Б.Л.* Земледельческая религия Афин. Т. 1. Пг., 1916.

Богаевский 1924 — *Богаевский Б.Л.* Крит и Микены (Эгейская культура). М.; Л., 1924.

Богаевский 1938 — *Богаевский Б.Л.* Мальти-Дорион (поселение Эгейского периода в западной Мессении) // Вестник древней истории. 1938. № 4. С. 125—133.

Богаевский 1939 — *Богаевский Б.Л.* Эгейская культура и фашистские фальсификаторы истории // Против фашистской фальсификации истории / Под ред. Ф.И. Нотовича. М.; Л., 1939. С. 35—83.

Бухерт 2016 — *Бухерт В.Г.* «В эти грозные дни надо было быть вместе». Письма академика Б.Д. Грекова. 1941—1944 гг. // Великая Отечественная война в современном общественно-историческом сознании (историческая память, восприятие, увековечивание): Материалы Всероссийской научной конференции / Отв. ред. Е.О. Пивовар. М., 2016. С. 95—114.

Вайнштейн 1945 — *Вайнштейн О.Л.* Юбилейная научная сессия Ленинградского университета [1944 г.] // Исторический журнал. 1945. № 4. С. 107—110.

Вовси-Михоэлс 1997 — *Вовси-Михоэлс Н.* Мой отец Соломон Михоэлс. Воспоминания о жизни и гибели. М., 1997.

Горянов 1961 — *Горянов Б.Т.* Николай Степанович Лебедев [Некролог] // Византийский временник. 1961. Т. XVIII. С. 361—364.

Греков 1942 — *Греков Б.Д.* На заре русского государства // Исторический журнал. 1942. № 7. С. 14—31.

Греков 2019 — *Греков Б.Д.* Письма (1905—1952) / Сост. В.Г. Бухерт. М., 2019.

Гриневич 1946 — *Гриневич К.Э.* Работа кафедры истории Томского государственного университета имени В.В. Куйбышева // Вопросы истории. 1946. № 2—3. С. 156—157.

Гутнова 2001 — *Гутнова Е.В.* Пережитое. М., 2001.

Дальский 1937 — *Дальский А.Н.* Театрально-зрелищные действия на Крите и в Микенах во II тысячелетии до нашей эры. М.; Л., 1937.

Двадцать пять лет 1942 — *Двадцать пять лет исторической науки в СССР: Сборник статей / Под ред. акад. В.П. Волгина, акад. Е.В. Тарле и члена-корреспондента Акад. наук СССР А.М. Панкратовой.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1942.

Древние германцы 1937 — *Древние германцы.* Сборник документов / Сост. Б.Н. Граков, С.П. Моравский, А.И. Неусухин. М., 1937.

Ельницкий 2014 — *Ельницкий Л.А.* Три круга воспоминаний. На паперти храма науки. М., 2014.

Иванов 1944 — *Иванов Л.М.* Институт истории АН СССР в 1943 году // Исторический журнал. 1944. № 2—3. С. 101—103.

Из «ижевского» архива Елены (Нелли) Миллиор — *Из «ижевского» архива Елены (Нелли) Миллиор // Вестник Удмуртского университета.* 2000. № 3. С. 3—103.

Иллерицкий 1944 — *Иллерицкий В.Е.* Работа исторического факультета Кызыл-Ординского педагогического института // Исторический журнал. 1944. № 10—11. С. 141—142.

Инглези 1943 — *Инглези Р.В.* Государственной Публичной исторической библиотеке // Исторический журнал. 1943. № 1. С. 104—105.

История 1938 — *История* Всесоюзной Коммунистической партии (большеви́ков). Краткий курс / Под ред. комиссии ВКП(б). М., 1938.

История культуры 1941 — *История* культуры. I. Первобытная культура. — Древнейшие цивилизации. — Античный мир. — Средневековье / Под ред. П.Ф. Юдина, М.О. Косвена и П.И. Кушнера. М., 1941. Рукопись.

Калинин 1975 — *Калинин М.И.* Учителство и война // Статьи и речи (1941—1946 гг.). М., 1975.

Кинжалов 2013 — *Кинжалов Р.В.* Из прошлого / Подг. текста И.Ю. Шауба. СПб., 2013.

Киселев 1940 — *Киселев С.В.* [Рец. на:] Проф. А.В. Арциховский. Введение в археологию. Издание МГУ, 1940 // Вестник древней истории. 1940. № 2. С. 132—134.

Клюев, Метель 2022 — *Клюев А.И., Метель О.В.* «В своей научной работе А.В. Мишулин обычно избегает проторенных путей...»: отзыв А.Б. Рановича о докторской диссертации А.В. Мишулина // Вестник древней истории. 2022. № 82(4). С. 941—957.

Кондратьев, Васнецов 1950 — *Кондратьев С., Васнецов А.* *Aula linguae Latinae*. М.; Л., 1950.

Косминский 2016 — [*Косминский Е.А.*] Выступление члена-корреспондента АН СССР Е.А. Косминского на заседании Ученого совета Института истории АН СССР о порядке защит диссертаций, 21 октября 1946 г. / Публ. подг. В.В. Сашанов // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2016. № 2. С. 174—176.

Лебедев 1944а — *Лебедев Н.* Византия и монголы в XIII веке (по известиям Георгия Пахимера) // Исторический журнал. 1944а. № 1. С. 91—94.

Лебедев 1944б — *Лебедев Н.* Академик В. Г. Васильевский и его работа по истории Византии // Исторический журнал. 1944. № 5—6. С. 74—82.

Липшиц 1951 — *Липшиц Е.Э.* Византиноведение в Ленинграде в 1948—1949 гг. // Византийский временник. 1951. Т. IV (29). С. 274—277.

Лукина 2011 — *Лукина Т.А.* Воспоминания о моем отце // Райков Б.Е. На жизненном пути: автобиографические очерки. СПб., 2011. С. 531—544.

Лурье 1954 — *Лурье С.Я.* К вопросу о политической борьбе в Афинах в конце V века («Андромаха» и «Лисистрата») // Вестник древней истории. 1954. № 3. С. 122—132.

Лурье 1958 — *Лурье С.Я.* Политическая тенденция трагедии «Евмениды» // Вестник древней истории. 1958. № 3. С. 42—54.

Лурье 1943 — *Лурье С.Я.* Художественная форма и вопросы современности в аттической трагедии: Дис. ... докт. филол. наук. [Саратов], 1943.

Лурье 2004 — *Лурье Я.С.* История одной жизни. СПб., 2004.

Маркс, Энгельс 1935 — *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 12. Ч. 1. М., 1935.

Маяк 2015 — *Маяк И.Л.* Воспоминания об Абраме Борисовиче Рановиче и советском антиковедении его времени // Конференция Центра эллинистических исследований Университета Дмитрия Пожарского «Научное наследие А.Б. Рановича: к 130-летию со дня рождения ученого», Москва, 17—18 декабря, 2015. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=nStf-r4u67w>. Дата публикации: 15 января 2016 г.

Милонов 1943 — *Милонов Н.П.* Исследование памятников материальной культуры кафедрой истории Рязанского государственного педагогического института // Исторический журнал. 1943. № 10. С. 104—105.

Михалев 1942 — *Михалев Г.* Работа исторического факультета Тамбовского педагогического института в дни отечественной войны // Исторический журнал. 1942. № 6. С. 151—153.

Мишулин 1936 — *Мишулин А.В.* Спартаковское восстание: Революция рабов в Риме в I в. до н. э. М., 1936.

Мишулин 1939 — *Мишулин А.В.* Древние славяне и судьбы Восточноримской империи // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 290—307.

Мишулин 1940 — *Мишулин А.В.* На историческом фронте // Правда. 1940. № 317. 15 нояб.

Мишулин 1941а — *Мишулин А.В.* Историческая фантазия о «военных доблестях нордической расы» // Исторический журнал. 1941а. № 7—8. С. 75—80.

Мишулин 1941б — *Мишулин А.В.* Древние славяне и крушение Восточно-римской империи // Исторический журнал. 1941. № 10—11. С. 55—61.

Мишулин 1943а — *Мишулин А.В.* История древнего мира: Учебник для 5—6 классов. Тбилиси, 1943.

Мишулин 1943б — *Мишулин А.В.* О военном искусстве скифов // Исторический журнал. 1943. № 8—9. С. 64—69.

Мишулин 1943в — *Мишулин А.В.* [Рец. на:] Дьяков В.Н. Таврика в эпоху римской оккупации // Исторический журнал. 1943. № 5—6. С. 95—96.

Мишулин 1952 — *Мишулин А.В.* Античная Испания до установления Римской провинциальной системы в 197 г. до н. э. М., 1952.

Мошинская 1943 — *Мошинская С.И.* Азиатский Боспор в VI—IV вв.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1943.

Наумов 1943 — *Наумов А.* Отечественная война и преподавание истории в средней школе (Инструктивно-методическое письмо из опыта учителей железнодорожных школ). Пермь, 1943.

Некролог 1940 — *Профессор В.С. Сергеев.* [Некролог] // Вестник древней истории. 1940. № 3—4. С. 381—382.

Осипов 1944 — *Осипов Л.М.* Вооруженные силы Римской империи на Черноморье (I—III вв. н. э.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1944.

Панкратова 1942 — *Панкратова А.М.* Преподавание истории СССР в средней школе в дни отечественной войны против германского фашизма // Исторический журнал. 1942. № 5. С. 145—152.

Пленум 1946 — *Пленум ИИМК 7—10 июня 1944 г.* // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1946. Вып. XIII. С. 184—191.

Преображенский 1936 — *Преображенский П.* [Рец. на:] А.В. Мишулин. Спартаковское восстание, 1936. 292 стр. // Историк-марксист. 1936. № 4. С. 207—208.

Некролог 1948 — *Профессор Александр Васильевич Мишулин (1901—1948)* // Вестник древней истории. 1948. № 4. С. 135—142.

Рабинович — *Рабинович М.В.* Воспоминания долгой жизни [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vgulage.name/books/rabinovich-m-b-vospominaniya-dolgoj-zhizni/#chapt_72025. Дата обращения: 28.12.2023.

Савостьянова 1944 — *Савостьянова О.И.* Восстание 88 г. до н. э. в Афинах (к истории социальных движений в греческих городах во время Первой Митридатовой войны): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1944.

Сербина 2015 — [Сербина К.Н.] Воспоминания К.Н. Сербиной о работе в ЛОИИ в годы войны и блокады // Вспомогательные исторические дисциплины. 2015. Т. XXXIII. С. 552—562.

Сергеев 1939а — *Сергеев В.С.* Эгейский мир // Исторический журнал. 1939. № 6. С. 79—91.

Сергеев 1939б — *Сергеев В.С.* История Древней Греции. М., 1939.

Сергеев 1940 — *Сергеев В.С.* Принципат Тиберия. К вопросу о социальной природе императорской власти в Риме // Вестник древней истории. 1940. № 2. С. 78—95.

Сказкин 1943 — *Сказкин С.Д.* Работа исторического факультета Московского государственного университета в Ашхабаде // Исторический журнал. 1943. № 2. С. 106—107.

Соколов 1942 — *Соколов Ю.А.* Великая Отечественная война и задачи преподавания древней, средней и новой истории в средней школе. Ташкент, 1942.

Тарле 1943 — *Тарле Е.В.* Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М., 1943.

Тахо-Годи 2009 — *Тахо-Годи А.А.* Жизнь и судьба: Воспоминания. М., 2009.

Бломквист 2013 — «<...> твои письма — документ незабываемого времени...»: Из эпистолярного наследия Е.Э. Бломквист, 1942—1945 / Подгот. текста, предисл., коммент. Е.Н. Груздевой. СПб., 2013.

Толстов 1945 — *Толстов С.П.* О перспективном плане в области исторической науки // Исторический журнал. 1945. № 4. С. 102—103.

Удальцов 1943 — *Удальцов А.Д.* Начальный период восточнославянского этногенеза // Исторический журнал. 1943. № 11—12. С. 67—72.

«Центром исторической науки...» 2021 — «*Центром исторической науки в СССР должен быть Институт истории Академии наук.* Проект директора института академика Н.М. Лукина. 1936 г. / Публ. В.В. Тихонова, А.А. Чернобаева // Исторический архив. 2021. № 2. С. 71—80.

Циликина 1942 — *Циликина П.И.* Анализ преподавания истории в школах Красноярского края и основные методические требования на 1942—43 учебный год (Лекция на семинаре руководящих работников народного образования Красноярского края в 1942 году). Красноярск, 1942.

Шепунова 1940а — *Шепунова Т.М.* В Академии наук СССР. Дискуссия об эгейской культуре (Обсуждение главы для III тома «Всемирной истории») // Вестник древней истории. 1940. № 2. С. 204—218.

Шепунова 1940б — *Шепунова Т.М.* По историческим учреждениям. В Академии наук СССР. Обсуждение главы «Эгейский мир» для III тома «Всемирной истории» // Исторический журнал. 1940. № 7. С. 135—139.

Шепунова 1941 — *Шепунова Т.М.* Актуальные проблемы научной работы кафедры древней истории исторического факультета Московского государственного университета // Исторический журнал. 1941. № 12. С. 149.

Штаерман, Пикус 1951 — *Штаерман Е.М., Пикус Н.Н.* Памяти проф. В.С. Сергеева // Вестник древней истории. 1951. № 2. С. 166—178.

Эренбург 1966 — *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь. Кн. 5—6. М., 1966.

Литература

Аврус, Гапоненков, Данилов 2009 — *Аврус А.И., Гапоненков А.А., Данилов В.Н.* История Саратовского университета. 1909—2009. Т. 1. Саратов, 2009.

Ананьев 2010 — *Ананьев В.Г.* Письма К.Н. Сербиной А.И. Андрееву военного времени как исторический источник // *Вспомогательные исторические дисциплины*. 2010. Т. 31. С. 456—475.

Андреев 2004 — *Андреев Ю.В.* Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XI—VIII вв. до н. э. СПб., 2004.

Афиани, Осипова 2010 — *Афиани В.Ю., Осипова Н.М.* Академия наук СССР в первые месяцы войны // *Исторические записки*. 2010. Вып. 13 (131). М., 2010. С. 3—27.

Барынина 2010 — *Барынина О.А.* Отечественное византиноведение на рубеже эпох: Русско-византийская комиссия (1918—1930 гг.). СПб., 2010.

Басаргина 2021 — *Басаргина Е.Ю.* К 130-летию М.Е. Сергеевко: защита докторской диссертации в блокадном Ленинграде // *Philologia Classica*. 2021. Т. 16, № 2. С. 346—369.

Бранденбергер 2017 — *Бранденбергер Д.* Сталинский руссоцентризм. Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931—1956). М., 2017.

Бурдей 1995 — *Бурдей Г.Д.* Историческая литература в годы Великой Отечественной войны: документы и материалы. Вып. 1: Историческая периодика. Саратов, 1995.

Бурдей, Бородкин 1993 — *Бурдей Г.Д., Бородкин Л.И.* Защита диссертаций по гражданской истории в 1941—1945 гг.: источники, проблематика, динамика // *Вспомогательные исторические дисциплины*. 1993. Т. 24. С. 106—126.

Бурдей, Наумов 1995 — *Бурдей Г.Д., Наумов С.Ю.* Историческая литература в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы. Вып. 3. Саратов: Образование, 1995.

Васин, Велембовская 2013 — *Васин А.Н., Велембовская К.М.* Комитет «Помощь России в войне». Американская гуманитарная помощь СССР в годы Великой Отечественной войны // *Новая и новейшая история*. 2013. № 4. С. 84—99.

Верлинский 2004 — *Верлинский А.Л.* Лукреций в трудах Якова Марковича Боровского // *Philologia Classica*. 2004. № 6. С. 69—87.

Вклад историков 2015 — *Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне*. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941—1945 гг. / Отв. ред. С.В. Журавлев; Институт российской истории РАН. М.; СПб., 2015.

Всемирная история 1955 — *Всемирная история*. Т. 1 / Под ред. Ю.П. Францева и др. М., 1955.

Выскуп 2005 — *Выскуп В.Г.* Российская общественно-государственная система аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации. М., 2005.

Высшая школа 1995 — *Высшая школа* в годы Великой Отечественной войны (1941—1945): очерки истории / Под ред. А.Я. Савельева. М., 1995.

Гаврилов, Казанский 1993 — *Гаврилов А.К., Казанский Н.Н.* К 100-летию М.Е. Сергеевко // Вспомогательные исторические дисциплины. 1993. № 3. С. 316—328.

Гладышев 2006 — *Гладышев А.В.* Историк — руководящий: В.П. Волгин // Историк и власть: советские историки сталинской эпохи. Саратов, 2006. С. 136—198.

Голубцова 2000 — *Голубцова Е.С.* Роберт Юрьевич Вишпер (1859—1954) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов, Л.П. Маринович, Л.Т. Мильская. М.; Иерусалим, 2000. С. 7—15.

Груздинская 2020 — *Груздинская В.С.* Дисциплинарная история историографии в СССР: вторая половина 1940-х—середина 1980-х гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2020.

Груздинская, Метель 2018 — *Груздинская В.С., Метель О.В.* Институциональная структура советской исторической науки (конец 1910-х—вторая половина 1930-х гг.): Учебное пособие. Омск, 2018.

Гуляев 2000 — *Гуляев В.И.* Введение // Институт археологии: история и современность. Сборник научных биографий / Отв. ред. В.И. Гуляев. М., 2000. С. 3—20.

Дильтей 2000 — *Дильтей В.* Собрание сочинений: В 6 т. / Под ред. А.В. Михайлова и Н.С. Плотникова. Т. 1: Введение в науки о духе / Пер. с нем. под ред. В.С. Малахова. М., 2000.

Длужневская 2006 — *Длужневская Г.В.* Деятельность Российской — Государственной академии истории материальной культуры — Института истории материальной культуры АН СССР в 1919—1940 гг. // От Древней Руси до современной России: Сборник научных статей в честь 60-летия А.Я. Дегтярева / Отв. ред. А.О. Бороноев и др. СПб., 2006. С. 347—371.

Дубровский 2017 — *Дубровский А.М.* Власть и историческая мысль в СССР (1930—1950-е гг.). М., 2017.

Жарков 2008 — *Жарков И.А.* М. Финли и советская историография античной истории. Иркутск, 2008.

Жмудь 2016 — *Жмудь Л.Я.* С.Я. Лурье как историк науки // Лурье С.Я. Избранные труды по истории науки / Под ред. Л.Я. Жмудя. СПб., 2016. С. 4—50.

Жмудь 2013 — *Жмудь Л.Я.* Изучение античной науки в ИИНиТе на фоне 1930-х гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 2013. № 3. С. 3—26.

Жукова 2014 — *Жукова О.Г.* Великая отечественная: школьная реформа с элементами элитарности? // Историческое обозрение. 2014. № 15. С. 71—77.

Зуев 1997 — *Зуев В.Ю.* М.И. Ростовцев. Годы в России. Биографическая хроника // Скифский роман / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 50—83.

Иванова, Карпюк 2020 — *Иванова А.В., Карпюк С.Г.* Обреченный проект: Институт истории Коммунистической академии и его наследие // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Вып. 1 (37).

Историография 1980 — *Историография* античной истории / Под ред. В.И. Кузищина. М., 1980.

История и историки 2006 — *История* и историки: нам 70 лет! Исторический факультет ЧГПУ: прошлое, настоящее, будущее / Сост. Н.А. Вахрушева, Л.Г. Майзель, Л.К. Матюхина и др. Челябинск: Изд-во Челябинского государственного педагогического университета, 2006.

К 10-летию 1958 — *К 10-летию* со дня смерти А.В. Мишулина // Вестник древней истории. 1958. № 4. С. 170—171.

Каганович 2014 — *Каганович Б.С.* Евгений Викторович Тарле. Историк и его время. СПб., 2014.

Карпюк 2015 — *Карпюк С.Г.* А после была война: дискуссия 1940 года о характере крито-микенской цивилизации // Вестник древней истории. 2015. № 2. С. 95—105.

Карпюк 2016 — *Карпюк С.Г.* Пробуждение сообщества советских историков древности: авторско-читательские конференции ВДИ 1950—60-х годов // ПЕНТНΚΟΝΤΑΕΤΙΑ. Исследования по античной истории и культуре. Сборник, посвященный юбилею Игоря Евгеньевича Сурикова / Под ред. О.Л. Габелко, А.В. Махлаюка и А.А. Синицына. СПб., 2016. С. 512—516.

Карпюк 2017 — *Карпюк С.Г.* Сопоставительная историография античности: Мозес Финли и Эмили Грейс // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах. 2017. Вып. 6. С. 462—474.

Карпюк 2018а — *Карпюк С.Г.* Мозес Финли: документы из московских архивов. Беседа Финли с 3-м секретарем советского посольства А.А. Ермолаевым // Вестник древней истории. 2018. Т. 78, № 1. С. 113—121.

Карпюк 2018б — *Карпюк С.Г.* Переписка Мозеса Финли с советскими дипломатами, декабрь 1942—август 1943 г. // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2018. Т. 18. Вып. 2. С. 283—292.

Карпюк 2019а — *Карпюк С.Г.* ИИМК в Москве, 1943—1945 гг. // Российская археология. 2019. № 3. С. 115—121.

Карпюк 2019б — *Карпюк С.Г.* Московское отделение ИИМК, лето 1941—зима 1941/42 гг. // Российская археология. 2019. № 2. С. 167—177.

Карпюк 2020 — *Карпюк С.Г.* Институт истории АН СССР в 1941—1943 годах. Документальные свидетельства // Новая и новейшая история. 2020. № 5. С. 128—139.

Карпюк 2021а — *Карпюк С.Г.* «Помощь России в войне»: свидетельство Мозеса Финли // Новая и новейшая история. 2021. Т. 65, № 2. С. 109—117.

Карпюк 2021б — *Карпюк С.Г.* А.В. Мишулин и формирование в СССР московского центра изучения истории Древнего мира в 1930—40-х гг. // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2021. № 2. С. 85—90.

Карпюк 2023а — *Карпюк С.Г.* От эвакуации к реэвакуации: московские историки древности в 1941—1943 годах // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2023. Т. 27. С. 396—404.

Карпюк 2023б — *Карпюк С.Г.* От эвакуации к реэвакуации: московские историки древности в 1941—1943 гг. // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2023. Т. 27-1. С. 529—537.

Карпюк 2024 — *Карпюк С.Г.* В начале войны: публикационная активность советских историков древности в 1941—1943 гг. // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2024. Т. 9. Вып. 2. С. 82—87.

Карпюк, Крих 2018 — *Карпюк С.Г., Крих С.Б.* Работа над «Всемирной историей» в довоенный период: поиски управленческой модели // Вестник древней истории. 2018. Т. 78. Вып. 4. С. 1011—1031.

Карпюк, Кулишова 2018 — *Карпюк С.Г., Кулишова О.В.* Академик С.А. Жебелев, последние годы: стенограмма заседания академических институтов в Ташкенте 31 января 1942 г. // Вестник древней истории. 2018. Т. 78. Вып. 1. С. 88—112.

Кашеев 2020 — *Кашеев В.И.* Классическая филология в Саратовском университете: истоки ее изучения и преподавания (1917—1920) // Современные наукоемкие технологии. 2020. № 12. С. 362—367.

Козлов 2005 — *Козлов Б.И.* Академия наук СССР в годы войны: урок истории // Вестник РАН. 2005. Т. 75, № 5. С. 387—392.

Кольцов 1997 — *Кольцов А.В.* Ленинградские учреждения Академии наук СССР в 1934—1945 гг. СПб., 1997.

Комков, Левшин, Семенов 1977 — *Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов Л.К.* Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. Т. 2. 1917—1976. М., 1977.

Конопаткин 2023 — *Конопаткин В.А.* История древнего мира в советских школах в годы Великой Отечественной войны: содержательные рекомендации учителям // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2023. Т. 10, № 3 (39). С. 7—14.

Конопаткин 2024 — *Конопаткин В.А.* История Римской империи и советская идеология времен Великой Отечественной войны (на материалах «Исторического журнала») // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2024. Т. 9, № 1. С. 88—95.

Конопаткин 2025 — *Конопаткин В.А.* Подготовка диссертации Л.М. Осиповым на кафедре древней истории МГУ в условиях военного времени (1941—1945 гг.): между дореволюционным университетом и Великой Отечественной войной // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2025. Т. 12, № 2 (46). С. 83—88.

Корзун, Груздинская 2020 — *Корзун В.П., Груздинская В.С.* 220-й юбилей АН СССР в победном 1945-м: сценарий празднования в социокультурном контексте эпохи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19, № 2. С. 374—392.

Корзун, Колеватов 2020 — *Корзун В.П., Колеватов Д.М.* «Русские поклоняются знаниям» (220-летний юбилей АН СССР в восприятии канадского ученого) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 162. Кн. 3. С. 207—219.

Крих 2015 — *Крих С.Б.* А.В. Мишулин и его Спартак // Вестник древней истории. 2015. № 1. С. 178—189.

Крих 2013 — *Крих С.Б.* Образ древности в советской историографии. М., 2013.

Крих, Метель 2014 — *Крих С.Б., Метель О.В.* Советская историография древности в контексте мировой историографической мысли. М., 2014.

Кузищин 1971 — *Кузищин В.И.* Спартака восстание // Советская историческая энциклопедия. Т. 13. М., 1971. Стб. 737—740.

Ладынин 2020 — *Ладынин И.А.* На пути к концепции рабовладения на Древнем Востоке: работа В.И. Авдиева «Элементы древневосточного общества» (1933) // Электронный научно-образовательный

журнал «История». 2020. Т. 11. Выпуск 1 (87). URL: <https://history.jes.su/s207987840008294-2-1/>.

Ладынин, Тимофеева 2017 — *Ладынин И.А., Тимофеева Н.С.* Обсуждения учебника В.И. Авдиева «История древнего Востока» в конце 1940-х—начале 1950-х гг. // *Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры.* 2017. Вып. 6. С. 384—390.

Ладынин, Тимофеева 2014 — *Ладынин И.А., Тимофеева Н.С.* Египтолог М.А. Коростовцев и его инициатива по созданию научного представительства СССР в Египте (1943—1947 годы) // *Исторические записки.* 2014. № 15 (133). С. 368—392.

Лившин, Орлов 2007 — *Лившин А.Я., Орлов И.Б.* Предисловие // Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. М., 2007.

Макаров 2007 — *Макаров Н.А.* Институт археологии: прошлое и настоящее // Институт археологии Российской академии наук / Отв. ред. Н.А. Макаров. М., 2007. С. 6—13.

Макарова 2023 — *Макарова О.С.* Формирование образа врага в начальный период Великой Отечественной войны и переосмысление стереотипов советской пропаганды довоенного периода // *Новейшая история России.* 2023. Вып.13. № 3. С. 584—591.

Метель 2021 — *Метель О.В.* Академическая наука в эвакуации: Институт истории АН СССР в 1941—1943 гг. // *Вестник Томского государственного университета.* 2021. № 472. С. 139—146.

Найденов 1961 — *Найденов М.Е.* Проблемы периодизации советской исторической науки // *История СССР.* 1961. № 1. С. 81—96.

Низамова, Скворцов 2024 — *Низамова Э.Р., Скворцов А.М.* Антиковедение в годы Великой Отечественной войны: практики преподавания в высшей школе // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.* 2024. Т. 9, № 1. С. 96—102.

Овчинников 2020 — *Овчинников А.В.* Власть и учительство в России в годы Великой Отечественной войны // *Отечественная и зарубежная педагогика.* 2020. № 1(66). С. 7—17.

Огоновская 2015 — *Огоновская И.С.* Перестройка исторического образования и обновление содержания школьных учебников истории СССР в годы Великой Отечественной войны // *70-летие Великой Победы: исторический опыт и проблемы современности.* Екатеринбург, 2015. С. 259—267.

Павловская 1987 — *Павловская А.И.* 50 лет работы журнала «Вестник древней истории» АН СССР // *Вестник древней истории.* 1987. № 3. С. 3—17.

Павловская 1998 — *Павловская А.И.* Первые десятилетия издания «Вестника древней истории» // Вестник древней истории. 1998. № 1. С. 6—21.

Платонова 1991 — *Платонова Н.И.* Институт истории материальной культуры в годы Великой Отечественной войны // Материалы конференции «Археология и социальный прогресс». Вып. 1. М., 1991. С. 45—78.

Платонова 1999 — *Платонова Н.И.* М.И. Артамонов — директор ИИМК // Археологические вести. 1999. Вып. 6. С. 466—478.

Платонова, Кирпичников 2010 — *Платонова Н.И., Кирпичников А.Н.* Сектор/отдел славяно-финской археологии ЛОИИ АН СССР — ИИМК РАН: исследования и исследователи // Записки Института истории материальной культуры РАН. 2010. № 5. С. 7—71.

Позняков 1992 — *Позняков В.В.* Американская гуманитарная помощь советскому народу (1941—1945) // Американский ежегодник. 1991. М., 1992. С. 38—56.

Репина 2017 — *Репина Л.П.* Юбилейные истории университетов как жанр современной российской историографии // Диалог со временем. 2017. Вып. 60. С. 142—152.

Савина 2005 — *Савина Г.А.* Опыт социальной истории в лицах: В.Л. Комаров — президент АН СССР // Нестор 9. На переломе: Отечественная наука в конце XIX—XX вв. Вып. 3. СПб., 2005. С. 165—205.

Сидорова 1997 — *Сидорова Л.А.* Оттепель в исторической науке. Советская историография первого послесталинского десятилетия. М., 1997.

Скворцов 2017 — *Скворцов А.М.* Разгром «античного кружка» в Ленинграде (по материалам следственных дел архива ФСБ) // Вестник древней истории. 2017. Т. 77. Вып. 1. С. 210—223.

Скворцов 2019 — *Скворцов А.М.* Из истории развития советской исторической науки в 1930-е—1940-е годы: защита докторской диссертации А. В. Мишулиным // Научный диалог. 2019. № 2. С. 296—310.

Скворцов 2020 — *Скворцов А.М.* Кафедра классических языков и литератур ЛИФЛИ: история создания и организация учебного процесса // *Philologia Classica*. 2020. Т. 15, № 2. С. 394—410.

Скворцов 2022 — *Скворцов А.М.* Классическая филология на заключительном этапе Великой Отечественной войны: актуализация дисциплины // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2022. № 26-2. С. 1299—1308.

Скворцов 2023а — *Скворцов А.М.* «Работаем здесь полным ходом»: кафедра классической филологии ЛГУ в эвакуации в Саратове (1942—1944) // *Philologia Classica*. 2023. Т. 18, № 1. С. 125—138.

Скворцов 2023б — *Скворцов А.М.* Возрождение отечественного славяноведения и диссертационная культура советского историко-научного сообщества 1941—1945 гг. // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2023. № 2. С. 152—161.

Скворцов 2024а — *Скворцов А.М.* «Академия не потребует от Вас никакой иной работы, кроме работы над темой, которую Вы сами себе выберете»: антиковеды ЛОИИ в годы Великой Отечественной войны // *Социология науки и технологий*. 2024. Т. 15, № 1. С. 50—67.

Скворцов 2024б — *Скворцов А.М.* «Мы должны изучать и почитать тех ученых, которые... выдвинули русскую науку на первые ряды»: защита Н. С. Лебедевым диссертации о В.Г. Васильевском в 1943 г. // *Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки*. 2024. Т. 26, № 2. С. 213—228.

Скворцов 2024в — *Скворцов А.М.* «Сама по себе совокупность трудов могла бы позволить присудить... степень доктора»: защита С. Я. Лурье диссертации в 1944 г. // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2024. № 28-2. С. 2146—2160.

Соболев 1962 — *Соболев Г.Л.* Ученые Ленинградского университета в годы Великой Отечественной войны // *Очерки по истории Ленинградского университета / Под ред. Н.Г. Сладкевич. Л., 1962. Т. 1. С. 169—183.*

Сперанский 2015 — *Сперанский А.В.* Высшая школа СССР в 1941—1945 гг.: экзамены войны // *Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки*. 2015. Т. 15, № 3. С. 33—38.

Тимофеева 2014 — *Тимофеева Н.С.* Египтолог В.И. Авдиев: неизвестные документы о пути в науке // *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение, языкознание, культурология*. 2014. № 141. С. 66—77.

Тихонов 2003 — *Тихонов И.Л.* Из истории университетских юбилеев // *Празднование 275-й годовщины основания Санкт-Петербургского университета: Документы и материалы*. СПб., 2003. С. 443—466.

Тихонов 2015 — *Тихонов В.В.* Сражающаяся наука: роль исторической науки в антифашистской пропаганде в годы Великой Отечественной войны // *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*. 2015. № 2 (79). С. 28—40.

Тихонов 2021 — *Тихонов В.В.* «С русским размахом и американской деловитостью»: коллективные и индивидуальные формы организации исследований в Институте истории АН СССР // *Российская история*. 2021. № 5. С. 144—154.

Тихонов 2016 — *Тихонов В.В.* Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х—1953 гг.). М.; СПб., 2016.

Тункина 1997 — *Тункина И.В.* М.И. Ростовцев и Российская Академия наук // Скифский роман / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 84—123.

Указатель 2012 — *Указатель* материалов, опубликованный в «Вестнике древней истории» в 1937—2012 гг. / Отв. ред. С.Ю. Сапрыкин. М., 2012.

Формозов 2006 — *Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М., 2006.

Фролов 2013 — *Фролов Э.Д.* Профессор Дмитрий Павлович Каллистов (1904—1973). Штрихи к портрету // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2013. Вып. 13. С. 433—446.

Фролов 2006 — *Фролов Э.Д.* Русская наука об античности. Историографические очерки. СПб., 2006.

Цамутали, Чистиков 2016 — *Цамутали А.Н., Чистиков А.Н.* Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР в 1936—1984 гг. // Труды Санкт-Петербургского института истории РАН. 2016. Вып. 2 (18). С. 288—376.

Цыпилева 2009 — *Цыпилева Е.С.* Н.Ф. Дератани в воспоминаниях современников // EXPERIMENTA LUCI ERA: Материалы VI Поволжского научно-методического семинара по проблемам преподавания и изучения дисциплин античного цикла. Н. Новгород, 2009. С. 28—37.

Шарова 2004 — *Шарова А.В.* Историк и время. Маленькие радости большого террора: Первые годы Института истории АН СССР // Одиссей: Человек в истории. 2004. М., 2004. С. 318—350.

Шелов 1991 — *Шелов Д.Б.* 70 лет Институту археологии // Материалы конференции «Археология и социальный прогресс». Вып. 1. М., 1991. С. 9—30.

Raskolnikoff 1975 — *Raskolnikoff M.* La recherche soviétique et l'histoire économique et sociale du monde hellénistique et romain. Strasbourg, 1975.

Carter 1944 — *Carter E.C.* Russian War Relief // Slavonic and East European Review. American Series. 1944. Vol. 3, N 2. P. 61—74.

Finley 1975 — *Finley M.* Empire in the Greco-Roman World // Greece and Rome. 1975. Vol. 25. P. 1—15.

Green 2000 — *Green K.* Technological Innovation and Economic Progress in Ancient World // Economic History Review. 2000. Vol. 53, N 1. P. 29—59.

Kazakevich 2016 — *Kazakevich (Grace) E.* M.I. Finley: A Note on His Life and Work // Вестник древней истории. 2016. Т. 76, № 3. С. 780—784.

Naiden 2014 — *Naiden F.S.* Finley's War Years // American Journal of Philology. 2014. Vol. 135, N 2. P. 243—266.

Naiden 2017 — *Naiden F.S.* Moses Finley's Communist Party Membership // *American Journal of Philology*. 2017. Vol. 138, N 4. P. 739—742.

Porter 2015 — *Porter S.N.* Humanitarian Diplomacy after World War II: The United Nations Relief and Rehabilitation Administration // *Foreign Policy Breakthroughs: Cases in Successful Diplomacy* / Eds R. Hutchings, J. Suri. New York, 2015. P. 21—46.

Tompkins 2013 — *Tompkins D.P.* Moses Finkelstein and the American Scene // *Moses Finley and Politics* / Ed. W.V. Harris. Leiden, 2013. P. 5—30.

Tompkins 2016 — *Tompkins D.P.* The Making of Moses Finley // *M.I. Finley: An Ancient Historian and His Impact* / Eds D. Jew, R. Osborne, M. Scott. Cambridge, 2016. P. 13—30.

Встречающиеся сокращения библиотек и архивов

Архив РАН — Архив Российской академии наук (г. Москва)

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

ЦГА СПб — Центральный государственный архив г. Санкт-Петербурга

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации (г. Москва)

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории (г. Москва)

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (г. Санкт-Петербург)

ОГАЧО — Объединенный государственный архив Челябинской области (г. Челябинск)

РО ИРЛ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом, г. Санкт-Петербург)

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (г. Москва)

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург)

АВП РФ — Архив внешней политики РФ (г. Москва)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Академическое антиковедение Москвы и Ленинграда	6
1.1. Изучение истории Древней Греции и Рима в АН СССР перед войной	6
1.2. За год до войны: дискуссия о крито-микенском обществе	12
1.3. Институт истории АН СССР в Москве в годы войны	26
1.4. Ленинградское отделение Института истории АН СССР в годы войны	42
1.5. Московское отделение Института истории материальной культуры в годы войны	55
Глава II. Античность в системе высшего и среднего образования, научной периодике	79
2.1. Преподавание древней истории в вузах в условиях военного времени	79
2.2. Юбилей во время войны: заседание кафедры истории древнего мира МГУ в мае 1944 г.	89
2.3. «Работаем здесь полным ходом»: кафедра классической филологии ЛГУ в эвакуации в Саратове (1942—1944)	95
2.4. Античность в школьном историческом образовании в годы войны	109
2.5. Актуализация классической филологии на заключительном этапе Великой Отечественной войны ..	123
2.6. Античность на страницах «Исторического журнала» в годы войны	131
Глава III. Подготовка кадров высшей квалификации по антиковедению	138

3.1. «Мы должны изучать и почитать тех ученых, которые <...> выдвинули русскую науку на первые ряды»: защита диссертации Н.С. Лебедевым о В.Г. Васильевском в 1943 г.	141
3.2. Первая защита диссертации в Москве после ре-эвакуации: диспут А.В. Мишулина 1943 г.	151
3.3. Дореволюционные традиции, классовый подход и веяния военного времени в диссертации Л.М. Осипова 1944 г.	168
3.4. «Сама по себе совокупность трудов могла бы позволить присудить <...> степень доктора»: защита диссертации С.Я. Лурье в 1944 г.	182
Заключение	194
Приложения	200
<i>Приложение 1. «Помощь России в войне»: роль историка-античника Мозеса Финли</i>	200
1.1. Мозес Финли — организатор помощи СССР	200
1.2. Мозес Финли и распределение американской помощи. «Меморандум Финкельштейна»	209
<i>Приложение 2. Б.В. Казанский «Ленинградская Академия Художеств в годы осады». Публикация источника</i>	218
Библиография	222

Научное издание

**Артем Михайлович Скворцов,
Сергей Георгиевич Карпюк,
Владислав Алексеевич Конопаткин**

**АНТИЧНАЯ КЛАССИКА
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
ОТ АПОЛОГИИ «СКИФСКОГО» СОПРОТИВЛЕНИЯ
К ГРЕКО-РИМСКОЙ ЭСТЕТИКЕ СОВЕТСКИХ ТРИУМФОВ**

Утверждено к печати

*Ученым советом Санкт-Петербургского института истории
Российской академии наук*

Редактор издательства *М. В. Орлова*
Художник *П. Палей*
Компьютерная верстка *А. Л. Селяниновой*
Корректор *А. К. Рудзик*

Подписано к печати 20.11.2025
Формат 60 × 90 ¹/₁₆. Гарнитура Таймс
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 13,0
Тираж 150 экз. Тип. зак. №

ФГБУ Издательство «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1
тел.: +7(495)276-77-35, e-mail: info@naukapublishers.ru
<https://naukapublishers.ru>, <https://naukabooks.ru>

Отдел редакционной подготовки гуманитарной
и естественнонаучной литературы
199034 г. Санкт-Петербург, 9-я линия В. О., 12/28
ФГБУ «Издательство «Наука» (Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-02-041444-0

9 785020 414440